

Б. М. Бим-Бад

Лекции-беседы (1988-1989) по темам педагогической антропологии и теории воспитания

Фрагменты стенограмм

* * *

В нашей стране, сообщает кто-то Алисе, чтобы стоять на месте, надо очень быстро бежать. А в наше время, чтобы остаться на месте, нужно бежать почти непрерывно. Я уже не говорю о том, что идти вперед. Это и есть идеи непрерывного образования. При этом я не хочу бросить тень на проблему покоя.

С.В. Гальперин

Сейчас мы очень быстро м перестройка – это огромное ускорение, возникает центробежная сила.

Б.М. Бим-Бад

Никто не сказал, куда бежать, направление тоже должно быть.

Н.П. Дмитриева

Я наблюдаю людей у себя на работе, они остановились, теперь они бегут очень быстро. Они не понимают, то упустили. Им кажется, что они бегут вперед, а бегут в обратную сторону.

Б.М. Бим-Бад

Это очень важный вопрос. Все дело в содержании. Речь не идет бег ради бега.

Н.П. Дмитриева

У нас я не знаю ни одного коллектива, который бы защитил человека, если от него хотят избавиться начальники, я не видела коллектива, где в этом случае защитили бы человека. И у нас каждый человек вырабатывает свои средства защиты. Он становится агрессивным.

* * *

Б.М. Бим-Бад

Но ведь здесь речь идет не только об отношении к людям. Здесь речь идет и об отношении к вещам. Потому, что раздражительность, озлобленность, недружелюбность в отношениях между взрослыми и детьми опосредствуется точно такими же отношениями к вещам, к миру в целом, к природе, к истории.

Б.М. Бим-Бад

Если бы геометрические теоремы задевали интересы людей, они давным-давно были бы опровергнуты, во всякую случае, частью людей. Это известно.

Ваши рассуждения, мне кажется, на тему: что первично – страсть или разум? Конечно, страсть. Если она диктует чувства (опять из Пастернака), то тогда разум ей будет служить постоянно.

Заметьте себе, я прожил, единственную свою жизнь и я не верю в перевоплощение, во второе и третье рождение, и я считаю, что я проживаю одну, единственную жизнь, и я прожил ее со всеми ее драмами, наслаждениями, с любовью с молодостью, с надеждами, в эпоху, в которую всякие там Натальи Павловны и прочие "жулики" называют эпохой сталинизма, эпохой ошибочную – это что, перечеркивать всю свою жизнь? Обесценивает ее? Что же я жил ничего не зная, ничего не понимая, не видя что вокруг происходит и не имея об этом ни малейшего представления, значит я был дурак? Ведь ясно же, что документы, которые хотят меня уверить, что я дурак, поддельны, я никогда не поверю ни одному документу, ни за что, да хоть вы мне приведите миллион свидетелей, если они меня будут уверять, что моя жизнь ничего не стоит, что я во

всем ошибался, что я любил изверга, и что я плакал, рыдал, страдал, когда он умер, и что испытал чувство сиротства, и когда мне это начнут доказывать, да я слушать их не стану, они враги народа, они кровопийцы, они защитники всякого рода никому не нужных людей и я никогда с этим не смирюсь.

Человеческие страсти. Дорогие мои, если мы хотим понять человека, мы, прежде всего, должны изучить его страсти, а страсть не что иное, как ощущение своего бытия и все связанное с защитой этого бытия.

Но вернемся, товарищи, к Гитлеру.

Разве можно сбросить со счета амбициозное стремление Гитлера стать художником? Достаточно обычная и реальная ситуация, – человек ошибся в своем призвании. Выяснилось, что его не признали. Конечно, он был не согласен с тем, что у него не получается. Конечно, же он настолько прекрасный и великий художник, что окружающие пигмеи не в силах это понять и он, этот человек, еще докажет им, он покажет с кем они имеют дело и какого художника они не признают за равного, унижают, преследуют, не пускают и прочее.

Обычная история. Но подобного рода общности накладываются в сложном взаимодействии с ними на особые пласты культуры по велению его величества случая, оказавшегося под рукой, пропитывающие ближайшее социальное окружение человека. Они, эти пласты культуры, оказались под рукой случайно и вместе с тем глубоко закономерно. Об этой закономерности прекрасно сказала Наталья Павловна. Ведь человек и отбирает в доступной ему культуре именно то, что ему близко.

И вот начинается мучительно сложный процесс, взаимопротивоположно направленный. Помните, мы говорили об этом, когда речь шла о фундаментальных законах развития любого человека, процесс взаимодействия, в науке он называется ассимиляцией, присвоение мира, усвоение культуры, и аккомодация. И одно невозможно без другого. Аккомодация – это процесс приспособления мира к себе, процесс, в котором человек накладывает свою печать, свой облик, проявляет свою активность в окружающем мире, и одно невозможно без другого. Если мы хотим понять Гитлера как человека, нам недостаточно изучить ни его ближайшее социально-психологическое окружение, ни, если мы только этим ограничимся, присвоенную им культуру. И, наверное, то же самое в массе других случаев.

Товарищи, когда я с вами спорю, это не значит, что я пытаюсь навязать свою точку зрения. Это означает, что я бросаю перчатку бросившему мне в надежде на то, что она снова будет поднята и снова шваркнута в морду моего лица. И это очень правильно и хорошо. Поэтому, пожалуйста, продолжайте наскокивать. Ведь без ваших наскоков я не вспомнил бы о том, другом и третьем и не утвердился бы в какой-то своей точке зрения. Я знаю, я верю, я чувствую, что как только вы убедите меня в моей неправоте, я с величайшей радостью с вами соглашусь.

Л.А. Ильина

Мы говорим об особенностях воспитания Гитлера. Но он ведь был больной человек, он был маньяк, он был шизоид. Разве это можно не принимать во внимание. Или это не так? Он обладал каким-то гипнотическим действием на массы.

Б.М. Бим-Бад

Это важно, интересно и серьезно. Маньяк-шизоид. Наверное, в какой-то степени вот такого рода вожди, они просто ярче проявляют в той или иной мере черты свойственные многим людям. Мне кажется, что здесь больше количества, чем качества. Хотя диалектик, если бы он здесь оказался, немедленно вспомнил бы о законе перехода количества в качество. Вспомните, с определенной точки зрения все люди более или менее сумасшедшие.

Норма – это как бы мера усредненного сумасшествия, точно также, как в какой-то мере все мы слепы и глухи. Это же абсолютно очевидно.

Посмотрите. Сумасшествие многими хорошими специалистами-психиатрами

рассматривалось как просто слишком большая степень выраженности вещей, которые свойственны всем. Ну, например, положим, чистый мазохист, человек, который не может быть счастлив, если его не топчут, не оплевывают, не избивают, не издеваются над ним и проч., это яркая, предельно выраженная черта, которая свойственна огромному количеству людей, например, как только человек начинает жалеть себя или плакать из жалости к себе, он невольно проявляет какую-то степень своей мазохичности и как только он находит утешение в слезах, он проявляет свой маленький-маленький мазохизм.

Возьмите такой вид сумасшествия, как садизм – противоположность. В лесу буквом – Бухенвальде был человек, который не мог заснуть спокойно, не убив нескольких человек, ну хотя бы одного, или не помучив там кого-то. И вот это яркая степень выражения свойственна огромному количеству обычных людей – желание унижить, принести боль, подковырнуть, отомстить, ну мало ли что, причинив боль, получить некую выгоду, за то, что будет причинена боль, страдание человеку – это ведь огромному количеству людей свойственно, к великому сожалению, я не хочу сказать всем, но свойственно. И с этой точки зрения, безумие Сталина, Гитлера, Наполеона, называют немало и других имен.

Здесь огромная энергия. Известно, что внушаемость человеческих толп – это свинцовое море, которое тяжело на подъем, во зато поддается действию любого огня. Главное, чтобы был огонь, чтобы была энергия. Энергия передается, она заразительна, она обладает колоссальной внушающей силой. И это психологи исследовали тысячекратно.

Вот почему такие великие гуманисты как Томас Манн, всегда протестовали против внушения как такового, как способа взаимодействия людей, и особенно как способа воспитания, как способа повышать внушаемость и уменьшать степень сознания. Возьмете ли вы бессмертную по исполнению, чисто художественному, и по содержанию повесть Томаса Манна "Марио и волшебник", возьмете ли вы любую работу Песталоцци, столкнетесь ли вы с произведениями Корчака, вы везде найдете одно и то же, вы обнаружите, что соловьи монастырского сада всегда говорят об одном и том же (вы знаете, о чем). Только наступление сознания на подсознание – рефлексия, рефлексия множественной степени способная следить самим за собой, способная отдавать отчет в собственном духовном движении, может быть спасительной в случае, когда судьба нас ставит вот в такое положение – поддаваться внушению, поддаваться гипнозу.

С.В. Гальперин

Это парадокс искусства. Ведь все искусство обращено к одному – к эмоциям: и музыка, и художественное слово и т.д.

* * *

Б.М. Бим-Бад

Видите ли, Семен Вениаминович, есть преступления без жертв, тогда это не преступление.

С.В. Гальперин

А честь? Поруганная честь? Тогда это считалось более тяжелым преступлением, чем, скажем, человеческая жизнь сейчас.

Б.М. Бим-Бад

Конечно, если Александр Сергеевич поругал чью-то честь, то он, наверное, поступил нехорошо.

С.В. Гальперин

Ну графа Воронцова. Тогда как?

Б.М. Бим-Бад

Я имел в виду вот что. Видите ли ренессансное, жизнерадостное, жизнелюбивое возвышенное отношение к земному существованию ни капельки не противоречит высоким, религиозным требованиям идеала.

Потому как с определенной точки зрения радость любящих – тоже ведь бого-служение.

И потом, все-таки самое главное в христианской добродетели не ханжеское требование, пустыничество, не монашество, а радостное высокое и прекрасное познание жизни.

Преступление для меня, в частности, преступление против десяти заповедей, становится таковым только в одном случае – если в результате человеческого деяния или бездушия образуются жертвы...

С.В. Гальперин

Обманутый муж стреляется, например...

Б.М. Бим-Бад

Застрелившийся, обманутый муж – совершенно бесспорно, жертва. И если Александр Сергеевич повинен в смерти обманутого им мужа, то это преступление против нравственности. Это бесспорно. Но все же мне хочется оправдать и свое утверждение об огромной нравственной высоте...

С.В. Гальперин

Если говорить о нравственности, то нужно вводить какие-то ограничения. Если мы говорим об общей нравственности, то мы имеем в виду общие императивы, которые поддерживают какой-то социум?

Б.М. Бим-Бад

Наверное, Не знаю. Ведь интуитивно многие из нас готовы отдать десятки тысяч безгрешных мужей и жен за одного грешного Пушкина, и, наверное, нравственная высота все-таки определяется нравственной высотой. Конечно, это сложный и тонкий вопрос.

С.В. Гальперин

Для меня, к примеру, в этом отношении большим примером служит граф Л.Н. Толстой, хотя из воспоминаний Софьи Андреевны мы знаем, что он тоже был не безгрешен, но его мораль и нравственность в его помыслах, деяниях проявляются всю жизнь.

Б.М. Бим-Бад

Если подходить с точки зрения половой морали, то известно, что все села, окружающие Ясную Поляну, были окружены детьми Льва Толстого, и это не мешало быть ему для вас образцом нравственности. И пока он каялся в своих преступлениях, он непрестанно продолжал их совершать, буквально до конца своей жизни, что, конечно, меня лично просто восхищает, в то время как вас преимущественно ужасает.

С.В. Гальперин

Вы меня "поймали", для меня это было неожиданностью. Я речь веду о другом – о его попытках понять истину благодаря труду, хотя, может быть, он не был настолько склонен к стихосложению, как Александр Сергеевич.

Б.М. Бим-Бад

Семен Вениаминович, ну почему? Ну, не будем уходить... Видите ли, религиозная философия Толстого настолько интересна и глубока, что заслуживает совершенно специального рассмотрения.

Да, Пушкин иногда называл себя атеистом, иногда писал прекрасные горячие молитвы.

Нас сейчас по преимуществу волнует та сторона проблемы, которая связана с наслаждением, с наслаждением, которое срастается с добром и добротой.

Здесь есть две стороны вопроса. Первое – наслаждение, как самонаграда. Мы знаем, что такие титаны человеческой мысли как Пушкин, Моцарт, Лев Толстой были невероятными тружениками. Если посмотреть пушкинские черновики, то становится очевидным, что его произведения, кажущиеся нам верхом легкости, были результатом невероятно трудно достигаемым, просто непосильным физически для огромного количества людей. Известно, что некоторые главы "Войны и мира" имеют не пять, не десять и не 30, а 100 редакций, т.е. некоторые главы

переписывались, переделывались, как минимум, 100 раз. Какой ценой дается совершенство известно людям, только его достигавшим. Что же дает силу человеку к этой черновой, неблагодарной, невидимой работе? Что подвигает его на подвиг совершенства и ради чего это делается. Гипотеза, выдвинутая Фихте, как раз возвращает нас к проблеме наслаждения как некоего элемента, как некоего фундамента сущностной основе человековедения. Сама умственная работа, напряжение всех человеческих сил, трудная цель и высота (я настаиваю) нравственная, т.е. человеколюбивая, не боголюбивая, подчеркиваю я, потому что последняя может быть очень эгоистична частенько в своей основе, а человеколюбивая, дает наслаждение очень мощное, длительное, глубокое. Счастлив тот, кто познал его рано, поскольку силы его не дают человеку возможности отойти...

* * *

К индивидуальным особенностям. Это может сделать только система сама по себе, да еще община людей, научившихся жить друг с другом. Ведь на самом деле общественно-государственная система образования, это плод общества, научившегося уживаться. Люди научились не только противодействовать друг другу, но и уживаться друг с другом. Общественно-государственная система образования возможна только, как предпосылка такого общества. Здесь получается, что хорошее общество и хорошая система образования должны появиться более, менее одновременно.

Из зала.

Я сегодня такое выражение слышала: "Общество и государство пошли по своим делам".

Да, При условии, что дела эти разные. А должны быть одинаковые.

Вот именно такую систему образования мы и находим в странах или экспериментальных таких, как США, искусственно и вместе с тем, очень естественно. Или в странах старинных, древних, но прошедших долгую, долгую историю. Что же отличает нашу страну от других стран?

Я думаю, прежде всего, уравновешенность общественного и государственного компонента, гармония, опытным путем или разумным, рациональным, последовательным путем, а точнее, я думаю, в результате сочетания того и другого, но эти страны пришли к правильной пропорции, идеальному, оптимальному соотношению общественного и государственного компонента в образовании.

В результате, государство обеспечивает образование детей дефективных, а общество обеспечивает, контролирует и качественную подготовку детей, к жизни. Это тоже очень важно.

Дело в том, что, я убежден, если мы хотим быть счастливыми, мы придем к общественно-государственной системе, к уравновешенному состоянию.

Мы неизбежно к этому придем. Как это функционирует и как организационно обеспечивается. В такой системе прежде всего гармонизирует финансирование, где местный бюджет неизбежно дополняется государственным и, наоборот. Вы не найдете ни одного частного университета в современном развитом мире, который не получал бы государственных субсидий и, наоборот, общественные университеты, принадлежащие, положим, штату, как бы государственные или штатские, если дословно перевести, всегда имеют кучу стипендий, единовременных пособий, которые устанавливаются благотворителями, самыми разными, в частности, частными.

Местное самоуправление. Местное самоуправление, которое занимается, во-первых, тщательным налаживанием с хорошо налаженной обратной связью, той частью подоходного налога, которая идет на народное образование; во-вторых, занимается дополнительно самоналогообложением с целевым назначением на народное образование. Между прочим, не так давно, в августе прошедшего года я предложил систему дополнительного самоналогообложения

русской общине в Нарве. Нарва – один из самых больших русских городов Эстонии, там очень много, как сейчас принято говорить, русскоязычного населения. Там очень наглядно видно, зримо бросается в глаза, что русская школа отстает от эстонской. Эстонская лучше оборудована, там лучше преподаватели, лучше помещение. Ну вот так исторически сложилось.

И поэтому я думаю, что наш ближайший шаг, особенно в сегодняшних условиях, когда надеяться не приходится на государство. Когда у этого государства нет реальных возможностей нам помочь. Но, может быть, и нашлось бы чем помочь, но исключительно по принципу "тришкиного кафтана".

И на фоне этой глобальной нищеты самоуправленческий компонент народного образования, сейчас становится, быть может, единственной возможностью спасти. Во всяком случае очень важной составной частью ускоренного формируемого движения является налогообложение.

Я хочу этим сказать, что без дополнительного самообложения, налогообложения очень трудно будет школе сдвинуться с мертвой точки. А именно. Очень трудно будет нанимать лучших учителей. И это налогообложение могло бы быть вполне посильным, если оно будет проведено разумно по скользящей шкале доходов. Если бы люди не скрывали своих доходов, оно могло бы быть очень посильным. К для многодетных семей и наоборот состоятельных.

И я думаю, что надо активизировать общественность. Заставить ее присмотреться к делам школы. И государство могло бы заняться дополнительным финансированием, но уже с участием общественности.

И еще один плюс от этого мероприятия. Как только у общины появляются свои дополнительные деньги на школьное строительство, местные советы становятся, имею ввиду советы по народному образованию, как только появляются деньги, они становятся незаменимыми. Потому, что они становятся коллективными. Коллективным органом по распределению государственных средств.

Из зала вопрос:

Если нет этих ячеек поселенческих, на каком основании, чей этот совет, какого коллектива.

Б.М. Бим-Бад

Я думаю, что это справедливый, хороший и правильный вопрос. Я только думаю, что советы по народному образованию создаются из людей, живущих вместе, рядом. Это территориальный принцип.

Наталья Павловна

Это дополнительный орган, а с ссылкой на общину не связан. Потому что самой общины нет, она не очерчена какими-то рамками, границами.

Б.М. Бим-Бад

Конечно, но вопрос границ между общинами тоже должен быть очерчен. Для этого уже нужны местные советы, пусть они решают этот важный вопрос, и пусть сбор дополнительных средств и объединит людей одной территории.

Александр Петрович Мишле

Я хотел заметить, что московские районы имеют территориальное деление на микрорайоны, где есть школы, соответствующие ЖЭКи, ДЭЗы. Вопрос местных советов формально тоже решен, но формально. Поэтому проблема не в разделении, а, первое, в отсутствии формальности и второе, в наличии тех людей, которые были бы компетентны и достаточно активны. Сейчас пока не хватает ни того ни другого. Чтобы вырастить компетентную общественность...

* * *

Предлагаемое мною простое средство, дополнительное самовложение, вынужденное на самом деле в наших условиях. Я убежден, что если бы государство позволило сделать народное образование подконтрольным общественности, то тогда, может быть, дополнительного налогообложения и не потребовалось. Хотя, может быть, потребовалось бы и все равно. При всех обстоятельствах потому, что наше государство очень мало предназначает народному образова-

нию. Другое дело, что даже предназначенное не доходит судя по результатам. Но я если бы доходило, то этого было бы недостаточно. Ни в одном даже богатом государстве мира не хватает государственных средств на народное образование.

Значит, мы договорились, способ активизации, способ заинтересованности людей в школах, учебно-воспитательных учреждениях, где учатся дети, один из путей, выращивание предметной общественности. Как много времени это займет трудно сказать.

Из зала

Когда я сказал о длительности этого процесса, я говорил и о пространстве этого промежуточного периода, о контроле взаимодействий и видение этого общественного процесса с точки зрения активности общественности. Сама активность, может быть недостаточно велика.

Б.М. Бим-Бад

Я не могу понять, почему государство обеспечит больше круг тем при отсутствии общественности.

Из зала

Я имел ввиду, куда смотрит государство и начинает призывать помощь со стороны. Имею ввиду отсутствие должной организованности со стороны государства.

Б.М. Бим-Бад

Общественность в наших условиях, как правило некомпетентная. Что же делать в условиях, когда общество не очень хорошо знает какими способам совершенствовать свои образовательные учреждения и государство шатается и тоже плохо и мало знает. В этих условиях я не вижу другого пути, кроме как метода проб ошибок.

Из зала

Отсюда возникает и проблема экспериментальных площадок.

Наталья Павловна

В районных органах самоуправления целые штаты всяких инспекторов. По опыту Грузии. Там на микрорайон дается должность председателя совета, оплачиваемая райисполкомом. У нас есть районные дома пионеров с комсомольскими кабинетами, работают пионерские кабинеты. Там столько штатных единиц организаций, которые разваливаются. Или культурно-массовые работники, работающие безадресно, в никуда. Мне кажется, что по микрорайонам нужно создавать штаты методистов, которые занимались бы в этом именно микрорайоне, на конкретной территории, и были бы освобожденные. На одной общественности далеко не уедешь.

Александр Петрович

Мы с Наталией Павловной, мне кажется, продолжаем друг друга по поводу проблематизации и углубления способа решения проблемы. Одно дело очертить зоны проблемы, а другое дело начать ею заниматься.

Б.М. Бим-Бад

Мне кажется, что поднятые вами обоими вопросы никак не уведут нас от проблемы. Мне хотелось бы продолжить работу именно в этом правлении. Итак, что делать, когда никто не знает что делать. Говорят об экспериментальных площадках. Это метод проб и ошибок. Метод проб и ошибок не обязательно сводится к организации экспериментальных площадок. В конце концов вся наша деятельность – сплошной эксперимент. Другое дело, что эксперимент в строго научном смысле, строго контролируем. Другого в человеческих отношениях невозможно построить...

Речь идет может быть о рефлексии и самосознании, об анализе имеющегося опыта, а может быть в еще большей степени речь идет о необходимости не просто хорошо отлаженной, но и еще о постоянно совершенствуемой обратной связи. Дело в том, что движение методом проб и ошибок, где общественность

более компетентна, а государственные чиновники менее компетентны, это движение на самом деле возможно только при наличии информации о результатах как положительных, так и отрицательных. Тогда система становится самоуправляемой.

Александр Петрович

Я хотел уточнить можно ли переходить к способам решения этой проблемы. Для перехода к способам надо решить в какой степени мы решили или восстановили проблематизацию. Я хотел выяснять в какой, степень, мы можем сейчас сотрудничать.

Б.М. Бим-Бад

Давайте предположим, что наш ответ утверждается. Это прекрасное движение.

Из зала

Способ, который мы выбрали, это способ проблемы и ошибки, этот способ надо расшифровать для того, чтобы нам дальше не смешивать то, о чем вы говорите.

Я хотел бы задать вопрос, проошибки не исключают предварительного серьезного проектирования с разработкой и последующей реализацией. И это проектирование не просто, как совместная беседа, а как возможность этой родительской общественности. Приглашать на эти разработки, обеспечить эти разработки.

Б.М. Бим-Бад

А если предположить, что не найдется таких людей, что все в равной степени или почти в равной степени некомпетентны и нет такого человека, который мог бы прийти к нам или мы могли бы его нанять, чтобы он решил за нас все наши проблемы. А наоборот, что господь Бог заставляет всех нас самих решать их. Что тогда?

Из зала

Тогда понятие ошибок еще более соответствует. Лучше активность общественная, чем продолжение той рутины государственного образования, которая привела к противоречиям.

Б.М. Бим-Бад

Сообщество людей, есть форма человеческого общежития. И в качестве такого оно несет более или менее одинаковые чувства. И тогда метод проб и ошибок, предпринимаемых данным обществом, не может не быть существенно однотипен.

* * *

Т.А. Миледина

Мне сначала тоже казалась, что это не любовь, когда сумасшедшие матери своей слепой любовью портят ребенка. И только сейчас я поняла, что никогда любовь матери не может испортить.

Б.М. Бим-Бад

Татьяна Андреевна, сколь угодно сильная, всепобеждающая, могучая любовь, лишенная мудрости, т.е. разума, – это источник гибели и такой же кошмар, как и все одностороннее, неуравновешенное, негармонизированное.

Н.П. Дмитракова

Как можно раскладывать по полочкам – мудрость, любовь, мужество, разум. Это все должно быть в комплексе.

С.В. Гальперин

Как это в комплексе. Когда рождается ребенок, его только любовью воспитывают, а не мудростью. Только с этого начинается – с любви. Биологическая связь.

Т.А. Миледина

Любовь ко всем – любовь ни к кому. Это доказал еще Лев Николаевич Толстой.

Н.П. Дмитракова

Я считаю, что любить надо всех.

Е.А. Хилтуни

Это все одновременно, а не так, что сначала любовь, потом мудрость, потом сила.

Б.М. Бим-Бад

Вы наверное согласитесь со следующей интерпретацией: всегда нужно все, но когда мы учимся, то в определенный период некоторый приоритет приобретает то или иное, в зависимости от наших возможностей. Я очень рад, что вы со мной согласились.

Вопросы есть. Нет. Спасибо вам, друзья, огромное.

* * *

Давайте в наших попытках попробуем разобраться в мироотношениях. Начнем с основания, с корней, с сердцевины. Первые реакции ребенка, когда он еще не продукт культуры или только начинающий продукт культуры. Может быть здесь мы что-нибудь поймем в природе человеческого эгоизма и столкновение голь-эгоизма. Воля к власти. А не закрепляется ли это чувство. Ведь Ницше ухитрялся рассмотреть волю к власти во всем: в стремлении хорошо петь или хорошо кататься на велосипеде. Я уж не говорю о подчинении целых народов. Например, желание побеждать женщин – воля к власти и т.д. Здесь нужно сделать еще один логический шаг и увидеть, что тем самым я подчиняю себе всех остальных. А зачем мне это нужно? Здесь была гипотеза: для того, чтобы удовлетворить свои желания. Давайте же к ним присмотримся. Ради чего все это? У новорожденного все ясно – очень кушать хочется. Или пить, например. А дальше? Не в этих ли желаниях какой-то ключ к пониманию человека? Мы все-таки приходим к фундаментальным страстям, движущим человеком.

* * *

Если только достижение способа наслаждения можно условно назвать выгодным.

Но здесь в понятие "выгода" в качестве важного компонента вступает и этот способ ее получения. Например, степень агрессивности в погоне за выгодой. Давайте присмотримся более внимательно к этому двуединству. Выгода и способ ее достижения.

Ясно, что содержательная сторона здесь нас привлечет в первую очередь, а именно, что же считать человеку наиболее выгодным для себя, т.е. какая совокупность наслаждений, к которым он стремится, убегая от своего ада и приближаясь к своему личному раю, будет им восприниматься и осознаваться в качестве выгоды.

Мы сталкиваемся именно с такой формой осознания своих действий буквально на каждом шагу. Люди спрашивают друг друга: а зачем это тебе нужно? Подразумевая под этим: а какую это даст тебе выгоду?

С определенной точки зрения само преследование выгоды вовсе не является абсолютной неизбежностью для некоторых из представителей рода человеческого.

Вспомните хотя бы Александра Нила, одного из самых интересных и смелых педагогов нашего столетия, который в течение своего полувекового опыта в школе для трудных подростков-юношей, совершивших преступления, или оставшихся без родителей, в Самморхиле, реализовал одну из наиболее трудно достижимых целей – воспитание, а именно: возможность полной, абсолютной, до конца доведенной свободы в поведении. В Самморхиле детям позволялось делать все что угодно и не делать практически все что угодно.

Например, одна из девочек-воспитанниц А. Нила, до 17 лет не ходила в школу. Это не было обязательно. Зато потом она довольно быстро наверстала упущенное, экстерном сдала экзамены за полный курс средней школы. Удивительно, но в Самморхиле люди, которым предоставлялась полная свобода и которые до попадания в эту школу злоупотребляли даже ничтожными проблесками свободы, научались такому общежитию, которое давало на выходе самый

неожиданный результат. Из школы Александра Нила вышли выдающиеся бизнесмены, политики, ученые в таком изобилии, которого ни одна школа мира до тех пор не знала. В своей последней книге, которую он так и назвал "Саммерхил", Александр Нил писал: "Одна учительница рассказывала в классе о Нероне. Она рассказала как этот жестокий тиран убил свою мать, потом своего старого учителя знаменитого философа Сенеку, как он велел поджечь Рим, и пока в городе люди гибли в огне, играл на арфе, глядя на разрушения, и много рассказала известного об этом деспоте. А потом спрашивает: "Ну, хорошо, дети. Как вы думаете? С вашей точки зрения Нерон был хорошим человеком или нет? Ну вот ты, Билл". Встает Билл и говорит: "Мисс, лично мне господин Нерон не сделал ничего дурного". Александр Нил характеризует эту реакцию Билла следующим, очень важным для нашего исследования, как мне кажется, образом. Он говорит: "Миром правит философия Билла, или философия овец и стада, которые отнюдь не будут возражать, если волк утащит соседку, во-первых, они надеются, что волк насытится этой соседкой, а, во-вторых полагают, что больше травки останется". Впрочем, если вы помните, именно такую овечью психологию задолго до Александра Нила вот так четко профилировал и горестно разоблачал французский священник Ламенне. Но сейчас нам важно другое. Миром правит психология Билла, – восклицает Нил. И продолжает: "Может быть, все-таки существует прирожденный грех?"

Если он существует, то тогда, вероятно, этим грехом является жажда личной выгоды, и тогда первой, действительно гуманной заповедью должно быть: "Не возжажди выгоды".

Этот пассаж из А. Нила интересен тем, что самое преследование эгоистической и личной выгоды может рассматриваться как сила разрушительная, а в социальном плане – просто гибельная, или тупиковая. Но все-таки важно присмотреться к содержанию этой выгоды. Ведь в противовес Биллу мы можем найти немало людей, которые усматривают высшее свое наслаждение в услужении другим, в принесении радости, в помощи и при этом вовсе не склонны рассматривать эту свою радость в качестве своей личной выгоды.

Здесь мы попадаем в круг рассуждений любого сторонника разумного эгоизма. Например, Чернышевского, с его интересной теорией нам следует разобраться, чтобы определиться в вопросе о выгоде.

Согласно теории разумного эгоизма – человек может быть очень альтруистичным, открытым другим людям, добрым, приносящим благо, оставаясь при этом сугубо эгоистом. Просто потому, что его интересы или, в наших терминах, наслаждения и выгода как раз в том и заключаются, чтобы быть добрым. И он просто не может иначе.

По этой теории человек, совершивший подвиг, например, отдавший свою жизнь ради общего дела, ради других, поступает эгоистически, но так же как и тот, кто спас свою жизнь, ни капельки не задумываясь об окружающих или даже за счет других людей.

И тот и другой – эгоисты. Просто содержание их эгоизма совершенно разное. Если мы не будем с вами уходить в спор о словах, а будем оставаться в рамках сути дела, то мы можем легко отвлечься от неприятного оттенка в этом термине "эгоизм" или "эгоист", а просто-напросто будем констатировать тот факт, что поведение человека в огромной степени зависит от правильно или неправильно понятого личного интереса.

Сделаем небольшое отступление. Если вы помните, мы рассматривали разные периоды в жизни человека: на одре смерти, перед "заходом солнца" в глубокой старости, в начале старости, так сказать, когда человек начинает сходить с горы, в расцвете его сил. Мы рассматривали специально для того, чтобы обнаружить в личности, в характере, психическом складе и формах поведения человека то главное, что определяет достойную или недостойную жизнь и смерть. Для чего мы это делаем? Нам надо было обнаружить, что же закладывалось в

человека изначально, буквально при рождении, а иногда даже за несколько месяцев до рождения, что сказывается, проявляется, становится сущностно важным на всем протяжении жизни и даже в самом ее конце. Давайте сделаем то же самое и по отношению к зрелости. Если мы действительно хотим построить некое реалистическое, правдивое представление о воспитании в раннем периоде человеческой жизни, то сделать это мы можем только в перспективе всей человеческой жизни. Отвечая на вопрос что же пригодится в будущем и без чего это будущее станет ужасным и для человека, и для человечества. А период зрелости – период наиболее важный и наибольший в человеческой жизни, период взлета, расцвета активности, действия. Вот почему мы на нем так подробно и долго останавливаемся.

Юность

Продолжим тему: "Как плохо воспитывать". Довольно-таки мрачная картина. Мучительное умирание старухи. В соседней с ней комнате валяется пьяный и главное, ненавидящий ее сын. Сын этот, как-то сказал мне, как соседу (ну вероятно в приступе некоего затмения), что был бы у него автомат, он давно бы разделался с матерью. И в другой раз: "Мать моя – страшный человек". Короче, речь идет о ненависти, ненависти как страсти. Весьма поучительно это и, к сожалению, довольно распространено. Ненависть детей к матери, а в некоторых случаях и к отцу, лишний раз обнаруживает не врожденность так называемых сыновьих и дочерних чувств. А если мы припомним случаи равнодушия, пренебрежения, заброшенности детей и их родителями, то тоже становится очевидным, что и материнское чувство не врожденное, если бы оно было от природы, оно бы практически не было исключением, но ведь мы имеем дело, к сожалению, с массовым явлением. Как говорил Баратынский:

Старательно мы изучаем свет
Старательно людей мы изучаем,
И чудеса постигнуть уповаем,
Каков же плод науки долгих лет?
Что, наконец, подсмотрят очи зорки?
Что, наконец, поймет надменный ум
На высоте всех опытов и дум?

Что? — Точный смысл народной поговорки.

Как всегда права народная поговорка: "Не та мать, что родила, а та, что воспитала". Впрочем, факт этот не подлежащий сомнению и еще благодаря наблюдению за малолетними детьми, у которых, как мы знаем, нет особой привязанности к матери, а исключительно к тому человеку, кто ухаживает за ним, кто их кормит, прежде всего, грудью кормит, кто делает их жизнь интересной, кто избавляет их от неприятных ощущений. Так вот, этот факт, не имеющий исключения, сам по себе слишком очевиден, чтобы о нем стоило говорить. Нам он важен, как отправной пункт для рассмотрения интересующей нас темы.

Если мы хотим воспитать закоренелого человеконенавистника, презирающего, боящегося людей, очень важно сизмальства дать ему деспотическое отношение.

Отношение разрушительное. Опять у меня ощущение, что мы говорим об анализе. Тема эта часто поднимается в художественной, психологической и всякой иной литературе. Но вот удивительно, она все-таки не вошла в плоть и кровь педагогического сознания, потому что большинство родителей действительно не предполагают о легкости, с которой формируется то или иное отношение ребенка к, так называемым, важным взрослым. В частности не принимают во внимание как легко формируется ненависть, ненависть и страх, ненависть и недоверие. А вслед за этим идет подчас несостоявшаяся жизнь. Жизненный крах, фиаско. Но вот что интересно: люди, переживающие свою жизнь как неудачники, очень часто склонны возводить вину за это как раз на мать или на другого

близкого взрослого. Часто по той причине, что для этого есть некоторые и объективные показатели. Вот случай, с которого мы начали. Очень поздний ребенок. Поздний ребенок – всегда опасность. Поздний ребенок очень долгожданный, поздний ребенок – последняя надежда и его легко избаловать. А если еще мать достаточно эгоистична и деспотична, если она твердо знает, что то, что она делает, она делает во благо своего ребенка и делает во что бы то ни стало, то как раз вот это воспитание и ответственно за избалованность, о которой мы говорим, прежде всего за недосформированность воли у воспитанника. И получается действительно тяжело. Человек талантлив, способен (я – о соседе) и образован и позывы к творчеству есть, а возможностей гораздо меньше. Нет воли, нет умения преодолеть себя. И все это, по моему глубокому убеждению, следствие раннего детства, в котором известный нам уже комплекс вундеркиндрства сочетается с деспотизмом и парализованной волей. И теперь мать умирает в сознании неправильно и несчастливо прожитой жизни, хотя разумеется не целиком и полностью, поскольку самолюбие остается, самовлюбленность и восхищение остаются. Они неизбывны. И все-таки крах материнского начала настолько налицо, что не может не вызывать боль. Мать уходит из жизни в атмосфере ненависти единственного существа, которому она отдала все, что могла и считала нужным.

С.В. Гальперин

Я сошлюсь на Декарта, поскольку вы философски подходите. Он в свои 25 лет написал труд, который назвал "О методе", когда только начинал заниматься. И вот он там сказал так, что "...люди никогда не приходят к неправильным выводам из-за неправильных рассуждений, из-за хода рассуждений, а только из-за неверных начальных посылок или из-за плохо понятых фактов". То есть это подтверждает то, о чем вы говорите, и само рассуждение, может быть и правильное, но если вначале его та же нравственная основа неверная, пусть это в физике какое-то представление о мире не то, мы получаем такого же физика, как тот же Ферми, прекрасный физик, который взорвав бомбу, сказал: "Какая прекрасная физика!"

Мой постулат заключается в том, что эта катастрофа есть следствие полубразованности, недообразованности, которая гораздо хуже невежества, еще страшнее никакой образованности, потому что, когда я совершенно не образован и ничему не учился, я лишен самомнения, я знаю, что мне заведомо чего-то недостает, я могу еще осторожничать чуть-чуть, а когда у меня "красный" диплом в кармане, и мне солгали, сказали, раз у тебя "красный" диплом в кармане, то ты образован, и я не подозреваю, что меня обворовали, что надо мной шутку страшную сыграли, что на самом деле, меня лишали даже возможности осознать насколько я необразован, вот тогда я начинаю действовать очень энергично.

Еще раз. Приобрести образованности нельзя, не проникнув в процесс рождения незнания из знания.

Б.М. Бим-Бад

Н.П. Дмитракова

Я имею в виду и наше образование.

Б.М. Бим-Бад

Ну, слава Богу, наша школа меняется. А механизм, который под видом образования человека даже лишал возможности в будущем самообразовываться, получить образование и был механизмом присвоения знаний, которые выдавались за готовую истину. В то время, как истина – это процесс болезненный, мучительный, это жестокий процесс преодоления сомнений, выдерживание противоречия, напряжения этого противоречия, между известным и неизвестным, между разными точками зрения, подходами, поэтому отказ от школы тупости самодовольства, от школы злокачественной прививки вот этой уверенности человека, что он держит Господа Бога за бороду и все знает, отказа от такой шко-

лы и есть наверное, отказ прежде всего от усвоения готовых знаний. Поиск. Сплошной поиск. Совместное искание истины, прохождение уже пройденного человечеством пути заблуждений, прослеживание способов избавления от этих заблуждений.

Но вернемся к нашей теме – как плохо воспитывать? Ведь мы с вами невольно соскакиваем на тему, – а как правильно воспитывать? Чтобы не покалечить человека?

Б.М. Бим-Бад

То есть бьют руками родителей.

А.П. Мишле

В нашей сегодняшней среде это нонсенс – требования сохранить те самые отношения родителей и детей. Если вне среды, там могут быть конкретные варианты, создавать собственную социальную среду – это как раз и тот выход, который дает фиаско другому выходу, иначе ничто невозможно.

Б.М. Бим-Бад

Но ведь все, что мы делаем, есть движение против течения, мы стремимся соединить культуру с каждодневной деятельностью и, прежде всего, воспитательную культуру. Не вы ли уверяли меня, что подавляющее большинство людей все-таки хочет учиться, не вы ли меня уверяли сегодня, что в большинстве даже самых замшелых и заледеневших, поросших шерстью сердец, живет некое стремление к добру и прекрасному. Забегая вперед скажу, что не разделяя ни вашего пессимизма, что совершенно невозможно, ни вашего оптимизма, я все-таки думаю, что спасение еще не опоздало и все-таки возможно и хоть неполное, но частичное, постепенно и что лежит оно на пути соединения, пусть неизбежных человеческих стремлений с облагораживающими их культурами приобретения присвоения. Я вам честно скажу, мне кажется, что воля к власти действительно, в той или иной форме, присутствует в подавляющем большинстве людей, самых-самых кротких, самых возвышенных и прекрасных, просто у них она приобретает самые кроткие и возвышенные и прекрасные формы, но приобретает она таковые, только в том случае, если она облагорожена, ограничена вот этой огромной внутренней духовностью и культурой.

Что же касается любви к Богу, как некой абстракции, то она иногда может приобретать совершенно неожиданные формы. Возьмем добротолубие. Классическое православное добротолубие, как сборник, условно выражаясь, инструкций пустынножителям, монахам-отшельникам – всем тем, кто пытается совершить духовный подвиг, т.е. путем умерщвления плоти постоянными молитвами, уходом от мира, добиться наибольшего уважения к себе со стороны Бога.

Вот мы читаем наставление святого Касьяна. Оно удивительно во многих отношениях.

Он подробно рассказывает о мыслях, которые приходят в голову отшельнику. Непременен. И называет эти мысли дьявольскими и предупреждает, что этим наваждениям противостоят. Нужна брань, т.е. оборона, война внутренняя против этих дьявольских искушений.

Что же это за искушения, которым необходимо противостоять, чтобы победить в своей монашеской морали, т.е. в морали абсолютно очищенной от всего земного и сохранившей чистую любовь к Богу. Вот здесь и начинается удивительное и невероятное. Святой Касьян пишет: "Вам вдруг придет в голову, что целыми днями и ночами молиться в пустынной келье – вещь бесполезная. Вы вдруг вспомните, что неподалеку, на расстоянии, может быть 3–4 часов ходьбы живет одинокая, всеми брошенная старуха, и что вы могли бы потратить хотя бы часть времени на то, чтобы починить ей крышу.

Вы вспомните вдруг о покинутых вами родных, об их нуждах и тревогах и станете раздражительны; вы усомнитесь в правильности вашего выбора. Но знайте, что все это – дьявольское наваждение. И это попытки отвлечь вас от служения Богу".

В другом месте добротолубия, как теории и практики монашества, я прочитал про одну благочестивую даму, которая принимала к себе в дом в качестве компаньонки обязательно злую сварливую, отвратительную старуху для того, чтобы та своим плохим характером, ворчанием и нападками постоянно испытывала бы ее (этой дамы) терпение, и чтобы тем самым у нее выработалась бы кротость в отношении к людям. Дама считала, что тем самым она и заслужит уважение и любовь со стороны столь любимого ею Бога. Но тут начинаются опять невозможное и невероятное. Когда эта дама брала к себе в дом старуху недостаточно вредную и противную и та через некоторое время оказывалась более или менее покладистой, эта дама выгоняла ее немедленно на дорогу, оставляя ее по-прежнему нищенкой. И искала следующую ведьму, которая доводила бы ее (эту даму) до исступления.

Все же удивительное приключение переживает идея личного спасения через любовь к Богу. И вера, эгоистичная, вера неодоухотворенная, вера не соединенная с тем, что мы грубо с вами назвали диано-этическими добродетелями, легко перерастает в изуверство. Оказывается может быть вера настолько бесчеловечная и эгоистичная, что в результате получают изверги, а не только изуверы, изверги и палачи рода человеческого, такие, как Тарквемадо, абсолютно искренно считавшего, что он служит высшим целям Бога, собственноручно сжигая на кострах и пытая огромное количество грешников. Или вспомните другого деспота Чингисхана. Ведь был искренно убежден, что он послан Богом на землю в качестве бича господня, что он призван напоминать людям об их греховности и уничтожать целые города и страны, разорять их, проливать их кровь только потому, что люди, с его точки зрения, забыли о роке, забыли о судьбе и неизбежной неизбежности. Это прекрасно понял великий английский драматург Кристофер Марло. В своей драме "Тамерлан" он показал, как глубоко вкоренилось это изуверское сознание в душу этого восточного завоевателя. Тот осаждал город. Город выслал ему двенадцать прекраснейших девушек, которые умоляли его не разорять этот город, а просто взять его спокойно. Они пришли с вестью о том, что город сдается. "Покажите им смерть, – сказал Тамерлан, – и вывесите их тела так, чтобы из города было их видно, ибо я – бич Господен, а от бича Господня не может и не должно быть спасения. Меня нельзя разжалобить, размягчить или подкупить". Мне почему-то кажется, что люди типа Тамерлана или святого Касьяна никогда не согласились бы с нравственным величием Пушкина, который мог в безумстве своей личной страсти на какое-то время забыть о возможных жертвах этой страсти.

Видите ли, все, что мы говорили о желательности, как бы химическом средстве – веры, надежды, любви, страсти к познанию, – всего того, что воплотилось в пушкинском призыве к свету: "...Как эта лампада бледнеет пред ясным восходом зари, так..." Это вы знаете. Все, что мы говорим об этом, все это не нацелено против религии как таковой.

Речь шла совсем о другом. Исключительно о том, что и самая вера становится в наших земных условиях (о других мы просто не знаем) не разрушительной, не жестокой в том и только в том случае, если она человечна.

С.В. Гальперин

Вера есть уповающих извещение, вещи обличения невидимых. Это может относиться чисто к земным делам.

Б.М. Бим-Бад

Да. Здесь мы полностью с вами сошлись, и в оценке А.С. Пушкина (чему я очень рад, за нас, конечно. За Пушкина можно быть спокойным).

Теперь, если позволите, несколько слов о выгоде.

Ведь, все-таки, в каком-то смысле Александр Нил прав, думается мне, и заповедь: "Не возжажди выгоды", может быть действительно должна предшествовать заповедям: "Не убий", "Не укради", и т.д. Кто знает, может быть злоумышление против человека и человечества и приистекает из неправильно понятой

выгоды. Возьмемте простой пример. Проблему, так называемую, проблему национальных отношений. Возьмемте ее просто потому, что она сейчас, к сожалению, стала очень животрепещущей и еще потому, что действительно на этом примере можно достаточно ясно проследить последствия, условно выражаясь, неправильно понятой выгоды или наоборот, правильно понятой выгоды. Но именно выгоды со всем чуть-чуть неприятным оттенком, таким, который, мы чувствуем содержится в этом слове. Я апеллирую к фактам жизни и свидетельствам искусства, поскольку продолжаю верить, что искусство – одна из действительных форм познания жизни. Мне приходилось, кажется, вам сообщать о сравнительно недавно услышанной неволью мною фразе. Одна азербайджанка говорила своей бывшей подруге армянке: "У тебя хороший сад и виноградник, и дом, и ты береги их, а когда мы по праву их завоюем, я буду ими владеть. Так ты смотри, чтобы они не пришли в упадок". В связи с этим как-то невольно вспоминаются рассказы Бабеля о еврейских погромах в Одессе. В одном из них Бабель сообщает о муже и жене из какого-то села поблизости, которые возвращались после погрома очень огорченными. Сам погром был позади. Там были зарезанные, сожженные, женщины со вспоротыми животами. Но эти супруги возвращались грустными не потому, что вот они были свидетелями всяких кошмаров, а потому, что они поздно пришли и им досталась всего лишь одна подушка и две простыни.

Так вот к вопросу о выгоде. То, что мы склонны называть этническими противоречиями, связано, как мне кажется, на самом-то деле как раз вот с определенным образом понятой выгоды. Ведь это очень ясно, что люди обворованной культуры гораздо легче приходят к такому пониманию своей выгоды, что вот надобно по преимуществу отнимать и делить, а не умножать.

Здесь арифметика очень односторонняя. И нам легче приходит к этому убеждению и выводу: тем более они торопятся не быть обманутыми при очередном отнятии и дележке (поскольку ведь привыкли к тому, что все время обмануты). Здесь, кстати, проблема лжи, пронизывающая жизнь, вновь поднимается на поверхность нашего рассмотрения.

Помните, совсем недавно мы внимательно изучали теорию и практику большой лжи как одного из главнейших образующих тоталитаризм любого сорта и вида, любой деспотии, и рассматривали условия, при которых большая ложь имеет успех у огромной массы людей. А также, когда она не имеет успеха у отдельных людей, что для нас тоже чрезвычайно важно.

И сейчас снова проблема лжи, пропитывающая человеческие отношения, приобретает вновь актуальный характер, поскольку становится очевидным, что это как бы бомба замедленного действия, притом, в двояком смысле.

Первый смысл сближает этот наш сегодняшний аспект рассмотрения с теорией большой лжи, – это обманутость научная, содержательная, духовная, и в частности, религиозная, т.е. отчужденность человека от своей человеческой сущности с помощью ложного образования.

Здесь образование становится злокачественным, как раковая опухоль, разрывающее человеческое общество.

А другая ипостась – это проблема лжи с нашей сегодняшней точки зрения, это обман как образец жизни, понуждающий людей не столько доверять обману, сколько постоянно ожидать его. И выясняется, что обе эти интенции (?) сходятся.

* * *

Б.М. Бим-Бад

Я совершенно согласен с вами. Возьмемте маленький пример. Если в моей иерархии ценностей мужество не занимает высокого места, если, положим, я считаю, что гораздо важнее быть хитрым, чем смелым, для того чтобы победить, для того чтобы достичь каких-либо целей, в частности и познавательных, то я, занимаясь каким-либо исследованием, не важно теоретическим или прак-

тическим, буду постоянно обманывать себя на каждом шагу. Почему? Истина частенько безжалостна, истина часто противоречит моим надеждам или может им противоречить, истина, наконец, бесконечное приближение к ней ломает уже устоявшиеся мои стереотипы, истина и постоянная любовь к ней, завоевывающая ее и, работая ради нее, постоянно причиняет мне боль, боль, потому что я должен отказываться от своих прежних, недостаточно неполных или не глубоких, а может быть и ложных представлений ради новой открывающейся мне истины.

Если нет во мне мужества, как ценности и мужества, как практики, то я и истины не достигну, на каждом шагу я буду обманывать себя и других в качестве ученого или в качестве простого смертного, решающего свои каждодневные проблемы, я буду склонен к тому, что легче, приятнее, отнюдь не потому что истина. Мне кажется, что этот пример достаточно нагляден, если его еще более конкретизировать, чтобы увидеть ценности, как составную важнейшую часть общеобразовательного и культурного фундамента и если угодно, как инструмента, орудия и средства приближения к истине, вещь существенная и необходимая. И здесь мы опять возвращаемся к мужеству сознания, опять вспоминаем Рассела, утверждавшего, что нет в воспитании ничего важнее, чем мужество, честность и гуманизм, вновь возвращаемся к Гёте.

* * *

Б.М. Бим-Бад

Совершенно справедливо. И как все на свете, искусство может быть пагубно и спасительно. И как все на свете, искусство обладает огромной заразной внушающей силой. Но наряду с искусством есть еще и искусство постигать искусство. И вот это искусство, как после действие искусства, необходимо дополнение, потому что без второго не может существовать первое. Оно остается в разряженном пространстве без настоящего читателя, зрителя, слушателя и т.д. Не происходит акта коммуникации. После действия искусство и есть рефлексия. Пусть она не целиком сознательная, пусть она включает в себя огромный элемент чувства, но это рефлексия. Иначе человек остается на самом примитивном уровне искусства: это ему нравится, это не нравится.

Н.П. Дмитриева

Искусство тоже влияет или действует на различные эмоции, т.е. на эмоции высокого порядка и эмоции элементарные, предположим, рок-музыка. Поэтому разница, на какие эмоции влияет музыка.

* * *

Итак, вчера газета "Известия" официально заявили о начале гражданской войны в нашей стране. Гражданская война между Азербайджаном и Арменией признана официально. Трудно сказать, как скоро она будет прекращена или распространена, никто не может предвидеть, в каком именно месте нашей страны может вспыхнуть новый очаг такого гражданского противостояния.

Я даю вам на обсуждение тезис о том, что одна из важнейших причин войны всех против всех, войны, которая вылилась в военное противодействие, одна из этих причин – культура.

Предлагаю подумать, а может быть и обсудить гипотезу, которая связывает уровень культуры с уровнем напряженности и с формой противостояния, иначе, просто говоря, чем ниже этот уровень, тем страшнее форма войны людей друг с другом.

Мы пытаемся с вами понять человека и мы не можем дышать в разреженном пространстве.

Одна из важнейших задач – связать наш курс теснейшим образом с нашей сегодняшней ситуацией. Стало быть, одна из важнейших наших задач – понять людей, вступивших в активное убийство друг друга, во взаимное уничтожение. Все, о чем мы сегодня будем говорить согласно нашему плану о развитии человека, мне хотелось, чтобы мы тесно связывали с этими страшными реалиями,

которые, как мы понимаем, не могут не иметь непосредственного отношения к каждому из нас. Если вы помните самое первое наше занятие, мы обратились к такому авторитетным и проверенным тысячелетием своего непосредственного взаимодействия с жизнью свидетельствам, как свидетельство книги Иова и свидетельство эклизиаста о значении и роли смерти в преступности в мироотношении в целом. Я напомню вам эти древние слова о том, что одинаковость ухода, неизбежность смерти, равная для всех кончина заставляет людей быть беззаконными и там убедительнейше в большом количестве приводились тому примеры. Я уж не говорю об ярких художественных формах этих свидетельств. Для нас это особенно важно, и я припоминаю эти исходные наши посылки, потому что мы продолжаем проблематику, которую бы назвали сейчас на первом этапе нашего движения – педагогией смерти. Этому мы посвятили все предыдущие занятия и обсуждения, и я хотел бы сегодня завершить это тем, чтобы обязательно попробовать связать с нашей сегодняшней ситуацией.

Для нас это особенно важно. Да, простите пожалуйста, конечно же мы все это теснейшим образом связали с преступностью. И если сегодня я призываю вас обсудить вопросы гражданской войны, с психологической точки зрения, то проникнуть в эту проблематику, мне думается, легче всего и правильнее с точки зрения психологии преступности.

Мы договорились понимать под преступником человека, нарушающего не конкретный набор законов существующих, а преступающего общечеловеческие и вечные законы. Прежде всего заповедь: "Не убий". Прежде всего заповедь: "Не убий". Итак, это то немного, что я мог вам напомнить из области подсказок. А сейчас давайте начнем работать действительно содержательно.

С педагогической точки зрения одно из самых нежелательных отношений к проблематике смерти – это отказ от рассмотрения этой темы. Мировоззрение, грубо и приблизительно выраженное в формуле: "Эх, жить будем, да гулять будем, а смерть придет помирать будем", – с педагогической точки зрения чревата самыми неприятными последствиями, поскольку, во-первых, оставляет человека абсолютно беззащитным перед лицом прежде всего чужой смерти, во-вторых, оставляет его беззащитным перед своей собственной смертью со всех точек зрения: и с точки зрения достоинств этой смерти (мы об этом подробно уже говорили и сейчас позвольте напомнить вам) и с точки зрения опасности человеческой смерти для окружающих людей. Есть такая сторона вопроса. Гибель одного человека может обратиться гибелью для миллионов и миллионов. В-третьих, такое безразличное отношение к смерти опасно и с точки зрения той же самой преступности. Если меня совершенно не заботит смерть как проблема, смерть как явление, смерть как содержание жизни, то мне достаточно сделать лишь полшага для того, чтобы отнестись к чужой смерти как та знаменитая простушка из деревни: "А, одной копейкой меньше!" Обесценивание человеческой жизни очень тесно связано с бездумным, совершенно равнодушным отношением к смерти. Напомню вам замечательное и бесспорно педагогическое по своему содержанию место из Блез Паскаля, когда он говорил: "Я не знаю (он цитировал внутренний монолог человека, которого Блез Паскаль считал не способным к дружбе, бесполезным, бесцельным как личность и просто опасным), зачем я послан в этот мир, я не знаю, почему я живу в этом месте миров, а не в другом; почему мое существование совпало с этим мигом вечности, которое мне предшествует и которое за мной последует, и менее всего я знаю что такое смерть. Из всего этого я делаю следующий вывод: не думать об этом обо всем, а уж если сейчас мне пришлось об этом подумать, то решить раз и навсегда следующее – ну хорошо, придет смерть, моя задача, чтобы это событие (немаловажное, не знаю как его назвать иначе), чтобы оно произошло как можно легче для меня, как можно незаметнее, положим, во сне. Ну как-нибудь справлюсь". И все. Паскаль спрашивает: "Кто захочет иметь другом такого человека в столь трудную минуту? Кто даст ему в руки участие в своей соб-

ственной судьбе?" Почему такой вопрос?

Мне думается чрезвычайно просто. Это попытка философски обосновать гедонизм наслаждения жизнью как единственное жизнесодержание, как единственный его смысл.

Ведь что значат все подобного рода рассуждения, ведущие к отказу от самой проблематики смерти. Они означают, как мне думается, одно: я не хочу портить приятное мое существование тяжелыми, грустными, мучительными, а может быть и опасными для меня рассуждениями. Вдруг мои рассуждения заставят меня переменить мою жизнь, чего мне тоже не хочется.

Этот отказ от проблематики смерти есть отказ от серьезной жизни и вообще отказ от игры в серьезность, а стало быть в ответственность.

И человек становится опасен не только себе, но и окружающим. Это неизбежно, поскольку, вы знаете, когда Господь Бог хочет погубить человека, он лишает его разума или дает суррогат разума. Что такое суррогат разума? Ситуативное мышление, сиюминутное, иначе еще называемое легкомыслие. Или, положим, фатализм, что также одна из модификаций такого отношения к смерти.

Что будет, то будет.

* * *

Б.М. Бим-Бад

То, как сильно нас любит Семен Вениаминович, мы постоянно сталкиваемся с этим. Наталья Павловна тоже любит абсолютно всех, и мы не хотим вам помешать всех любить. Я знаю только, что любвеобилие – вещь довольно утомительная.

Т.А. Миледина

Я недавно была в педучилище, где почти уже выпускницы говорили о своей будущей жизни, я спрашивала их, как они представляют себе свою будущую жизнь с детьми? Они говорили, надо любить каждого ребенка, как своего. И вот они приходят в школу и видно, что они не могут любить как своего и начинают орать на детей и смотреть на них сумасшедшими глазами.

Б.М. Бим-Бад

Давайте спорить как честные люди.

Что мы называем любовью? У меня такое впечатление, что мы спорили как нечестные люди. Спросишь у одних, – говорят это доброжелательность, еще спрашиваешь, – говорят вежливость, еще больше спрашиваешь, – улыбка, или, например, не хамить. Что вы еще называете любовью, Семен Вениаминович?

С.В. Гальперин

То, что я слышал от самого Антонова, я об этом раньше думал, он перенял многовековое, которое вы легко так отвергаете вдруг в переводе на язык Натальи Михайловны.

* * *

Я предлагаю от проблемы воли на некоторое время соскользнуть к проблеме страха, как неотъемлемого компонента воспитания, которое неизбежно осуществляется человеком, стремящемся к чисто волевому воспитанию.

Человек, воспитывающий других, становясь на путь принуждения, авторитаризма, становится на дорогу, ведущую бесконечно дурной бесконечности, к абсолютному тупику.

Почему? Да потому, что любое принуждение вызывает страх, страх приводит к необходимости дополнительного принуждения, поскольку страх не дает возможности дальше развиваться.

Новое, еще большее принуждение бывает еще больше вызывает страх и так дальше, до тех пор, пока страх не делает абсолютно невозможным какое-либо развитие.

Есть такой закон: чем моложе ребенок, тем больше он хочет учиться, в подавляющем большинстве случаев, если только семья или школа не настроила его невольно на тот или иной вид бунта против общепринятых ценностей и установок, и если только, так называемая субкультура, т.е. сложившееся в ближайшем детском окружении, в его ребячьей среде система ценностей не направлена прямо в противоположную сторону. Ребенок не хочет быть не состоявшимся, он не хочет проваливаться в школе. На самом деле в большинстве случаев ребенок очень хочет учиться.

Вся проблема, вся трудность, весь парадокс и сущность загадки плохого учения в школе заключается в том и только в том, что ребенок довольно часто не может учиться: что-то сильно мешает ему.

Нам необходимо поставить диагноз, выяснить причину, по которой он не может, а не хочет учиться. Почему не может? Что мешает ему, в чем природа его затруднений?

Начнем с младшего возраста. Вот перед вами шестилетка, пришедший в школу впервые в жизни, Нюночка или Васенька. Пока большинство других детей выполняют задание учителя, занимаются, делают то, что принято в классе, наши ребята могут спокойно бродить по классу или вскарабкиваться на стол или парту, заграбастывать книги, карандаши других ребят, хватают что попало со стола учителя, всячески привлекают к себе внимание. Они могут быть и довольно-таки агрессивными по отношению к другим детям. Требуя постоянного внимания учителя, они вытворяют совершенно несусветные вещи, пока не добьются своего. Время, на которое они могут сосредоточиться, очень короткое, и ничем одним постоянно сколько-нибудь долго они заниматься просто не в состоянии, хотя при всем при этом они совсем не глупые. Например, могут с некоторой помощью считать до ста, могут даже печатными буквами написать свое имя, с интересом слушают, когда им читают и даже немного сами умеют читать.

В чем же дело? Что это просто плохой характер, или им скучно в школе? Давайте присмотримся внимательнее. Ведь если дело в плохом характере, то перед воспитателями встает задача перевоспитания. В этом случае надо применять простые или эффективные методы дисциплинирования ребенка и дома, и в школе, чтобы помочь ему приобрести лучшие навыки поведения. Если же наоборот, при совершенно нормальном и даже добром расположении духа и хорошем характере ребенок не хочет заниматься, учиться, как кажется не хочет, потому что ему скучно, то совершенно ясно, что тогда ему понадобится наиболее стимулирующая или требующая больших напряжений, трудностей, более интересная школьная обстановка. Но может быть здесь есть еще какая-нибудь другая причина?

Весьма не редко мы сталкиваемся здесь вот с какой причиной: ребенок развивается далеко не всегда равномерно, его умственное развитие или, положим, развитие двигательное может опережать или несколько отставать от развития его чувств, от развития внимания, воображения и других особенностей души. Если очень внимательно присмотреться к нашим Нине и Васе, то мы можем обнаружить, что их уровень восприятия соответствует такому среднему для массы детей уровню, который типичен для трех лет, а не для шести. Эти дети еще просто не доросли до школы, они еще не в целом, не целиком, не гармонично, не главносторонне созрели для дошкольного обучения. Таким детям необходимо вернуться в детский сад, несмотря на их возраст, или оставаясь дома, посещать школу в качестве вольнослушателей, не полный день и довольно редко. С ними можно заниматься дополнительно, и к следующему сентябрю, если все пройдет хорошо, они могут достаточно созреть и успокоиться для того, чтобы начать систематическую школьную учебу, хотя, может быть, им было бы полезно некоторые дни все-таки пропускать, даже и на будущий год. Оценивая возможности, способность таких детей учиться в школе, важно не

сделать следующие ошибки: умственное развитие детей может быть значительно больше, находиться на существенно более высоком уровне, чем тот, который обнаруживается с помощью обычных умственных тестов. Дело в том, что для выполнения задания, которое требуется от выполнения ребенком в любом тесте, ему (ребенку) нужно иметь способность сосредоточивать внимание и достаточно долго для выполнения этого задания. Дети не всегда, как мы уже сказали, развиваются равномерно и в случае, если эта способность к сосредоточению внимания развита не очень, он просто не в состоянии выполнить задание и тогда тесты покажут, что он недостаточно умен, но к этим показателям нельзя относиться слишком серьезно. Для того, чтобы составить представление об умственном развитии ребенка, нужно достаточно долго его наблюдать в обычной обстановке и обращать внимания на его вопросы, его реакции, на вопросы и поведение окружающих, на его поведение в группе сверстников в спокойной обстановке и только тогда уже делать выводы о его возможностях. Как правило умственный потенциал, умственные возможности детей достаточно велики, во всяком случае больше, чем те конкретные, частные проявления их умственных способностей, по которым не редко судят об их возможностях.

Случай с нашими Ниночкой и Васенькой показывает, что преждевременное помещение в школу очень опасно для ребенка, даже если он очень умен, но не готов, не созрел для школы во всех других отношениях, с точки зрения особенностей его нервной системы и высших психических функций – внимания, памяти и всего такого, – то его успехи могут обмануть учителей и родителей, могут создать иллюзию, что он вовремя пошел в школу, а это не верно, и в конечном счете он может стать очень неудачливым учащимся. Все мы, родители и учителя – воспитатели, прекрасно понимаем, что профилактика лучше легче, эффективнее, чем лечение, поэтому лучше чуть-чуть задержать поступление ребенка в школу, чем отдать его преждевременно, а это означает, что чем раньше мы начнем наблюдать за поведением ребенка и за уровнем развития всех его способностей и качеств, тем лучше будет для рекомендации о времени его поступления в школу. В противном случае, ребенок, который мог бы сделать замечательные успехи, легко может провалиться в школе. У него может возникнуть отрицательное отношение к школе, как к несчастливому месту, в котором трудно и мучительно находиться.

Вот иллюстрация: учительница восьмилетней Тани жалуется ее маме: "Вам необходимо что-то сделать с нею, она могла бы прекрасно работать, если бы хотела, но она так ленива, ни за что не хочет начать работать соразмерно со своими возможностями". Учительница явно выбилась из сил. Она признавала, что в устной работе девочка была вполне успешной, но никак не могла сказать того же самого о любой требуемой письменной работе.

Мать ребенка была в еще большей растерянности чем учительница, она призналась, что ее девочка непослушна, шумлива, шаловлива, требует повышенного внимания, нервная и дома тоже. Она говорила: "Я в постоянном напряжении с этим ребенком, мне даже иногда трудно ее любить. Мне нужен совет, относительно всего поведения девочки, чтоб не поощрять, что я просмотрела, как исправить создавшееся положение".

Тщательные наблюдения психологов и педагогов и экспериментальные способы оценки способностей девочки показали, что случай с Таней – это случай не такой уж редкий, а именно, случай большого разброса способностей, т.е. продвинутость ребенка в одной области важных общих способностей и отставание в других областях.

Это не значит, что ребенок умственно отсталый в целом, наоборот, кое в чем он может быть гораздо более продвинутым, чем сверстники, но, когда дарования, способности ребенка не равномерно, не уравновешенно распределены, ему (ребенку) приходится довольно туго, и тогда встает проблема все таки перевода ребенка в младший класс, а в большинстве случаев абсолютно

необходима индивидуальная программа обучения. Такая программа, которая полностью учитывала бы эту неравномерность в развитии способностей. Почему учительница думала, что Таня могла бы учиться значительно лучше, если бы захотела? Да потому, что слишком много учителей и в течение слишком долгого времени все судят и судят об учебных возможностях своих учеников, только по их интеллекту, т.е. по способности запоминать, решать задачи. Они совершенно игнорируют то очевидное обстоятельство, что для успешного учения требуется значительно больше, чем только умственные способности. На самом деле Таня очень старалась учиться, и взрослые просто этого не понимали и не видели. Просто, как и во множестве других случаев, она не могла отвечать требованиям своего класса, в котором она училась. Так, например, читала она бегло, но далеко не всегда понимала смысл того, что читает. После того, как она прочтет параграф, ее спрашивали, о чем там с ее точки зрения говорится. Она отвечала: "Не знаю, я не слушала". Арифметические задачи она успешно выполняла только на уровне первого класса. Во всех случаях, когда учащийся начинает отставать от сверстников, первое, что необходимо сделать, это проверить его зрение. Таня не была исключением из этого правила. В ее случае, несмотря на то, что острота зрения для каждого глаза была в пределах нормы, но фокусирующая система явно страдала. Девочка не могла точно локализовать предметы в пространстве. Это не могло не мешать и притом существеннейшим образом и при чтении и при письме. Подвижность зрачков тоже была недостаточной. Что же нужно делать в подобных случаях? Прежде всего, жизненно необходимо добродушное, но твердое и спокойное отношение, руководство со стороны взрослых, разумеется, тех взрослых, которым ребенок верит и которых он любит. Как и всегда полностью должно быть исключено ворчание по поводу недостатков и трудностей ребенка, жизненно необходимы специальные очки в сочетании с особой тренировкой зрения и зрительного восприятия. Еще раз подчеркну, необходима индивидуальная программа обучения, в которой бы разумно сочетались устные и письменные виды работы. Как и во всех без исключения случаях с трудными детьми необходима терапия заслуженным, но посильным успехом.

* * *

Итак, тема сегодняшних несогласий, сегодняшних упущений – человек, как результат. Мы начинаем марафон на эту тему. Вот, а поскольку она совершенно безгранична, то предлагаю начать со следующего сужения ее: типы мировоззрений. Я хотел бы, чтобы вы не согласились со мною, а как я выяснил позже, еще с некоторыми чрезвычайно умными людьми. Ну, например, с Блезом Паскалем или с Киркигором, которые уверяют, что нет на свете ни одной заблудшей души, ни одного униженного, оскорбленного и отверженного, вообще ни единого существа, которое не имело бы некоего мироощущения, мироотношения, мировоззрения, некоего взгляда на жизнь, как выразился Киркигор. Даже самому мало способному и незначительному человеку на свете присуща естественная потребность создать собственный взгляд на жизнь – уяснить себе ее смысл и цель. Тезис мой вот какой, – прошу не соглашаться, – я вас не давлую мощными авторитетами, требую, чтобы вы опровергали любого титана. Вторая часть тезисов для нападок в том, что именно мироотношение и мировоззрение и диктует, и определяет их разброс и диапазон и является стержнем и сутью поведения человека и в экстремальных условиях, когда времени на раздумье не остается, когда выявляется что творит человеческая сущность, человеческая природа, когда человек поступает неожиданно для самого себя. Вот я наблюдал, положит, что люди под пытками ведут себя иначе, чем им казалось, как они будут себя вести (ну не прямо наблюдал, а по описанию). Так вот в эти минуты, когда человек ведет себя спонтанно, в минуты экстремальные,

ужасающие по своей мгновенности и концентрированности и в минуты тщательных, не ограниченных почти временем раздумий и взвешиванием выбора людей – одно и то же. Человек все одно руководствуется своим мироотношением, типом и способом ответа на некоторые фундаментальнейшие способы бытия. Ну, например, зачем он живет. При чем совершенно неважно, чтобы он сформулировал ответ. Совершенно неважно, не нужно, чтобы он отвечал себе: я знаю, для чего я живу. Важно, чтобы в нем жила эта система ценностей, это ощущение ценностей, это переживание ценностей, экзистенциализация ценностей, выживание, проживание того, что человек считает ценным. Вот я и хотел бы обратиться к этому стержню, к этой основе основ. Очень может стать, что с вашей точки зрения другое является основой человеческого поведения, человеческой личности, типа характера. В конце концов Пушкин же имел некоторое основание издеваться над Пушкиным. Когда Пушкин говорит о Ленском:

Цель жизни нашей для него
Была мучительной загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал...

Кто знает, быть может Пушкин иронизировал над таким свойством молодости, такой особенно благородной возвышенной молодости, романтической молодости и сознательным поиском, и противопоставлял мнение цинизма человека, который в общем то уже ответил своей жизнью. Положим так, как это говорил Паскаль: "А какого черта я буду над этим думать? Пусть приятно длится мое человеческое существование, и я вовсе нарочно не буду думать, зачем я живу, для того чтобы не омрачать приятно длящегося моего существования грустными и уж наверняка тяжелыми раздумьями. Раз, простите, мы говорили, что думать жутко как трудно, накладно, опасно.

Я совершенно интуитивно разделил процесс и результат понимая, так как мы их непрерывно будем путать. Мне важно это не как методологу, а как художнику. Сначала чтобы мы все ужаснулись контрастности результатов, а потом вот диапазон, грандиозный разброс типов человеческой личности. Бесконечность ужаснула чтобы и заставила бы думать исходя из контрастов, а потом все больше и больше сближаясь к середине, о причинах этих контрастов. Хотелось бы, вот внутренне, чтобы происхождение результата было бы жизненно необходимо обнаружить, обнаружив результат.

Вот несколько слов из Блеза Паскаля: "Я не знаю, кто меня послал в мир, я не знаю, что такое мир и что такое я. Я вижу эти ужасающие пространства вселенной, которые заключают меня в себя, я нахожу себя привязанным к одному уголку этих миров, не знаю, почему я помещен именно в этом, а не в другом месте, почему то короткое время, которое дано мне жить назначено мне именно в этом, а не в другом, которое целую вечность мне предшествовало и которое за мной последует; я вижу со всех сторон только бесконечность, которая поглощает меня в себя как атом, как тень, продолжающуюся только миг и никогда не возвращающуюся, но что я более всего не знаю, так это смерть, которую я не умею избежать и, не зная откуда пришел, а точно также не зная куда иду, я знаю только, что выходя из этого мира, я обращусь в ничто или подпаду Божьему гневу, и из всего этого я заключаю, что должен проводить все дни моей жизни, не думая об этом. Может быть я мог бы как-нибудь прояснить мои сомнения, но я не хочу принимать на себя такого труда, не хочу сделать ни одного шага, чтоб поискать выход. Я хочу неожиданно, без страха, испытать на себе такое событие как смерть и подойти к ней потихоньку, находясь в неизвестности относительно состояния, которое ожидает меня лет через десять. И воспроизведя этот тип мировоззрения, принципиально кричащего: "Эх, жить будем, да, и гулять будем, а смерть придет, помирать будем". Воспроизведя это ши-

карное мировоззрение, Паскаль тут же замечает: "Кто пожелал бы иметь другом человека, который рассуждает подобным образом, кто прибегнул бы к помощи в своих печалях так рассуждающему человеку? Наконец, для какого употребления в жизни годен такой человек?" Как видите вопросы вытекающие из некой констатации. Для меня сейчас важно, что существует и такой тип мировоззрения, и такой тип мироощущения и что более того он распространен. Когда-то я вверг свою бедную любимую няню в совершеннейшее смущение, спросив у нее, будучи подростком: "Няня, а для чего человек живет?" – "Чтобы есть", – сказала мне няня. А когда я был шокирован и удивлен, я в свою очередь поверг ее в дикое смущение, потому что я сказал, что этого не может быть. Она говорит: "А тогда для чего?" Только поймите меня честно и правильно, я ее очень любил и люблю и многим ей обязан. Так вот, есть такие типы мировоззрения, совершенно искренние, глубокие, честные, иногда осознаваемые, иногда неосознаваемые. Вот такие тезисы. Есть ли протесты против тезисов? Протестов нет. Но есть дополнение. Дополнения не слышно... Восхитительно. Меня это устраивает. Степень неопределенности – это тоже принцип искусства.

Некоторые наглецы, любящие говорить только по-русски, называют его принципом анбигуентности, т.е. чем больше темноты, тем она волнительней. Очень хорошо. Я страшно благодарен, что вы внесли еще одно слагаемое возвышенного поиска. Меня это в высшей степени устраивает. Кстати, я вас должен честно предупредить, что я ставлю над вами некие психологические опыты, но хочу ставить их открыто, т.е. предупредив вас об этом. Ваша задача противодействовать моему желанию поставить эти опыты.

Значит, какой опыт я ставлю? Я хочу с вами говорить, не обманывая вас, а ведь это очень трудно. Хочу, опираясь на С.И. Поварина, моего любимейшего логика русского, процитировать из его "Искусство слова": "О простейших способах обмана слушателей ораторами", – это будет моя небольшая интерлюдия. Я все время буду перебивать текст небольшими интерлюдиями. Во-первых, для разрядки атмосферы, накаленной такой атмосферы, а во-вторых, для того, чтобы толкнуть мысль дальше. Простейшие способы обмана слушателей ораторами: "В публичных дискуссиях и выступлениях на инертную, пассивную по мысли толпу сильно действует предельная четкость, ясность, простота, краткость и доступность, наряду с авторитетностью и уверенностью его тона. При нападках на идейных противников применяют различные уловки. Пропускают мимо самые существенные доводы, цепляются за мелочи, частности, опровергают возражения, которых не было и т.д. Демагог, добивающийся большого успеха, говорить должен медленно, используя житейские сравнения и самые простые, заведомо известные публике слова. Он всегда выдает свои положения за единственно возможную и сущую истину. Предельно самоуверен, но держится внешне сурово. Чтобы убедить в своих "доводах" преднамеренный лжец намекает на неприятности, неизбежные для тех, кто с ним не соглашается и на выгоды для тех, кто согласится. Против мысли выставляют угрозу. Во времена инквизиции разве кто-либо мог заявить, что земля вертится вокруг солнца. Противник возражает: "А вот в Писании написано другое. Как вы думаете, может святое Писание ошибаться или нет?" Вспомнив инквизицию, вольнодумец сразу убеждался в правоте оппонента и даже иногда благодарил за науку. Доводы начальства иногда действуют несравненно сильнее цитируемого красноречия. Артур Шопенгауэр предупреждал: на волю легче всего действовать с помощью аргументов, доводов от кошелька и карманных аргументов. Слушатели и противники сейчас же согласятся с мнением оратора, хотя бы оно было заимствованно из сумасшедшего дома. Стоит вам показать, что ваше мнение принесет существенную выгоду, а мнение противника наносит осязаемый ущерб интересам слушателя, как ваша победа обеспечена. Самые важные для демагога слова и выражения он неоднократно повторяет, незаметно пряча их в тень,

пока слух к ним ни привыкнет. И мысль ему нужная проведена. В ораторских речах одно из существеннейших средств, отвлекающих внимание от мысли и от логической связи, – это палец, выражение сильного эмоционального подъема, равно как и образное выражение, сравнение фигур и т.д., – проверено на опыте, что обычно слушатели легче всего соглашаются с такими отделами речи и хуже всего понимают и усваивают их смысл. Часто льстят учителю, делают комплементы и своим противникам. Эти уловки отвлекают слушателей от автоматизации, от доводов, от доказательств и создают иллюзию объективности автора.

Меня действительно можно было так понять, т.е., хвастаясь тем, что я не имею ни одного ответа ни на один вопрос, я призывал в ходе диалога, всё-таки получить некий ответ на вечный вопрос. Это наверное так. Я только думаю, что я сегодня дополнил тезис еще одним, не треугольником тут уже параллелограмм. Я просто заклеил человека, который не желает этого делать в качестве человека, с которым нельзя дружить с помощью Блеза Паскаля. Или более того – это человек, который опасен для общества, для мира, для человечества. Я сказал ему очень скромно, что он ужас мира, стыд природы и упрек Богу на земле. Это тот, кто находится в реке нашей схемы. Да, я думаю, что вы правы, я именно это и говорил, я именно это и предлагал и, что даже Пушкина я заподозрил в том, что цель нашей жизни для него была мучительней загадкой, над ней он голову ломал и чудеса подозревал на протяжении некоторого времени. Вот. Но я не хотел бы превратить наши беседы в поиски смысла жизни как таковой. Я хотел бы только рассмотреть разные способы ответов, притом очень контрастно. Ну, например, способ ответа человека типа моей няни, которая искренне уверена, что цель нашей жизни никакая не загадка, а вот как, наверное, Евгений Онегин, – ну на каком-то этапе своего развития, – что цель нашей жизни исключительно только в удовольствии. Тогда, правда возникают вопросы характера удовольствия: для кого-то там чистая плита, для кого-то более утонченное удовольствие, например, удовольствие мысли или мазохистское удовольствие замечательно дополняет... В странном удовольствии пытаться найти ход диалога, ответы на заведомо неразрешимые вопросы, в каком-то жутком самомучительстве. Нет, конечно. Я предлагаю только учесть, что наверное и такой тип людей есть, ничем более не занимающиеся, как попытками вечные вопросы изучать. Наша задача найти диапазон, разброд мировоззрений, разброс мировоззрений. Мне думается, что судьба человека и человечества в огромной степени от этого зависят. Во всяком человек злоумышленный к человечеству обладает мировоззрением совершенно определенным и четким. А мы знаем, что XX в. дал нам ослепительные образцы таких людей, нам нужно в них разобраться. Мы знаем, что человек кончающий жизнь самоубийством сталкивается с неким крахом своего мировоззрения. И об этом, если помните, великолепно совершенно у Пастернака. Мы знаем, что человек способный взяться за топор и идти отстаивать от революции тирана, как то, что мы видим, положим, в Румынии, – это человек, особенности мировоззрения которого необходимо будет рассмотреть. Наконец социально-психологическая база фашизма, мировоззрение лавочника – разве это не реалии XX в., в которых нам необходимо разобраться, иначе мы ничего не поймем.

Я соглашаюсь с вами, Александр Иванович, но я пытаюсь оправдать это занятие не как садомазохистское, как исключительно только нужное воспитателю, понять основные типы. Давайте исследовать. Пусть все многообразие мира будет только модификацией единого. Очень может стать, что Господь Бог создает массу разных типов людей, для того чтобы смотрясь в них понимать самого себя. Но все они не что иное, как ипостаси единого. Кто знает, может быть и так.

Андрей выдвинул тезис: "А что если все формулировки и мировоззрения это только формулировки жалкие, а на самом деле люди только притворяются, а

никакого мировоззрения у них нет, и живут они без...

* * *

Б.М. Бим-Бад

Мы сегодня продолжим с вами изыскание на тему: "Человек, как воспитатель и воспитуемый", часть II, "Человек, как процесс".

Позвольте мне напомнить коротко, что нам удалось обсудить прошлый раз. Мы с вами остановились на проблеме апперцепции, которая немедленно вывела нас на фактор времени и тем самым задала динамику человеку, как процессу. Мы тесно связали проблему апперцепции с проблемой амбивалентности и немедленно по закономерной апперцепции говорили о необратимом угасании возможности развития, что также перед нами поставило проблему временного развертывания человеческого становления, созревания и гибели.

Сегодня я предлагаю остановиться на вопросах, связанных с возрастом человека, раз уж мы непосредственно подошли к проблеме времени, важнейшей проблеме и в педагогической антропологии и в воспитании, как искусстве науки. И раз уж мы вышли на этот передний рубеж, то давайте непосредственно временем и займемся.

Возраст человека. Невероятно сложный вопрос. Невероятно противоречивый и очень по-разному решавшийся всеми человековедами: и психологами, и философами. Здесь немедленно встает вопрос о возрастной периодизации, заставляющей нас вспомнить, что любая периодизация – это некоторое насилие над материалом и материал этот яростно сопротивляется, сопротивление материала встречается, следовательно, жестоко, естественно, и кроме того мы сталкиваемся с тем фактом, что схемы, предлагаемые нам разными исследователями, исходящими из совершенно разных оснований и предпосылок, они все остаются схемами, т.е. они могут накладываться, пресекаться, они могут противоречить друг другу, но какими бы они ни были и какими бы не становились соотношения между ними, они не могут вобрать в себя все многообразие жизни в действительности, вот почему нам снова придется, как и во всех предыдущих случаях, дополнять, собственно, научные исследования художественными.

Итак, художественно-научные исследования возраста человека необходимо нам, прежде всего, с точки зрения выявления трудности проблемы, специфически того или иного возраста прежде всего, с точки зрения проблем потому, что все, что мы знаем в рамках нашей официальной педагогики, даже, если только говорить о педагогике, т.е. о воспитании и рождении детей и даже не говорить об андрогогике – о рождении взрослых или геронтогике – о рождении старых, мы знаем, что в рамках нашей, так называемой официальной педагогики как раз трудности, проблемы, кризисы возрастные рассматриваются одновременно и чрезвычайно мало, и чрезвычайно неудовлетворительно.

Друзья мои, любой возраст человека мы изучали с одной хитрой целью. Ведь не просто дать некое возрастное зеркало и тем самым возможность лучше понять себя, не для того только, чтобы предупредить о каких-то опасностях, пропастях, подстерегающих человека, в том или ином возрасте в большей степени, чем в иных случаях, но ведь мы ставили перед собою вот какую цель: если в том или ином возрасте обязательно понадобится человеку то или иное качество, то стало быть предусмотреть это качество надо в самом начале человеческой жизни.

С места

Мне думается, надо иметь систему этих отношений – паспортную, социальную, возрастную, поскольку и то, и другое, и третье накладывает отпечаток на формирование личности. Лучше было бы, если бы мы не потеряли ничего и ни от чего заранее не отказывались, а там посмотрим что является наиболее важным.

Б.М. Бим-Бад

Мне очень нравится этот подход. Возможно, это переплетается и взаимодействует, дает новые качества. Миша Лермонтов – молодой человек, который стал великим Лермонтовым всего за четыре года. Четыре года активного действия, четыре года жизни, четыре года трудом для столь великих свершений. Одно дело – молодой человек, молодость которого накладывает, бесспорно, отпечаток на его творчество, выявляет характер его акме, его расцвета, его гибели. Его гибели, стало быть, и его судьбы. Другое дело, великий старец Микеланджело или Лев Толстой в последний период своей деятельности, которых мы, конечно, не можем выбросить из компании расцветающих. Это блистательные расцветы, исторические по своей значимости.

* * *

Я вам обещаю биографический материал. Собираю я его по крохам отовсюду и пользовался историческим методом: не верил одним источникам и перепроверял их по другим. То, что я могу вам представить, есть результат, собственно, исторического исследования настолько, насколько оно мне по силам. В последние 20 лет я по преимуществу занимался историческими исследованиями.

Многие ученые, я имею в виду самых ведающихся, в детстве и юности, как известно, не блистали никакими успехами, например, в науках. И способности их развивались удивительно поздно. К числу их принадлежит, например, Луи Блез Пастер, который окончил колледж с чрезвычайно большим трудом. Вместе с тем, жизнь показывает, что в самом раннем возрасте возможны и ярчайшие проявления из складывающихся и многообещающих дарований. Так, известно, что Исаак Ньютон в 10 лет сконструировал спокойно водяную мельницу. Блез Паскаль очень увлекался

в детстве математикой, но при этом много болел, и врачи потребовали, чтобы отец препятствовал усиленным занятиям. И отец прятал от него только-только что открытый Паскальчиком томик начал Эвклида. Он спрятал, и маленькому Блезу действительно ничего не оставалось, как продолжить начало и фактически доизобрести геометрию Эвклида фактически от начала до конца. Он исходил по преимуществу из постулатов, с которыми он успел познакомиться. Это не анекдот, это не легенда, это, – зафиксированный многими, исторический факт, и он много объясняет в дальнейшей судьбе Паскаля, к которой мы имеем случай обращаться, и по-моему, даже не один раз и которого я бесконечно чту, и не только как изобретателя теории вероятности и первой счетной машины и множества других вещей, но и как самого первого и последовательного, с моей точки зрения, экзистенциалиста. Мы неоднократно будем прибегать еще к его "Письмам провинциала" и "знаменитым мыслям". Увлечение математикой сыграло выдающуюся роль в его дальнейшей судьбе по той простой причине, что отец смирился и стал допускать его с малолетства к колоссальной библиотеке, что удивительным способом повторяет судьбу Сашеньки Пушкина, толстого и неповоротливого мальчика, и Жан Поль Сартра. Во всех трех случаях в глаза бросаются следующие сходства: первое, болезненность в детстве, иногда чрезвычайная, отвлекающая от игр со сверстниками, то есть не было возможности тратить время на, положим, "казаков-разбойников", в разных модификациях, публика была, как-то по преимуществу занята раздумьем.

Во-вторых, бросается в глаза доступ к колоссальным библиотекам, в-третьих, на фоне не только одиночества, вызванного болезненностью, иногда чрезвычайной, в случае Саши Пушкина тоже, в детстве это был настолько тучный и неуклюжий ребенок, что просто над ним все время смеялись, иногда и довольно грубо. Чернышевский рассказывает о случае, когда Сашенька неповоротливо, переваливаясь с ноги на ногу, шел гулять за няней и шло еще несколько детей, кто-то из окна закричал: "Эй, ты, толстяк, – или что-то в этом роде, – что же ты отстаешь". Сашенька так обиделся, что, вообще, сел на место и вообще никуда не пошел. И вообще он любил неподвижность, этот холерик, развернув-

шийся в этакой темперамент. Но наряду с этим одиночеством, мы сталкиваемся с одиночеством в отношении со взрослыми, во всех трех случаях. Родители очень равнодушны к своим детям. Дети остаются наедине с колоссальными библиотеками, и удивительно, во всех трех случаях, с французскими библиотеками, на французском языке. Случайно это или нет? Не знаю, не знаю. Сдается мне, что французская литература, больше чем чья либо другая вобрала в себя всю античность, всю и не только греческую, но и римскую тоже. Ну судите, хотя бы по одному Монтеню, я уже не говорю о всей колоссальной традиции XVII века, давшему и свою античность – Сид, Корнель, чуть позже Мольер и кампания.

Так вот, сходство совершенно разительное. Но вернемся к остальным, удачникам и неудачникам в учебе.

Когда мы обращаемся к проблеме многосторонности или разносторонности, присматриваемся к биографии наиболее универсальных ученых, ну, например, таких как Лейбниц, сделавших исторические открытия, эпохальные открытия в математике, написавшего философские трактаты, немыслимой глубины и силы, внесший вклад в юриспруденцию, политику, химию, поэзию и т.д. Кстати Лейбниц автор удивительно интересных и сильных стихов посвященных Коменскому. Он обещал ему вечную славу в то время, когда весь остальной мир предпочел бы забыть.

Так вот, Лейбниц был очень многосторонний духовный носитель, и мы обнаруживаем одну общую черту. Во-первых, удивительное уже само по себе, какое-то фанатическое и очень рано проявившееся трудолюбие, способность работать почти без перерыва, иногда несколько суток подряд. Причем в случае Лейбница, например, его занятия не прерывались и в дороге. Я подумал однажды, взглянув на собрание сочинений Моцарта: интересно, сколько времени займет просто переписать эти ноты? Такое впечатление, что человеку совершенно не требовалось времени для того, чтобы то ни было обдумать, что он только и делал, что торопливо записывал кем-то диктуемый ему текст.

Почему я вспомнил именно о нем? Потому что он любил работать в дороге. Так, например, Лейбниц, как известно решил первую задачу на пути в карете из Г. Во-вторых, мы обнаруживаем способность, тоже формирующуюся довольно рано, в любой проблеме рассматривать главное, общий принцип, не отвлекаясь на частности. Причем это главное заставляет поступаться всем второстепенным. Когда мы говорим о формировании этого великого ума, сверхобычного, приходится говорить практически во всех случаях, еще и о равновесии, уравновешенности, или иначе, гармонии, – гармонии всего, в частности, анализа и синтеза, с полным исключением перевеса чего-нибудь одного над другой составной парой.

То есть равновеликие умы могут обладать диаметрально противоположными характерами. Но смотрите, как не принимали они друг друга, как враждовали, как антипатизировали друг другу, Ньютон и Лейбниц. Они действительно были противоположностями: сухой, методичный, достаточно жестокий, холодный, постоянно напряженный Ньютон и гуляка праздный Лейбниц действительно удивительно напоминал Моцарта. Даже характерами они могли быть совершенно разными, но они почти одновременно открыли, совершенно самостоятельно, независимо друг от друга дифференциальное интегральное исчисление.

Речь идет не только о различии характеров, но и различии мировоззрения, о различии научных методов. Перед нами полные антиподы, люди противоположные, казалось бы, решительно во всем: во взглядах на жизнь, на науку, противоположные в отношении с людьми, в особенности нравственного поведения, решительно во всем. И тем не менее, в этом случае одновременное открытие, имевшее такое историческое значение для судеб всех наук, а стало быть, и для судеб человечества, для судеб промышленного производства и всех последствий нашего славного и страшного научно-технического прогресса,

– в этом факте проявилось единство не характеров, как мне представляется; не мировоззрений, не нравственных установок. А чего?

Реплика

Таланта.

Б.М. Бим-Бад

Замечательно. Вот, что замечательно в этом ответе? Что наш уважаемый помощник и друг не пытался догадаться, чего хочет услышать от нас учитель, а совершенно честно и спокойно сказал то, что думал. Вот это, кстати, самое ценное в любом учебном процессе и самое характерное в нашем сегодняшнем процессе, когда любой учебный класс занят практически только одним – попыткой угадать, что хочет услышать от них учитель.

Даже если идея заимствована из сумасшедшего дома, но ее нужно угадать.

Пусть она не имеет никакого отношения к действительности, но нужно угадать, что одобрит учитель? От этого зависит "пятерка" и судьба. А здесь по счастью, не зависит ничего. Поскольку мы теперь знаем, что человек рождается с массой прав, а теперь с правом на выбор, то мы его и будем реализовывать.

Я как раз и подумал, что здесь появилось единство страстей, простых и неодолимых страстей, которые гипотезой я отдаю вам на облай, я даю ее вам на съедение. Страсти и лежат в основе того, что мы называем человеческой личностью, что многие из нас предпочитают считать "мордой лица", "индивидуальностью" неповторимой особенностью данного человека.

Вот эта жажда познания, неодолимая страсть, помните, как ее сформулировал Ньютон, когда его попросили сказать, – что же дало ему силу к такому количеству открытий? Я имею ввиду его высказывание такое, а именно: "неотступное думанье".

Но ведь для неотступного думанья нужна страсть, ведь не только мысль обслуживает страсть, но и страсть является питательной средой мысли, помните у Маяковского: "О какой невероятной тонкой... (что-то там) ...и мысль свою зажег". Вот это удивительно точно схвачено, костер дает страсть, эмоции – это котел кипящий, страшный котел и вот выбросы из этого кипящего огня, это может быть и мысль, еще одна гипотеза. Во всяком случае, жажда познания, неотступное думанье. И вот еще что, есть еще одна страсть – любовь к правде, наслаждение от правды.

Человеческая мысль слаба, она готова уступить массе страстишек, и она всегда будет соскальзывать с того острия ножа, по которому она будет двигаться, потому, что мышление – это хождение между пропастью и пропастью и слева, и справа катастрофа, и только подлинно мыслящий человек знает какие ужасные страны, страны человеческой мысли.

Так вот, для того, чтобы не соскользнуть нужна ненависть к самообману, тысячекратная самопроверка, любовь к истине, любовь к отыскиванию правды, – это особенная страсть, нуждающаяся в колоссальной мужестве. В том, что, положим, Ильенков называл мужеством сознания. Впрочем, там более широкое понятие. Мы к этому еще неоднократно вернемся.

И, наконец, сострадание к людям.

Если мы присмотримся к той нравственной высоте, с которой создано все, что написано Пушкиным, а ведь тайна прежде всего в этой нравственной высоте, то мы обнаружим, что и нравственность – не что иное, как, помните, полное противоположное, преступному миру отношение, презрению и ненависти к людям, презрению и ненависти к миру. Сострадание к людям – это не только способность влезть в чужую шкуру, это не просто снисходительность, хотя и то и другое, по-моему, важно, оправданно, справедливо при некоторых условиях. Это существенно больше. Сострадание к людям – это то, что как-то не совсем ловко, чуть-чуть фальшивя называют любовью к людям.

Реплики

Желание добра, доброжелательность.

Добротолюбие.

Б.М. Бим-Бад

Добротолюбие – прекрасное слово, как и добродетель, добро. Хотя во всем этом надо разбираться, друзья мои. Но добротолюбие – занятый термин. Это совсем другое, это наука и искусство быть монахом. Просто исторически сложилось так, что это слово имеет другой смысл. Просто об этом мало знают. И там добротолюбие – это отшельничество, наука и искусство отшельничества. "Если бы меня попросили сказать, что первое и важнее всего в развитии человеческих страстей, – писал незадолго до смерти в своей исповеди Бертран Рассел, – я назвал бы, конечно, эти: жажду любви, страсть познания и сострадание к людям. Потому что без любви остается человек на самом краю пропасти и заглядывает в ту беззвучную пропасть небытия, из которой поднимаются миазмы ожесточенности и жестокосердия. Еще потому, что без желания узнать, отчего светят звезды и в чем тайна человеческой души, без этого желания человеческая жизнь совершенно лишена специфически человеческого. Иными словами, без нее человек, конечно же, только намек на человека.

И, наконец, без высокого уважения к любой части человека в человеке мир заглох бы и погиб, поскольку дети, которых некому накормить, и лишенные надежд старики, весь мир нищеты, одиночества и страдания всегда был и остается насмешкой над всем, что называется человеческим достоинством".

Вот еще один, по-моему, яркий исторический биографический материал: великий ученый Р. Гук. Для характеристики Гука важно знать, что он был крупнейшим для своего времени физиком, химиком, астрономом, ботаником, метеорологом, инженером. Проявил он себя также в архитектуре. Он руководил восстановлением Лондона после великого пожара 1666 года. Он был хилым ребенком с рождения. Вероятно, у него был костный туберкулез, он не мог ходить в школу. Отец – деревенский священник. Учили его дома. С юных лет искалеченный болезнью, согбенный, маленький, похожий на взъерошенную птицу с большой головой, шумный и вспыльчивый, но не расчетливый и совершенно бескорыстный, – таким был мистер Гук в жизни.

В том, что Роберт Гук вырос широким, щедрым, бескорыстным и по-настоящему великодушным, конечно же большая заслуга его ближайших и любимых взрослых – отца и всего домашнего окружения. Мы знаем, как чрезвычайно трудно компенсировать физические недостатки, мы знаем, как легко вырастает озлобленность в человеке, рожденного с физическими недостатками, как глубоко укореняется ненависть и отвращение к миру и преступной психологии в душе физически недостаточного человека и мы знаем, как трудно компенсировать эти вещи настолько, чтобы человек вырос без желания мести, без злобы за таенной и накопленной. Здесь также важно направить интересы человека и сделать их стойкими, сильными, неодолимыми в область познания, в область творчества, вообще, именно творчества. А вы знаете, почему иногда из плохо учащих детей вырастают величайшие ученые? Или иначе: почему величайшие ученые в школе учатся плохо? Это не два разных процесса, это одно и то же.

Но вот моя скромная гипотеза. Я ничего не знаю, друзья мои. Давайте договоримся, я не только ничего не знаю, но ничего и не могу узнать, и мы здесь исключительно для того, чтобы вместе искать хоть что-то. Вот моя гипотеза, чрезвычайно слабенькая, потому что мысль честная, раскованная, свободная, никогда не смиряется со школярством с самого начала и еще потому, что школьная наука, проповедующая истины в последней инстанции никогда не удовлетворяет жажды знаний и всегда вступает в противоречие с ней.

Внутренняя свобода от канона, от шаблона – вот что характеризует этих странных, не желающих верить школе детей. Но может быть и не так, это гипотеза. Не великого человека легко убедить, что земля квадратная, круглая, овальная – какая угодно, его и убеждать не нужно, ему просто об этом надо сообщить, и

подкрепить это сообщение авторитетом, ему не нужны доказательства. Но одновременно в нем убивается свободное и раскованное мышление, поэтому неправильно было бы сказать, что великий ум противостоит школьному догматизму, а правильнее было бы сказать, что школьный догматизм не всегда, а благодаря случайному стечению обстоятельств, иногда не преуспевает в том, чтобы убить свободный ум, т.е. ум, как таковой.

Школе не во всех случаях удается убить человека, вот моя гипотеза, – и никогда ей всех уничтожить не удавалось, хотя моя гипотеза в том, что она всегда к этому стремилась.

И еще одно, тоже гипотетическая. Прогресс осуществляют еретики, такова природа прогресса. Для того, чтобы двинуться вперед, надо противоречить имеющемуся. Но поскольку человеческое развитие, совершенствование, научное и всякое другое движение вперед осуществляется только еретиками, то ясно, что еретики формируются с детства, вот почему послушание, исполнительство, прилежание зубрежке – враждебны роду человеческому.

Вот моя гипотеза. Вот почему непослушание, неисполнение, ершистость, враждебность и бандитство являются залогом прогресса человечества.

В большой бедности очень легко, как мне кажется, насмерть, безнадежно избаловать ребенка. В большом, устрашающе большом богатстве легко воспитать человека совестливого и не эгоистичного. Как ни странно, нравственные качества менее всего связаны с материальным достатком. Вся суть дела в атмосфере, господствующей и преобладающей в семье или в непосредственной среде ребенка в его ранние годы. Если это дружная, заботящаяся о каждом атмосфера, то она преодолет ужас богатства и прелести нищеты. И не следует приписывать соревнованию якобы развивающую функцию. У нас это любят.

Любят потому, что хотят поставить на место капиталистической конкуренции дохлую, затхлую атмосферу соревнования. При ее применении к школе мы получаем лже систему повышения по должности и борьбы за степени и ранги. Я предлагаю вспомнить, что Альберт Эйнштейн, как символ науки XX века, образец недостижимой высоты мысли, обладал одной примечательной чертой: высоко ценя шахматы, Эйнштейн не любил играть в них. Для него был неприемлем спортивный принцип борьбы за выигрыш. Я не хочу при этом бросить тень ни на вас, ни на Каспарова.

С места

Дело в том, что я буквально позавчера передал статью, где дается чуть более точная цитата. Эйнштейн сказал, что он не приемлет шахматы как форму подавления интеллекта. То есть два разных перевода.

Б.М. Бим-Бад

Замечательно. А я вовсе не перевожу и не цитирую. Высоко ценя шахматы, вспоминаю я, Эйнштейн не любил играть в них. А вот вы замечательно, совершенно блестяще дополнили, процитировав его подлинные слова.

Иерархия деятельности, всякого рода обойма, очки, медали, соображение старшинства и первенства, вообще дух соревновательства в науке вызывал у Эйнштейна тоскливое недоумение. Полезно помнить, что человек, стремящийся к истине, не имеет времени вкуса и, слава Богу, вовсе не имеет душевных качеств для борьбы за первенство и старшинство. А иногда бывает и не так. Вот почему не очень-то стоит, по-моему, спорить с Гельвецием, надеявшимся на здоровое честолюбие как двигатель характера и способности в юношеском возрасте.

И буквально два слова о наследственности гения. Гаус был сыном каменщика, который потом стал наконец, водопроводчиком. По воспоминаниям самого Гауса, отец очень гордился тем, что умел писать и считать.

Знаменитый русский физик К.А. Каблуков был восьмым среди тринадцати детей сельского зубного врача, вольноотпущенного крепостного.

Знаменитый физик Юлиус Роберт Майер был сыном аптекаря. Один из круп-

нейших английских химиков ?????? был внуком крестьянина и сыном ремесленника, резчика по дереву. Один из крупнейших физиков XV века происходил из чрезвычайно бедной семьи. Впрочем, и сам Ньютон был сыном фермера. Прадед Луи Пастера был крепостным. Следующие два поколения мужчин в семье Пастера были кочевниками.

Вот еще факт о плохой наследственности будущего гения. Иммануил Кант, сын сапожника, завещал свое наследие и дал распоряжаться им Якоби, другому выдающемуся философу, сыну сапожника.

Знаменитый математик Владимир Андреевич Стеклов едва не остался в гимназии на второй год при переходе из четвертого в пятый класс, больше лазил по башням Кремля, а то и несся на помощь пожарным, плохо учился. Это, по его воспоминаниям, способствовало укреплению здоровья и нервной системы, но отнюдь не прохождению курса. Ему помог упрек отца. Желая задеть сына, отец сказал ему (при младших дочерях): "Я думал, что ты ленив, а ты оказывается не очень способный". В последствии Владимир Андреевич вспоминал: "Я как бы очнулся, одно слово сказанное за обедом отцом, маме и сестрам, сразу меня образумило, я решил начать учиться, за лето успел пройти снова все предметы первых классов... вышел в люди". Вот так искорка честолюбия может разгореться живым интересом к науке.

Но это, разумеется, не общее правило. Все-таки общее правило то, что то или иное воздействие сочетается с уже имеющимися свойствами, ну например, работоспособностью. Панацеи тут никакой нет.

Академик Александр Евгеньевич Ферсман тоже энциклопедист, он не только минералог, геолог, но еще и химик и популяризатор, геохимик, географ, знаток земли, вот отрывок из его воспоминания 1927 года (достойно, что он стал академиком в 36 лет): "Увлёкся я минералогией в своеобразных условиях горного Крыма, среди научных интересов научной семьи, еще семилетним школьником получив в подарок прекрасную коллекцию, я увлекся камнями и вплоть до 12-го года занимался собиранием минералогической коллекции, которую потом передал в народный университет Шанянского, с чем я вас и поздравляю, первым деятелем по минералогии которым я был. Все мое детство прошло в увлечении минералами..." Ребята, не забудьте вставить эту штучку в ваши писания, нам ведь тоже нужны минералогические коллекции. И в обращении к деятелям культуры, напомните, пожалуйста, о том, что некоторые народные университеты в России получали в дар России замечательные минералогические коллекции, а впрочем и всякие иные.

Будем ли мы искать наследственность подобного рода случаев или обратим свое внимание на культурное воздействие ближайшей среды ребенка с первых лет?

Один из самых великих химиков мира – Юстус Либих, и не только химиков, но и родоначальник популяризации науки, как важнейшего способа контроля общества над наукой, ведь популяризация вещь хитрая, великая и страшно значимая, она, может быть, и спасла мир от худших кошмаров биологического, химического и прочих оружий, это гениальный великий человек.

Юстус Либих родился у торговца Георга Либиха. Заслуги Либиха перед культурой человечества огромны.

А вот основоположник генетики – Иоган Мендель, сын барщинного крестьянина, учился на медные гроши, еле сводил концы с концами, перебивался грошовыми уроками, окончил гимназию, выпускавшую учителей приходских школ, позднее он писал, что в монастырь его загнали нужда и желание заниматься наукой, позднее преподавал в гимназии языки и математику, а потом переключился на физику и естественную историю. Когда он сдавал экзамены на учителя, он совершенно оскандалился по биологии, изложив в письменном сочинении такую классификацию млекопитающих, которую можно было вычитать только из Библии. Он объединил в один отряд кенгуру, зайца и бобров. Слонов

причислил к копытным. К тому же священник Мендель не отважился зачислить человека, наделенного бессмертной душой, в отряд приматов в купе с обезьянами, поставив человека вне всяких отрядов. На этом учительская карьера Менделя совершенно прервалась. Пусть слушатель не огорчается, позднее Мендель закончит естественное отделение Венского университета и получит хорошее образование и вернется все-таки в школу. Это вот такие курьезы. Бородин был незаконным сыном некоего князя и солдатской дочери. Ребенка записали сыном дворового человека Порфирия Бородина. Маленький Саша был болезненным ребенком и даже учился дома с частными учителями. С детства его интересы были разделены между химией и музыкой. Вот эта болезненность мальчика – факт довольно типичный для очень значительного числа воистину удивительных людей. Значение его не в том, что та или иная болезнь усиливает талант, как мне кажется, а в том, отвлекаясь от бесцельных и бесплодных способов времяпрепровождения на протяжении детства, прикованный к дому ребенок вынужден, принужден к углубленному раздумью и занятиям. Просматривается это явление, в жизни огромного количества выдающихся деятелей.

Это можно было бы продолжать до бесконечности. Я комментировать не буду этот набор фактов. Все это материалы для противоречий и раздумий.

И вот здесь нам литература, в описании биографий великих людей дает яркий, наглядный, убедительный материал, позволяющий думать, что мы не очень, ошибаемся, приписывая такую большую функцию конкретному реальному воспитателю.

Известно, что травмы, переживаемые ребенком в детстве, способны вызвать его отвращение к жизни и к людям, к миру, страх перед ним, недоверие, озлобленность, все то, что составляет стержень и фундамент преступной психологии или несостоявшейся жизни. Но когда мы берем биографии людей прекрасных и сильных, взваливших на свои плечи тяжесть духовного прогресса человечества, то мы часто обнаруживаем, что жизнь их и детство были очень жестокими и травмы были страшные: это и потери близких и страшные обстоятельства судьбы, это и безжалостность мира, несправедливость по отношению к ним, но я не знаю ни одного случая, когда человек становился бы создателем, а не разрушителем, чтобы в его ранге жизни не появилось бы спасение в образе, то ли бабушки, то ли тети. Ну, бабушки у Горького, тети у Жан-Жака Руссо, то ли совсем, скажем, учителя хорошего, воспитателя, то ли няни, как у Пушкина, в огромном смысле или сестры, положим, другого каждого, значимого близкого существа, ни одного случая не знаю.

В детстве Пикассо испытал невероятную травму, связанную с землетрясением. Отчасти она у него проявилась в его знаменитой картине "Герника", где он показывает страшные последствия этой бомбежки испанского города, когда он был стерт с лица земли. Но у него в ранней юности были удивительные теплые отношения с существом, к которому он сохранил нежность и благодарность в течение всей своей жизни – к своей кузине, которая была старше его. И психологи считают, что только это спасло его от ужаса перед иррациональностью, перед нелепостью, перед нелогичностью, безумной жестокости творенья, когда столько незаслуженного, необъяснимого, неумещающегося в сознании зла творится, как гром среди ясного неба в любую секунду, когда жизнь непрочно, когда счастье непрочно, когда все непрочно. И вот здесь человек переживший столь глубокую, столь фундаментальную травму в раннем детстве, обязан встретить вот этот противовес, о котором мы говорим.

Б.М. Бим-Бад

В прошлый раз мы с вами пытались наметить некое необходимое для укрепления и дальнейшего развития способности человека культурного содержания, с коим ему, этому еще растущему человеку (а впрочем человеку всегда растущему) необходимо столкнуться, чтобы произошло, состоялось, как минимум тре-

тье рождение человека.

Мы говорили с вами о рефлексивном компоненте этого образования, этого культурного материала, без которого рождение, а точнее говоря, саморождение человека просто не может состояться. Я предлагаю сегодня продолжить обсуждение этой темы.

Если обратиться к таким авторитетам в области философского образования, как положим, Гегель, Ильенков, то мы столкнемся с позицией, заслуживающей, как мне кажется, ее обсуждения, а именно, с точки зрения на некие почти неизбежные периоды, этапы в развитии способности к репрессии, той самой способности, которой мы с вами придаем сверхобычное значение.

Если помните, то первый неизбежный для юности этап, для юноши, извините за банальность, обдумывающего житье, первый этап – это период догматизма.

Мы его так не называем, но мы его, по сути дела, затронули, в своем рассмотрении. Если помните, это тот самый этап в духовном становлении юноши, когда он ищет образец, модель для подражания, он ищет объект идентификации, в этих терминах мы рассматривали этот процесс.

Так вот, чтобы продолжить это рассмотрение, необходимо вспомнить, что эти процессы, этот поиск идеала, воплощенного в крови, кости и кожи, живого идеала, этот процесс поиска модели и образца очень близок по своей природе теоретическому догматизму, т.е. достаточно некритическому восприятию той или иной идеологии, вообще идеологии, и к почти фанатическому следованию раз принятого образа мысли.

Это близко, представляется мне, попытка сохранять одно и то же умонастроение, это близко, как кажется, к нежеланию, именно к нежеланию, а не неспособности, преодолевать боль самоизменения, боль и трудность отказа от устоявшейся системы взглядов, т.е. некоторые черты фригидности умонастроения мироотношения, того, что мы называем догматизмом, не гибкостью, закостенелостью, мы наблюдаем уже в юности.

И как ни странно в том периоде развития юного человека, когда он по сути дела только открыл ворота в царство мысли, когда он только что прикоснулся к искусству и культурному материалу раздумья мировоззренческого труда.

Этот период можно также охарактеризовать как период недостаточной эффективности, приближающийся к нулю. Ведь догматизм и зачаточная рефлексивность это близнецы братья.

Второй этап – это период скептицизма. Если духовное развитие не осталось на этапе догматическом, если оно продолжается, то как правило, оно принимает форму диаметрально противоположную, как кажется на первый взгляд, а именно форму систематического сомнения, прежде всего форму абсолютного отрицания прежней догматической системы труда. Здесь рефлексивность приобретает форму чисто нигилистскую. Скепсис или иначе нигилизм, умонастроение, как всем сейчас известно, чрезвычайно опасное, поскольку именно нигилистическое мировосприятие, положим терроризм, что хорошо нам показал еще Достоевский, что нам хорошо известно из истории XX века.

Скепсис, наверное, вещь столь же необходимая, как этап развития и компонент духовного становления юного человека, сколь опасная, разрушительная, чреватая тяжелыми последствиями.

Если человек не преодолевает этого этапа, не снимает последующего, он остается внутри его, то мы сталкиваемся с людьми, о которых в народе говорят, – ему сам черт не брат, – с людьми, у которых нет и не может быть ничего святого, ничего истинно прочного, ничего достоверного, где все сплошное отрицание, приводящее неизбежно к моральному ???визму, т.е. одной из самых распространенных форм отрицания нравственности в случае, когда это миронастроение сочетается с достаточно активным темпераментом, мы сталкиваемся с людьми просто разрушительного типа. Например, террористы.

И наконец, третий и высший этап этого духовного роста в юности, авторы, кото-

рых мы решили критически рассмотреть, считают этапом собственно спекулятивным, этапом действительного мышления. Речь идет о чисто философской терминологии и к спекуляции в смысле уголовного кодекса отношения не имеет.

Е.Ю. Кириллова

Это один из признаков творческого мышления.

Б.М. Бим-Бад

В терминологии гегелевской системы – да, системы, которой долгое время следовали, а теперь от нее отошли, поэтому у Ильенкова, как у неомарксиста, вы найдете другой термин, – мышление, мышление как таковое.

Имеется же ввиду, конечно, способность к движению в пространстве мысли, без опоры на образ или способность одновременно с той, о которой мы говорим, которую великолепно сформулировал Пушкин в одном из своих юношеских стихотворений: "Учусь удерживать вниманье долгих дум". Учусь удерживать вниманье долгих дум - способность к последовательному движению, к долгому движению в пространстве чистой мысли.

Третий компонент, спекулятивной способности, высшего этапа развития духа – это способность к снятию противоречия. Способность снятия противоречия, конечно же предполагает, прежде всего, их честное вычленение, их нахождение, способность видеть противоречие. Здесь есть большая сложность на самом деле, работа мысли вещь невероятно сложная, тем более, что она протекает в темноте и мы можем наблюдать за ходом мысли исключительно по тем кочкам, с которых мысль перескакивает время от времени, выхваченная как бы лучом света из полного мрака.

Ведь для того, чтобы видеть, уже надо знать, мы не в состоянии заметить того, о чем мы не имеем представления. Но классический, хрестоматийный, навязанный в зубах пример: я увижу в цветке, в растении совсем не то, что специалист-ботаник и не смогу заметить бездну тонких различий, даже во спасении собственной жизни, или в рентгеновском снимке, я не увижу того, что увидит врач-специалист и т.д. Здесь получается как бы замкнутый круг, – чтобы увидеть, надо знать, а чтобы знать, надо, прежде всего увидеть. Но этот классический пример движения по спирали, это тот замкнутый круг, разорвать который можно только культурой, в частности, культурой мышления. Потому, что все-таки прежде чем увидеть, надо знать, а чтобы знать надо узнавать и прорвать этот круг можно только в этой точке.

Е.Ю. Кириллова

Вот мне вспомнилось исследование Секкея о функции знания. Он сказал, что в знании три функции: знание выступает, как отправная точка в мышлении, знание – как процесс мышления, вместе – как результат мышления.

Б.М. Бим-Бад

Прекрасно. Но для того, чтобы запустить процесс мышления, уже надо это знать. Венгерский психолог Секкей конечно очень точен и образен и с ним наверно трудно не согласиться.

Но способности, о которых мы говорим, не ограничиваются только перечисленными компонентами. Ведь надобно увидеть противоречие, а для этого надобно знать о наличии противоречий, а потом надо уметь преодолевать боль противоречий, и прежде всего, противоречия собственные с глубокими убеждениями, и наконец, как мы сказали, надобно искусство снимать противоречия, разрешать противоречия и готовится к неизбежности новых противоречий, и все это опять требует сознания.

А.П. Мишле

Я чего-то не ухватил из-за отсутствия культуры мышления. Вот когда мы говорили о догматизме, скептицизме и действительном мышлении, а потом перешли к противоречиям, я не уловил различия влияния рефлексии в различных этих кусочках. Мне помешало отследить эту линию, как целостную.

Б.М. Бим-Бад

На первую часть вашего выступления, надо было бы сказать, что унижение паче гордости, это совершенно очевидно. Что же касается второй части, то здесь нужно признать, что мы этого просто не рассматривали. Мы как-то застряли на вопросе о противоречии. Это очень важно и может нас вывести и на вопрос рефлексии. Дело в том, что собственное мышление в каком-то смысле есть мышление противоречиями, или то, что в древности называли диалектикой, потом это слово много раз переосмысливалось. Но если обращаться к античному наследию, то надо бы признать, что способность выразить мышление противоречия как раз и предполагает очень развитую способность к рефлексии, потому что диалектическое мышление или мышление противоречия, есть ничто иное как вечный спор с самим собой.

А.П. Мишле

Что вы имеете в виду под рефлексией, поскольку это может быть выражено по-разному. Рефлексия на этих стадиях одна и та же или различная?

Б.М. Бим-Бад

Способность рефлексии на всем протяжении нашего курса мы понимаем очень ограниченно, собственно это имеет воспитательный смысл. Рефлексия – как способность человека отслеживать собственные действия, в частности мыслительные действия. Отслеживать их вот на такой высокой продвинутой стадии мышления, значит и отслеживать собственные попытки находить доводы "за" и доводы "против" при противоречивых взглядах, представлениях фактов, явлений, процессов всего многообразия мира, который несет в себе эти противоречия.

А.П. Мишле

Этот переход от скептицизма как необходимой стадии к скептицизму как разрушительной стадии рефлексии, ее мощность понималась каким образом?

Б.М. Бим-Бад

Если для догматизма мы почти не обнаруживаем способность рефлексии или исключительно только в зачаточной стадии ее, то скептицизм возможен исключительно как дурно понятия, несозревшая рефлексия или ее результат. Когда, положим, я превращаюсь из догматика в скептика, обнаруживаю, что все, во что я верил, оказалось ложным. И из этого делаю элементарный вывод, что на свете нет ничего, кроме лжи. Положим, как лирический герой Омара Хайяма: "Никто не просверлил жемчужину этой тайны, всякий говорит, что ему выгодно, а что оно есть на самом деле, не может знать никто". Это классическое выражение скептицизма, истина недостижима. Как я подошел к этой идее? Прежде всего с помощью вот какой своеобразной рефлексии – неполноценной, неразвитой рефлексии.

Когда я отследил столкновения своей идеологеммы, своей идеологической системы, точнее выражаясь, столкновения их с действительностью, столкновения, которого они не выдержали, и этого краха недостаточно, для того, чтобы практически больше к рефлексии и не обращаться.

А.П. Мишле

Я понял различие, оно проходит через отношение этих идеологемм к действительности, если необходимая стадия, то это отношение подвергает сомнению, она разрушительная и не дает возможности дальше двигаться.

Б.М. Бим-Бад

Практически не дает, блокирует дальнейшее движение.

А.П. Мишле

Но это характеризуется состоянием что ли, личности, не в самом процессе познания, а отношением к познанию, вот этот скептицизм в данном случае, т.е. вот эта одна стадия, необходимая и разрушительная стадия, они должны иметь какой-то механизм различения, сама рефлексия здесь, как бы не дает срабатывать. Это отношение к этому пространству, к этому прыжку, оно не рефлексия,

а чем-то еще должно объясняться, потому что рефлексия, она только обеспечивает и понимает ситуацию, что нету средств. Я подумал, что там рефлексия везде работает, как объяснительная функция, я пытаюсь ее найти. Может быть я что-то не понял?

Б.М. Бим-Бад

Я думаю, друзья, что вы поняли все правильно и что одной рефлексией и ее недостаточностью мы никак не можем объяснить переход от догматизма к скептицизму.

А.П. Мишле

И от стадии необходимости в скептицизме к стадии разрушительности. Вот мне важно этот переход схватить, у меня рефлексия здесь не сработала полноценно.

Б.М. Бим-Бад

Я думаю, что скепсис, как неизбежный итог дальнейшего, в сравнении с догматическим периодом развития юношеского мышления превращается в свою разрушительную стадию в том случае, когда дальнейшее развитие прервано, когда человек останавливается на этом этапе скептическом, тогда он неизбежно превращается в нечто опасное для самого человека, поскольку делает его крайне неуживчивым, в этом мире, а иногда и опасным для человечества в целом.

Что же касается стадии собственного мышления, то для меня абсолютно очевидно, что обучение ему должно непременно включать в себя обучение искусству рефлексии и предполагает еще в качестве замеса, в качестве компонента некоего химического сродства и амальгаму человеческих качеств, которые только и обеспечивают правильное мышление, как мышление хождения между пропастью и пропастью, это соединение рефлексии с мужеством и истинной любовью к истине, любовью значительно более сильной, чем любовь к собственному покою.

Отвращение к самообману – вот тот материал, на котором замешивается правильная мысль, отвращение, стыд самообмана, отношение к нему, как к стыду, как к позору, некий, я бы даже сказал спасительный страх самообмана. Отношение к самообману, как к пороку – вот, что в жизни необходимо для развития правильного внушения, если оставаться в рамках той системы, что мы рассматриваем.

А.П. Мишле

А можно предположить, что здесь, в этих различных стадиях развития на уровне действительного мышления, рефлексия тоже может быть наиболее развитой и предполагать не только отслеживать мыслительные действия, но и более конкретные такие моменты определения, как анализ ситуации, момент невозможности двигаться в этом самом пространстве мышления и преодоление этой ситуации, как необходимое условие для последующего движения, как проектирование последующего этапа деятельности, в которой уже это движение будет возможно. Такая конкретизация рефлексии на этом уровне мышления мне кажется обогатит саму возможность мышления, как работу с противоречием. Это как предложение.

Б.М. Бим-Бад

Конечно, все это следовало бы рассмотреть, но сейчас это мне трудно объяснить.

С.В. Гальперин

Я приведу пример, он связан с античным мирозерцанием. В частности ?????, один из настоящих скептиков доказывал как раз невозможное разрешение в этом противоречии. Любую вещь можно делить до бесконечности, в этом случае мы получим бесконечно большое число величин, которые должны занимать бесконечно большое пространство. В итоге мы получаем малую величину, складывая малые величины получим бесконечно малое пространство. Отсюда

противоречие: любая вещь занимает бесконечно малое и бесконечно большое пространство. Вывод: вещь эта не существует, тогда еще понятия рефлекса еще не было, оно появилось позже, в середине века. Обман чувств и все. Отсюда может быть и всякие разрушения. Я свободен в своих действиях.

Б.М. Бим-Бад

Я считаю, что это блестящий пример. Действительно здесь есть скачок между скептицизмом и истинным мышлением.

Правильное мышление – континуальное мышление. От "А" до "Б" пройден бесконечный путь. И искусство снять это противоречие между бесконечностью, которую нельзя пройти, и конечностью, которая все-таки пройдена при всем при том и характеризует собственное мышление, способное снимать противоречие. Или то, что раньше называли диалектикой. Диалектикой называли искусство спора, но искусство спора, перенесенное внутрь и прежде всего спора с самим собой, осознавшим и зафиксировавшим противоречие, казалось бы по сути дела исключаящим и дополняющим, вот это и есть характеристика правильного мышления, которое воспитать невероятно трудно потому, что оно зависит не только от правильности мышления. И вот главная моя мысль, а зависит ли от нравственных установок, от характера, от отношения человека к миру, способность мысли находится в многократно опосредственной зависимости от мироотношений человека, и становятся они могут только вместе, как яйцо и курица, или постоянно меняться местами, как курица и яйцо.

Но видите ли, мы все время с вами говорим о том, что нужно, а нет ли смысла посмотреть на эту ситуацию с другой стороны, и посмотреть на то, что ненужно. Мы все говорим о воспитании, о его проблемах, трудностях, задачах, реалиях, с которыми оно сталкивается, которые ему противодействуют, эти споры не утихают, как минимум, вот уже как три тысячи лет, напротив, разгораятся.

* * *

Сейчас мы подошли к юности.

И поскольку юность, по некоторым нашим предварительным подсчетам, может рассматриваться как третье рождение, как главное рождение человека, то мы сейчас приурочим к этому периоду проблему дурного воспитания. Но будем рассматривать ее в период второго рождения и применительно к первому рождению, совсем биологического появления на свет.

Если вы позволите, то мы вернемся к этой проблеме именно тогда, когда у нас в руках окажется наунапус, новорожденный и когда взаимоотношение матери с ним станет началом ее материнской трагедии через 20 лет. Вы же не можете вернуть того, что было 21 год назад. Но зато вы многое можете сделать сейчас. Поэтому мы и завели специальный курс, чтобы педагогический оптимизм распространить и на себя. Не забудьте, друзья, мы рассматриваем воспитателя и как воспитателя, и как воспитуемого, а в последствии он и самовоспитатель. Ради этого мы и затеяли наш курс, чтобы не было отчаяния, страха, удавок и прочих прелестей в мыслях наших слушателей.

* * *

Б.М. Бим-Бад

Итак, в прошлый раз мы приступили с вами к волнующей теме – теме юности, стали проводить исследования на тему: "Человек как воспитатель и воспитуемый". Причем у нас наметилась довольно сложная проблематика, среди которой вопрос о юношеском идеале, вопрос о мужестве, о воле, вострое о миро-воззрении занял подобающее ему выдающееся место.

Давайте продолжим этот поиск – поиск нетрадиционный, но достаточно важ-

ный, с нашей точки зрения, с точки зрения, хотя бы их постановки – этих проблем. Вот проблема юношеского идеала. Согласитесь ли вы с утверждением о том, что между юношеским идеалом и действительностью есть объективные, а подчас и парадоксальные противоречия? В чем они проявляются? В самых разных вещах.

Они могут сказываться в разочаровании и скепсисе. В других случаях – в таком дубовом догматизме, под флагом и маской слепой веры и фанатической преданности идеалам, т.е. тому, что кажется идеалом. Здесь мы невольно вгрызаемся в проблематику философскую, то, что с нами постоянно случается, в проблему принципиальной сущностной разницы между идеалом как мечтой и идеалом, воплощаемом в действительности. Если опираться на документы и факты, в частности, на дневники юных людей (а они очень склонны писать дневники и психологическая наука неоднократно обращалась к этому источнику. Напомню вам замечательное исследование юношеских дневников, произведенное Моисеем Михайловичем Рубинштейном). Так вот, если опираться на факты, то мы невольно приходим к обобщению, что юный человек не только судит мир, но судит его еще и с высоты своего формирующегося идеала, и еще потому, что этот идеал, как правило, чрезвычайно субъективен. Его соотносимость с действительностью, как правило, многократно опосредствованно, и поэтому расстояние между действительностью и идеалом слишком велико. Я думаю, что отсюда проистекает очень важная задача воспитания не как руководства, а воспитание как вспомоществование человеку в решении его реальных проблем, возникает задача вот такого воспитания в том, чтобы подвести юный ум к одной чрезвычайно важной идее, а именно к мысли, что его идеал, его представление о том, что правильно и неправильно и как должно все идти, что корни идеала, и его и вообще, лежат в самой действительности, что идеалы уже получили или начали получать в мире свое развитие. Он может найти какие-то реальные ростки того, что считает идеалом, его очень важно, мне думается, подвести к мысли, что в действительности, в жизни существует тенденция осуществления идеалов. Почему я считаю, что это так невероятно важно? Потому что это гуманно, но в каком смысле. Я хотел бы конкретизировать это слово. Потому, думается, что иначе происходят две вещи. Во-первых, разрыв между идеалом и действительностью может приводить к формированию отворачивания к действительности, к ее отрицанию, к ее одностороннему отрицанию. Вещь чрезвычайно часто встречающаяся в жизни. В какой-то степени через это проходят все, но одни проходят через это в каких-то разрушительных для себя формах, а другие, наоборот, созидательных.

Здесь просто надо разобраться, в каких случаях происходит одно и другое.

Во-вторых, слишком уж большой отрыв идеала от жизни, от конкретики, приводит к невозможности практического осуществления идеала, к разочарованию, к серьезной душевной катастрофе, к краху надежд. В высоких прекрасных устремлениях, как правило, есть результат неспособности юношества найти в действительности. Чтобы помочь юношеству в этом, необходимо прежде всего понять природу идеала – откуда он берется?

Е.Ю. Кириллова

Мне кажется, что должно быть связующее звено в виде какого-то человека, который бы воплощал этот идеал в реальной своей жизни, хотя бы отчасти.

А. П. Мишле

Надо его двигать и, наконец, довести до уровня, который не слишком далек от природы.

Б.М. Бим-Бад

Так что программа у нас вырисовывается. И кто знает, может быть эту программу можно сделать как реальную помощь молодому человеку?

Е.Ю. Кириллова

В тех случаях, когда находятся такие люди, которые между идеалом, заложен-

ным в литературе, в музыке, в картинах, и реальным человеком видят связь.

Б.М. Бим-Бад

Но здесь возникает другая сложнейшая проблема: а в ком именно увидит юноша свой реальный, представший перед ним во плоти идеал? Ведь очень часто он видит этот идеал в чем-то страшном, в чем-то разрушительном. Все знают, что не только подростки, но и юноши способны делать все, что прикажет многоопытный вор. Они могут увидеть свой идеал в заливчатски заломленной шапке, в умении сплевывать сквозь зубы на три метра.

Е.Ю. Кириллова

Да, об этом говорится в фильме "Трагедия в стиле рок". Там эти идеалы представлены очень здорово.

Б.М. Бим-Бад

В чем увидит юноша свой идеал, страшно важно. И это одна из колоссальнейших проблем воспитания и самовоспитания.

И образование, если угодно, потому что при прочих равных условиях хорошее, качественное философское образование может невероятно помочь и в решении объективного противоречия и преодоления его разрыва между действительностью и идеалом, и в поиске реального образа идеала. Особенно, если все это пронизано красотой. Здесь опять философия красоты, эстетика может сыграть позитивную воспитательную роль. Это очень важный момент.

Я хотел бы остановиться на необходимости оказания помощи юношеству. Это далеко не всегда осознается взрослыми людьми, в частности, теми, кто взваливает на свои плечи страшную ответственность быть воспитателями, не поручить что-то в интимном и сложнейшем механизме человеческой души.

У А. Платонова есть замечательные слова в рассказе о несчастной учительнице. Помните, ее отец был учителем, ее в 16 лет отвезли в педагогическое училище. И вот описывается выпускной вечер. Вышел к собравшимся девушкам заведующий Губанов и начал рассказывать нетерпеливым существам (здесь каждое слово бьет) о великом значении их терпеливой деятельности. Девушки слушали и улыбались, не ясно осознавая речь. В их годы человек шумит внутри. Поэтому он не может слышать всего, что ему говорят, его внутренний шум заглушает подчас шум мира. И внешний мир сильно искажается, потому что смотрят на него блестящими глазами.

Была у Марии и любовь, и жажда самоубийства. Эта горькая влага орошает каждую растущую жизнь. Но минуло все. И как странно, что никто, никогда не может в эти годы помочь молодому человеку одолеть мучающие его сомнения, никто не поддержит тонкого ствола, который колеблет землетрясение роста и колышет ветер разочарований. Когда-нибудь молодость не будет беззащитной. Но защитить молодость, наверное, огромное искусство, и в частности, оно заключается в том, чтобы помочь человеку самоопределиться в области его идеалов. Идеалы необходимы, они органичны юности, они естественны для нее, это ее привилегия. И в высшей степени желательно, чтобы способность генерировать его и еще больше – служить ему, чтобы эта способность сохранилась в человеческой душе до конца земных дней человека. Высокие идеалы действительно необходимы, но мы знаем, что в них кроются и серьезные опасности.

Искусство воспитания заключается в том, чтобы, во-первых, знать эти опасности, а уж потом, конечно, решать как их обходить, профилактически предотвращать или исправлять их разрушительное действие. Одна из этих опасностей, нами очень четко сформулирована, но я предлагаю остановиться на ней чуть подробнее. Она заключается в том, что юноша часто видит свой идеал в авторитете, в личности какого-нибудь человека взрослого или сверстника. Между тем, идеал вовсе не обязательно должен становиться основанием для того, чтобы сотворить себе кумира. Ведь невольно мысль каждого из нас, собравшихся здесь, как только речь зашла об этой опасности, мысль каждого из нас пришла о живом, реальном человеке, о человеке, как бы воплощающем в себе

тот или иной идеал.

Между тем, сама эта склонность юноши персонифицировать, персонализировать и хороша, и опасна до чрезвычайности, ибо эта склонность человека к обладанию этим кумиром, усиливает склонности, о которых предупреждал Ф.М. Достоевский, как о склонности страшной и ужасной. О склонности передавать своему кумиру бремя своей свободы, возлагать на плечи кумира труднейшую мучительную работу по самостоятельному действию в этом мире. Склонность, в конце концов, обливаясь слезами благодарности, ползти на коленях и целовать стопы ног того человека, который возьмет на себя бессовестно и смело заявить, что он лучше других знает, в чем людское счастье.

Идеализация любой личности, какой-то более общей точки зрения, по моему глубокому убеждению, вещь неправильная и ненужная. Человеку надобно любить человека, не идеализируя его, любить со всеми его недостатками. Но это приходит только в старости. И я вовсе не хочу юность делать старой. В этой знаменитой дихотомии: "О, если бы молодость знала? О, если бы старость могла", – я вовсе не желаю и не думаю, что вы тоже делаете старость инфантильной, а молодость чрезмерно старческой, но мудрость вполне может быть свойственна и молодости в какой-то степени, поскольку молодость всегда испытывает недостаток опыта. А мудрость дает силу уменьшить этот дефицит, поскольку вбирает в себя опыт десятков, сотен поколений.

Е.Ю. Кириллова

Но вы сказали об идеализации, а идеализация, хотя бы по Стендалю, – это закон любви. У него есть "Трактат о любви". Там есть признак этот.

Б.М. Бим-Бад

Хочу сказать, что это очень опасный признак. Я подчеркиваю, что все это естественно, органично.

Е.Ю. Кириллова

Мне представляется, что в молодости идеализация вдвойне опасна, потому что обретение или формирование чувств обязательно войдет в этот процесс, потому что тогда как раз обретаются эти чувства, формируются: это чувство обожания, любви, и вообще глубина любви формируется на протяжении всей жизни. Сначала мы что-то любим в чисто внешнем выражении: влюбляются в лицо, в глаза, затем сам этот процесс нарастает, углубляется, расширяется. Идеализация здесь настолько естественна, что, как говорится, без нее не обойтись никак, хотя это явление опасно именно чрезмерностью.

Б.М. Бим-Бад

Конечно. Что делать, если все прекрасное, становясь мертвым, становится опасным. Защитить юность, в частности, означает уберечь от чрезмерности. Я думаю, что чрезвычайно нежелательно, чтобы юность питала иллюзию об идеальном человеке, никогда не ошибающемся и совершенном во всех своих поступках. Это опасно потому, что это иллюзия и, как всякая иллюзия, ложна. Очень важно, чтобы юность приняла мир и научилась любить его таким, каков он есть. Не для того, чтобы жизнь стала болотом или совершенством, не для того, чтобы в ней не было места идеалам, а для того, чтобы понять совершенство – есть привилегия рода человеческого в целом, да и то далеко не во всех отношениях, не во всех случаях. Ни один человек сам по себе, по природе вещей, достичь совершенства не может и эта вещь абсолютно разрушительная и убийственная, когда какого бы то ни было человека представляют себе в качестве совершенства. То, что это свойственно юности, конечно так, но в этом и опасность. Вообще самое опасное, что есть в человеческом общежитии как раз, по преимуществу, подавляющее большинство людей и свойств. Тут никуда не денешься. Например, эгоизм и многое другое.

А.П. Мишле

Мне кажется, что мы могли бы углубить эту проблему, если бы увидели в этой идеализации неспособность видеть целое. С одной стороны это неспособность

видеть целое, как невоспитанность, проникновение в содержание личности, а не только увлечение каким-то внешним итогом; с другой стороны – это еще и отсутствие средств для того, чтобы разглядеть и наличие того, что можно разглядеть. И тогда, как говорится, в степи коза прекрасна. Так вот, к сожалению, это страшное движение, когда нет содержания рядом, которое должно породить образ прекрасного, когда нет этого содержания, то даже непрекрасное рано или поздно начинает задевать, поскольку у человека есть потребность определенная. Эти две проблемы в своем соединении страшны становятся, когда нет должной воспитанности умозрительной, эстетической.

Б.М. Бим-Бад

Я совершенно согласен с Александром Петровичем. Я думаю, что правильно развивающаяся юность начинается там и тогда (будем судить по автобиографической трилогии Толстого), когда юность видит свой идеал не в авторитете, а возвышается до понимания всеобщей закономерности, всеобщей необходимости, всеобщей возможности прекрасного и совершенного, ни от какой отдельной личности не зависящей, а зависящей только от всеобщих усилий человечества в целом.

И тогда только неизбежно и необходимо юный человек приходит к пониманию, что он останется бессильным мечтателем, если будет отрываться от реального мира и искать идеал решительным способом вне его. Или наоборот – соединять свой идеал с конкретной личностью конкретного человека. Я думаю, что приобрести эту возможность действовать на мир – это всеобщее, это всечеловечно. Я думаю, что приобрести эту возможность означает получить всестороннее образование по специальности. Тогда только человек получит способность действовать, способность к действительному труду по осуществлению каких бы то ни было полезных идеалов.

Ведь рано или поздно любому человеку, переживающему в молодости конфликт идеала и действительности, не остается ничего иного, как вписаться в эту действительность или погибнуть в борьбе с нею, подчас разрушая очень много ценного в ней. Разрушение же это неизбежно, поскольку он не видит в действительности ничего хорошего, ничего от идеала, и кончает жизнь самоубийством в знак протеста против неустроенности мира. Но и здесь можно вписаться в действительность, но не в том смысле, чтобы приспособиться, какой бы она ни была страшной, отвратительной, если все вокруг мерзостно, а исключительно только в том смысле, чтобы бережно сохранять, любить, беречь лучшее в жизни и приумножать, увеличивать количество добра, количество разума, красоты в мире и прежде всего, что немаловажно, в себе самом.

Е.Ю. Кириллова

Лучше всего приводить примеры из своего опыта. Я не помню, чтобы в моей юности были какие-то идеалы, были бы люди, которым бы я хотела подражать. Такого у меня не осталось в памяти, чтобы я хотела кому-то подражать обязательно. Но в зрелом возрасте я начала вычленять и ощущать, что через мою жизнь прошли люди, часть которых осталась во мне. Их немного – три-четыре личности, но четвертая в зрелом возрасте, а в юности – три личности. Я ощущаю по сегодняшний день в себе этих людей. Я не могу сказать, чтобы они были для меня идеалом. Один из них даже был алкоголиком, но он был талантливым режиссером.

Из зала

Но здесь идет и процесс социализации.

Б.М. Бим-Бад

Конечно, я думаю, что Наталья Павловна убедительно показала на своем собственном примере, что часто процесс социализации, процесс приспособления к миру очень сложный и приспособления мира к себе происходит бессознательно.

Е.Ю. Кириллова

Идет поиск нового, интуитивный какой-то. Это новое иногда входит через подсознание. Так что человек потом усваивает эту норму и может идти без идеализации вообще.

С.В. Гальперин

Норма вообще противостоит идеализации, норма противостоит идеалу.

Б.М. Бим-Бад

На самом деле это не простой вопрос. Мы поставили задачу невероятно сложную: в норме увидеть проявление идеала. Мне кажется, что это жизненно необходимо. Ведь любовь к жизни не инстинктивна в противовес общему мнению, широко распространенному. И научиться принимать жизнь, принимать мир, действовать в нем, не поступаясь идеалом, даже в том случае, когда он не осознан, когда он только складывается, когда представление о добре, о совершенстве, о выдающихся качествах, об образцах, к которым нужно стремиться, только складывается в юности и осознается значительно позже по мере накопления опыта, – все равно это совершенно необходимо.

А. П. Мишле

Я бы здесь ввел дихотомию, чтобы легче было потом двигаться. Здесь получаются два разных пути. Идеал, как ценность на уровне шедевров, как нечто в культуре эталонное, и идеал, как конкретный субъект, в котором появляется три разных движения – сохранение идеалов, потеря идеалов и выращивание идеалов. При необходимости их существования, поскольку вот это отношение к жизни, о котором вы говорили, требует наличия идеалов. А вот как с ними управляться? Это глубочайший процесс воспитанности должен быть, чтобы вот эти три компонента – выращивание, сохранение и потерю, можно было "проживать", не уничтожая ни сам идеал, ни себя.

Б.М. Бим-Бад

Прекрасно. В качестве гипотезы я и предлагаю рассмотреть критичность и самокритичность в качестве способа решить названную вами, Александр Петрович, проблему. Мне думается, что человек, начинающий движение к идеалу самого себя (а это почти единственный тип человека), который вносит в жизнь идеал, не разрушая того хорошего, что в жизни есть. Для того, чтобы он начал двигаться в этом направлении, он должен обладать способностью к самокритике, отслеживания своего движения к идеалу, как постоянной коррекции самокритики, как проявления замечательно важного требования к молодому человеку, а именно: снисходительность к другим и требовательность к себе, а не наоборот, ведь подавляющее большинство людей как раз страдает требовательностью к другим и снисходительностью к себе. Оправдывает свое поведение и не оправдывает поведение другого.

Мне кажется, что воспитание душевного здоровья в юности – это воспитание привычек и честной самокритичности. Здесь тоже все полутона, здесь тоже все обертоны. Здесь все – золотая середина. И все скольжение по острию ножа, потому что эта самокритичность не должна быть самобичеванием, не должна быть самоунижением, самоуничижением. Она должна сочетаться с душевным здоровьем, с самоуважением, с достоинством. И без этого всего, думается мне, человек не может быть судьей мира, судьей праведным, а ведь в юности он только тем и занимается, что судит мир.

Обратите внимание, наибольший удельный вес в разговорах юных людей или людей, сохранивших чуть-чуть инфантильность, юношеские черты в своем последующем развитии, наибольший удельный вес занимает обсуждение характера окружающих их людей. Вы заметили? На самом деле не только юный человек, но и зрелый непрерывно судит окружающих, этот процесс самоопределения, выработка отношения к ближайшему миру, а что такое ближайший мир – ближайшее окружение. Это процесс почти непрерывный. Так в этом суждении, приобретающем такую остроту в юности, человек становится на правильную и праведную почву только тогда, когда он научился, приобрел пра-

вильный опыт четкой, привычной, глубокой рефлексии. Почему? Потому, что мне гораздо легче понять, как трудно другому человеку избавиться от слабости и недостатков, гораздо легче поставить себя на его место, эмпатия, как необходимая предпосылка доброжелательности и вообще адекватному действию в мире в том случае, когда я накопил опыт самосовершенствования. В основе же последнего лежит самокритичность.

А. П. Мишле

Если бы самокритичность я принял как условие. В момент жизни любого существа, человечества в том числе масса пространств, которые есть в человеке, должны как-то удерживаться им. Они находятся в различных степенях несоответствия и в борьбе определенной.

И второй путь несоответствия между прошлым, настоящим и будущим. Эти два момента, которые связаны с сопряжением пространства во времени и соединением разнотипных и противоречащих пространств в едином времени является тем самым средством, способом движения, о котором вы говорите, которое позволяет использовать то самое условие, о котором было сказано.

Е.Ю. Кириллова

Человек вынужден оценивать, вот откуда появляется этот самоанализ, потому что это нечто несопоставимое, и человек все время упирается в это.

А. П. Мишле

Вы не так меня поняли, потому что эти переживания существования всех этих разных пространств, умение деятельно переживать, чтобы на выходе что-то оставалось уже в сознании и позволяет все это сделать как раз.

Б.М. Бим-Бад

Прекрасно. И значит помочь юности, не оставить ее беззащитной перед лицом такого противоречивого, такого мучительно сложного мира, беззащитной среди шума, идущего изнутри и дать этой юности культурный материал и дать возможность для становления такой выдающей способности, такой редкой, к сожалению, как способность к рефлексии. Беда только в том, что рефлексии зачастую понимают как самокопание, как самовлюбленное интеллигентское (такой ругательный термин используют) носительство со своей собственной персоной и, к сожалению, гораздо реже понимают рефлексии правильно, как способность отслеживать содержание и способы своих действий и результатов этих действий. Я еще забыл сказать о способе действия, что чрезвычайно важно.

А. П. Мишле

Еще и характер действия.

Б.М. Бим-Бад

Характер действия безусловно нужно добавить. С этой точки зрения элементарнейший, простой вопрос типа: "Почему я это сделал?" Быть может неожиданно для себя? Что лежит в основе моей симпатии и антипатии? Как я это сделал и нельзя ли это было сделать иначе? К чему привело мое действие с хорошей и плохой точки зрения? Простые вопросы. А как это делают другие? И почему они делают так, а не иначе. Эти простые вопросы на самом деле обладают колоссальной развивающей силой.

Е.Ю. Кириллова

Нормальное развитие так и идет, потому что все время делают ошибки: или он не тот тон взял, или он не то действие предпринял. Поэтому на это всегда наталкивается человек. Но если он развивается нормально, нормальный уровень интеллекта и вообще нормальный уровень развития, то он сам решит эти вопросы.

Б.М. Бим-Бад

Да. Но к великому нашему горю, способ решения этих вопросов, неизбежных, неотвратимых, как правило, приобретают форму некультивируемую. А именно – форму полусознательную и часто для человека необязательных попыток по-

нять самого себя в минуту душевной тревоги. Это оттого, что человеку не дали инструментарий, не дали опыта и способов рефлексий даже первого порядка, уж не говорю о рефлексиях, второго, третьего, энного порядка, требующих огромную философскую культуру и способности к теоретическому мышлению, обходящемуся практически без опыта.

Е.Ю. Кириллова

Но здесь играет роль и конкретная среда.

Б.М. Бим-Бад

Конечно. С этой точки зрения, философское образование в юности, собственно философское становится важнейшей задачей агогики как таковой. Царство юных. Это было бы идеально, если бы юность, молодость, сила, потенция юности, свежесть ее пришли бы в дружеское соприкосновение с мудростью. Пропуск в это царство истины во все возрасты один – творчество разума, это разум, решающий проблемы, стало быть, разум рефлектирующий.

А. П. Мишле

Этот тип рефлексии в различных культурных пространствах, носит особый характер. Часто многие хотят только говорить, а не слышать. Это один тип пространства.

Другой тип пространства – действие, где рефлексия совершенно другого типа, когда ты обращаешь это на себя и можешь поэлементно отследить это, без чьего-либо участия.

Наконец, пространство мышления, в которое через рефлексию можно попасть, где можно культурную часть отсоединить от коммуникативных смыслов. Такую рабочую схему нам часто дают. Интуитивно ее схватить чрезвычайно сложно.

Б.М. Бим-Бад

П.П. Блонский был абсолютно прав, говоря, что философские драмы – опасность самостоятельного раздумья, опасность, о которой предупреждал Достоевский. А знаете, до чего может додуматься человек только наедине с собой! И дает нам Раскольников в качестве образца. Эти опасные философские драмы начинаются от самоанализа, от чрезмерного, сконцентрированного эгоцентризма, сосредоточенности на самом себе и попытки начинать строить мир с самого себя, как с точки отсчета.

Из зала

Если Александр Петрович говорил о верхних уровнях рефлексии, то я хотел напомнить вам определение Шардена: "Рефлексия – это то, что отличает человека от животного". Дело в том, что животное не знает, а человек знает, что он не знает. В любом случае рефлексия присутствует в человеке, но она не развита. Высокая культура рефлексии – это то, о чем мы сейчас говорим.

Б.М. Бим-Бад

Несомненно. Поэтому проблема соединить культуру высокую, философскую культуру с юношеской неизбежной рефлексией, неизбежным самоанализом, неизбежным в конце концов эгоцентризмом, чтобы его преодолеть, и значит дать полезное, философское и психологическое заодно образование юности. И таким образом, полноценное психолого-философское образование становится конкретным способом помощи юношеству в решении мучительнейших жизненных проблем. Ведь с какой-то точки зрения человек всегда занимается философией, хотим мы этого или нет. Другой вопрос плохой или хорошей. Но мы не найдем ни одного человека, у которого не было бы своей житейской философии и который не носил с собою огромный вагон и несколько тележек афоризмов житейской мудрости. И неважно заполнены ли эти емкости поговорками и пословицами, так сказать, народными моделями мира, или цитатами из Теренция или Вольтера или заполнены ли они, наконец, своими собственными представлениями о том, что есть хорошо, что есть плохо для меня и для окружающих, но они есть всегда.

Е.Ю. Кириллова

"Когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли!"

Б.М. Бим-Бад

"Когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли". Да. Замечательные строки и замечательная песня.

Мы с вами вплотную подошли к казало бы парадоксальному ответу на вопрос, что значит сделать юность не беззащитной. У нас что получается? Вооружить ее культурой адекватного мышления. А здесь пропасти на каждом шагу.

Е.Ю. Кириллова

Нужно, видимо, решить проблему этого периода в том плане, поскольку настоящая потребность вписаться и тут понять философию мира и себя в этом мире – настоящая необходимость, – видимо, нужно эту необходимость решить, чтобы защититься.

Б.М. Бим-Бад

Конечно. Но это ведь значит вооружить мудростью, о которой говорил когда-то Гегель. "Только дураки, – уверял он нас, – учатся на собственных ошибках. Умные люди учатся на ошибках других людей". То есть вооружить мудростью к инструментальному творческому мышлению значит вооружить опытом поколений. И обыкновенное честное приглядывание к действительности заставляет признать, что чем в большей степени вооружен молодой человек еще и знанием истории, и чем в большей степени он способен извлекать уроки из человеческой истории, тем в большей мере он готов справиться с проблемами юности вообще. Посмотрите, как много думали об истории человечества молодые Герцен и Огарев. Сколько раздумий о пути человечества было у юного Кергифора.

Е.Ю. Кириллова

А вот замечательное сочинение Ю. Тынянова: всего лишь одна страничка, а сколько там философии!

Б.М. Бим-Бад

Юрий Тынянов, да и тот же Гегель, в ранней молодости, в 17–18 лет написавший столько ослепительно ярких страниц! Так хорошо он уже никогда в будущем не писал – как раз о смысле человеческой истории.

Друзья мои, обратили ли вы внимание еще и на то, что молодой человек, не желающий учиться или очень плохо учащийся, часто живет в мире фантазии. Я не обобщаю, не говорю, что всякий неспособный ученик, молодой человек способен только к тому, что он постоянно фантазирует. Я беру какую-то часть. Но в той или иной степени все они очень оторваны от действительности. Знаете почему? Потому что его уже успели научить бояться пробовать, бояться экспериментировать, а потребность в эксперименте все равно живет в человеке. Что такое мир фантазии молодого человека? Это попытка создать в воображении ситуацию его волнующую, и посмотреть на свое поведение в этой ситуации, а также на поведение других людей. Это и есть то, что называется умственным экспериментом.

Обратите внимание: хорошо продвигающийся в науках и искусстве юноша, как правило, экспериментатор. Он не боится писать стихи, пробовать решать и ставить свои математические задачи, по своему доказывать теоремы. Он не боится боли, которую несет в себе творчество, мук творчества. Это экспериментаторство в широком смысле этого слова.

С другой стороны, для отстающего от него юноши, т.е. для запуганного и страдающего, как правило, от чувства неполноценности, для него не решенная практическая, теоретическая, но конкретная живая задача, – это не вызов и не способность проявить свои возможности, а угроза унижения. Как мне сказал один молодой человек, который, вероятно, покончил с собой, он утонул при в высшей степени подозрительных обстоятельствах, заставляющих все-таки думать о самоубийстве родных и всех, кто был с ним связан. Он сказал мне: "Вот видите, еще одно фиаско", – имея в виду еще одну свою, как ему показалось, потерю, еще одно свое поражение в попытках решить какую-то философскую

проблему. То, что я спорил с ним, разубедил его в чем-то, он воспринял не как возможность продвинуться, а как еще одно доказательство своей полной неспособности продвигаться.

Е.Ю. Кириллова

Низкая самооценка очень.

Б.М. Бим-Бад

Заниженная совершенно самооценка, заставляющая во всем, с чем он сталкивался в жизни, видеть лишь новое дополнительное доказательство своей несостоятельности, своего фиаско. И поскольку я очень хорошо знал этого юношу, я был единственным человеком, с которым он как будто бы простился, уходя из жизни, я могу даже, как мне кажется, проследить каким образом в нем складывалась эта запуганность, как складывалась пустая мечтательность, заменяющая действительность, как формировался страх перед жизнью (а я познакомился с ним, когда он был уже совершенно сформировавшимся юношей), страх перед напряжением, перед попыткой.

Я надеюсь, вы не сердитесь, что я упоминаю о трудных, трагических фактах действительности. Теоретизировать легко, а сталкиваться с мучительной жизнью больно. Но ведь мы-то с вами каким-то образом вооружены профилактическими способами не то, чтобы утешать эту боль, но побеждать ее.

А. П. Мишле

О способах преодоления этой боли. Когда формируемое есть один идеал, это один тип движения и переживания этого идеала. Когда же этих идеалов не один, а какой-то комплекс, какая-то группа, то совершенно другое отношение. В случае фиаско с каким-то идеалом, существуют еще несколько, с которыми есть возможность быть и пережить потерю, связанную с первым.

Б.М. Бим-Бад

Прекрасно. Мы просто лишний раз убеждаемся, в том, что воспитание мужества очень сложно. Почему люди часто мирятся с возмущающими их безобразиями? Проходят мимо, отмалчиваются, считают, что их дело сторона? В случаях, когда это связано с необходимостью защиты, речь идет о вкоренившейся, вжившейся трусости. Хотя, честно говоря, и противоположная крайность, безрассудство тоже нежелательно. Есть еще и просто равнодушие, но я ограничил задачу – мириться с безобразием, которое их возмущает.

А. П. Мишле

Но это возмущение связано, как мне показалось, с отсутствием интереса к тем, по отношению к которым нечто допускается отрицательное при наличии интереса не биологического уровня самого с собой эгоцентризма, а распространяющегося хотя бы на собственных детей и дальше. Это может быть деятельностная, классовая, надклассовая, космическая, биогенная... Если это не создается, если этого нет, то остается вопрос только о воле и долге, но не как нравственное, а моральное качество, но гораздо слабее, если не опираться на то, о чем вы сказали. Это наличие неравнодушия. Возможно, его страдание – это мое страдание.

Воспитание трудностями и через трудности, или иначе говоря, сопереживание реальным трудностям молодым человеком и попытки их преодолеть и есть, быть может, один из мощных рычагов вспомоществования и юношеству в целом и становлению мужества сознания. Во всяком случае сопереживание. Оно могущественно, но само по себе оно не всегда отождествляет ответственность, ведь ответственность и мужество близки и взаимосвязаны. Мы опять возвращаемся к самоанализу, самокорректности. Даже и в этом случае мы видим, что ответственность и мужество – вещи взаимосвязанные. И здесь же лежит глубокое уважение к людям.

Триада: мужество – ответственность – уважение к трудностям и проблемам людей. Уважение к себе и уважение к другим. Конечно, очевидно, что мужество питает достоинство. Но очень тонка эта грань. Вместе с тем она железная. Это

некая стена между самомнением и чувством собственного достоинства. Ведь на самом деле человек любой, тем более юный, не имеющий большого жизненного опыта, не знает границ своих возможностей, не знает их и человечество в целом. Способность быть сильнее обстоятельств – вещь тоже опасная. Здесь опять проблема граней, тонких переходов. Она часто оборачивается и горем, а в других случаях – высокой победой. От чего это зависит? И то, от чего это зависит, по-моему, желательнее сделать главным объектом рефлексии. Оно зависит от не придуманных, а действительных целей человека, оно служит цели человека. Помните, мы говорили о них, как о компонентах, составных частях рая. О целях человека, как достижимых им блаженств и совершенств. Но как только мы прикасаемся к проблеме цели, мы немедленно вступаем в область средств, избираемых для достижения цели, ибо очевидно, что каждое средство в той или иной мере несколько видоизменяет, а то и полностью искажает цель.

Е.Ю. Кириллова

Может быть следует говорить еще и о мотивах потому, что цели не всегда осознаются, а мотивы, как правило, сознаются. Мне кажется, что человек всегда более или менее осознает мотивы, потому что происходит всегда борьба мотивов. И он приходит к какому-то мотиву, сознательно перебирая, сталкивая и обязательно их переживая. Только в этом случае он в них проникается, а цель, как долгий, деятельный отрезок времени, это вот еще нужно поискать – есть ли она.

Б.М. Бим-Бад

Да, конечно, проблема эта невероятно сложна. Я знаю только одно, что как только человек старается осознать свои цели, а не только мотивы или осознать мотивы (давайте признаем, что разные школы психологии могут по-разному относиться к их последовательности, но все сталкиваются с этой проблемой), попытки эти часто очень болезненны и здесь бездна трудностей. Я знаю как минимум один случай, когда настропаленный мною на поиск своей истинной цели человек пришел к настолько нежелательному выводу, как мне казалось и кажется, для его собственного личностного развития и для окружающих, что я проклял ту минуту, когда я пришел к мысли нацеливать его на поиск цели. Я впрочем дал ему некий инструмент как это сделать. И благодаря этому инструменту (он сделал это честно по-моему до конца), инструмент я дал очень простой: понаблюдать за тем, что из намерений и планов осуществляется непременно, во что бы то ни стало, а что невольно откладывается на более поздний период. Например, живет в человеке желание научиться иностранному языку или музыке, но ни капельки не хватает времени. Я предложил обратиться к тем поступкам собственным, на которые бесспорно хватает времени и предложил объявить их средствами достижения истинных целей, а те, на которые не хватает – не истинно, не сверхприоритет.

Е.Ю. Кириллова

Я вспомнила, Толстой говорил, когда к нему обратился один человек, который хотел выяснить, писать ему или не писать. Толстой ему ответил: "Если можете не писать, не пишите".

Б.М. Бим-Бад

В какой-то мере сказанное относится и к поведению человеческой памяти. Обратите внимание: человек не забывает сделать то, что ему сущностно важно. Например, если я всегда забываю покупать гуталин для обуви и никогда не забываю покупать зубную пасту, то совершенно очевидно, что для меня хорошо почищенные зубы важнее, чем почищенная обувь.

И когда я предложил этому несчастному провести эти эксперименты, а он воспринял это очень серьезно, поскольку мы мотивировали это как-то глубоко, то он, страдалец, пришел к выводу, что его цели глубоко прагматичны, приземленные, жалкие, мещанские, а все остальное ему не свойственно, он вообще перестал стремиться к чему-то хорошему, возвышенному, а стал жить в соответ-

ствии с обнаруженными им истинными целями.

Е.Ю. Кириллова

Он, наверное, просто стал жить обыкновенно.

Б.М. Бим-Бад

Хуже. Он осознал свою цель как борьбу за квартиру, мебель, хороший заработок. Это было последствие моего ужасного воздействия, влияния. Он решил, что раз они – его сущностные цели, то все остальные его замыслы, помыслы, надежды и предположения надо отбросить как не истинные.

А. П. Мишле

Сейчас возникает очень серьезная проблема: мотивы связаны со сложностями нашего внутреннего мира. Мы даже не можем выйти в пространство внешних действий из-за того, что с этими мотивами не способны бороться. Мы эти мотивы воспринимаем как идеал и стараемся это сохранять. Мы становимся устойчивее.

Б.М. Бим-Бад

Возникает проблема душевного богатства. Мужество от богатства совсем не то, что мужество от опустошенности, мужество от бессмысленности. Вспомните Писемского "Тысяча душ". Его герой, он спасает людей на пожаре, он бесспорно мужественный. Но что руководило им? Мы знаем из истории его душевной жизни, что он бросался в огонь от отвращения к себе, от брезгливости к себе, от презрения к собственному предательству. Мужественный наемник, вообще агрессор и вояка. Он мужествен от опустошенности, от бессмысленности жизни. Он мужествен от отчаяния. Это мужество от нищеты идеалов, от нищеты духовной жизни.

А. П. Мишле

Это мужество для того, чтобы вообще существовать бездуховно.

Б.М. Бим-Бад

Вот именно.

Е.Ю. Кириллова

Можно ли это называть мужеством?

Б.М. Бим-Бад

Иногда, наверное, нельзя. Но все-таки смелость.

Е.Ю. Кириллова

Может быть в этом есть само отчаяние.

Н.П. Дмитракова

Может быть бравада?

Е.Ю. Кириллова

Нет, это не бравада. Это просто воля отчаяния.

А. П. Мишле

Нет, мы только что с вами обсуждали эту ситуацию, когда один мощнейший комплекс ценностей исчез, а второй еще не появился. Я все потерял, у меня ничего нет. Мне нужно выжить. И вот в этот момент, если я все это осознаю, это твердо мужество, потому что мне нужно куда-то уйти, в следующее пространство ценностей.

Е.Ю. Кириллова

Нужно определить в какой степени это мужество.

А. П. Мишле

Вот я показал, в каком случае это мужество. А, когда у него ничего не было и ничего нет, а он живет и существует, я не знаю как это назвать.

Б.М. Бим-Бад

Давайте назовем это мужеством, не отсутствием страха. Потому что отсутствие страха – вещь сама по себе мало желательная, ибо страх и боль помогают человеку правильно ориентироваться в трудной ситуации. Они биологически ценны и важны. А полное отсутствие страха – это вообще патология, это болезнь. Назовем мужеством способность преодолевать страх, а это в огромной степени

способность к самоопределению.

Е.Ю. Кириллова

Во имя какой-то цели.

Б.М. Бим-Бад

Вот именно. Степень осознанности цели – вот что здесь важно. И характер, содержание самой цели.

Если говорить о желательном воспитании к мужеству, то может быть говорить о воспитании к мужеству великодушия.

Если говорить о смелости и силе, то говорить о воспитании смелости, мужества и силы тактично, не обремененной ни самоуверенностью, ни разрушающим жизнь презрением. Недаром многими религиями отчаяние считается грехом. Впасть в грех отчаяния. Чтобы жить надобно мужество.

Е.Ю. Кириллова

Потеря мужества, поэтому грех.

Б.М. Бим-Бад

Ну конечно, несомненно. Но и другая грань есть. Вера в победу должна быть очень жестко отграничена от фанатизма, настойчивость и добрая воля – от слепого, тупого упрямства. Мы опять с вами сталкиваемся с необходимостью золотых средин.

А. П. Мишле

Здесь есть один момент. Если мужество связано с преодолением страха, то может быть мы расширим это понятие мужества. Мужество может быть связано просто с тем, что я борюсь за свои ценности, я преодолеваю преграды в борьбе за сохранение ценностей, или наоборот, за сохранение своей собственной жизни при уничтожении моих ценностей. Когда я их естественно вынужден потерять, я ошибался, ценности оказались ложными, а жить нечем, и мужество надо, чтобы выжить. А это не только страх. Тут как раз легко и не бояться умереть. И антипод его – я могу умереть, а чтобы выжить, нужно мужество. Это просто один из поворотов того, что вы сказали. Не обязательно страх.

Но преодоление боли тоже нуждается в мужестве. Наверное, любое преодоление – неприятное, тяжелое, что условно называется адом, требует мужества, мужества от богатства, от великодушия, от душевной красоты, от ценностей и целей. Все решают цели и средства, на реализацию которых обращены мужество и терпение. Герои, подвижники, которые всем жертвуют ради идеи, бывают очень опасны, опасны для себя и человечества.

С места

Это когда они фанатики, когда человек сам погибает за идею. Но вообще-то без них невозможно, на них свет стоит.

Б.М. Бим-Бад

Я даже склонен обсуждать мужество совести и даже мужество фанатики. Понятие есть результат процесса понимания сути дела.

А. П. Мишле

Понятие является средством осознания ценности. А совесть – момент нравственности, момент отношения себя к другим, к делу, к людям.

Б.М. Бим-Бад

Да, несомненно, хотя совесть близка к боли, она порождает боль. Помните у Пушкина: "заимодатель грубый", "непрошенный гость", "когтистый зверь". Поскольку мы договорились, что для преодоления боли тоже нужно мужество, мы имеем право говорить о мужестве, о мужестве не вытеснять из себя эту боль, не отбрасывать ее, а изживать так, чтобы исчез источник этой боли.

Надо, наконец, иметь мужество в частности, чтобы быть первооткрывателем. У Ницше есть удивительно точное высказывание: "Он имеет свою дорогу и, конечно, платит за нее своею горечью и своими неприятностями". Но кто идет по своей собственной дороге, не встретит на ней никого. Это особенность всех собственных дорог. Мужество преодолевать одиночество и сомнения перво-

открывателя, очень желательно дать представление в юности об этом. Но наряду с содержанием образования, которое призвано, по нашему мнению, помочь молодости преодолеть мучающие ее сомнения, наряду с философией, психологией, как мне кажется, должно включать в себя и религию.

Огромная роль, развивающая, обогащающая духовную жизнь человека, принадлежит правильно понятому изучению религии. Во-первых, может быть не по значению, по ближайшему пласту изучение религии означает привлечение колоссальных пластов общечеловеческой мудрости, пластов, которые становятся содержанием вырабатываемой самостоятельно философии истории. И это дает молодому человеку ничем иным невосполнимый материал по изучению самого себя. С точки зрения прежде всего вот этой высокой тоски по бесконечному, с точки зрения так свойственного юности страха перед смертью и стремлению к ней, с точки зрения надежды на вечность. Как прекрасно сформулировал это, по-моему, Омар Хайям: "Ад – лишь только отблеск наших тщетных вздохов. Рай – лишь только частица нашей жаркой надежды".

Вступающий в жизнь человек Наверное должен понять опасности и пропасти, тающиеся на пути слепой веры. Но он не станет полноценным человеком, если глубоко не обдумает идею не только греха, но и искупления. И вообще, идея спасения, несомая большинством религий, по моему глубокому убеждению, является необходимым, а если хотите, – краеугольным камнем выработки ценности, цели, средств их достижения – всего того, без чего немислимо мужество.

А. П. Мишле

Очень хорошо это подтверждает фейхтвангеровская "Иудейская война", где через сохранение школы люди сумели вывести свою нацию, спасли ее от порабощения.

Б.М. Бим-Бад

С определенной педагогической точки зрения встреча юного человека с Богом, с идеей Бога может быть рассмотрена как встреча с самим собой. И таким образом, религиозное образование и воспитание становится средством рефлексии.

Я думаю, что здесь важно пройти весь путь религиозного развития человечества, познакомиться с первобытными религиями и с типами фетишизма, обожевления стихий, планет. Познакомиться с различными космогониями, этико-героическими преданиями, аллегорическими религиями воображения и, наконец, философией религии.

А. П. Мишле

У меня такое впечатление, что встреча с Богом, как с самим собой, требует углубления, остановки на месте, углубленной мысли. Это большой кусок темы.

Б.М. Бим-Бад

Видите ли, друзья мои, с определенной точки зрения юность есть момент встречи человека с миром, а стало быть, и с самим собой. Но встреча с миром бесконечно обедняет, если в этом мире нет места идее Бога. С материалистической точки зрения, для которой религия предстает как перевернутая антропология, для которой человек творит Бога по своему образу и подобию, ознакомление с религией – это тоже встреча человека с самим собой, только в зеркальном изображении. Тогда богословие, как наука о Боге, как изучение Бога становится просто формой человековедения. Но с религиозной точки зрения, постижение Бога есть тоже антропология, во всяком случае в некоторых понятиях, для которых все, что есть на земле, в частности, общественное, гражданское, в частной жизни есть ни что иное, как эманация Бога. И еще одно. Бог понимает самого себя только тогда, когда он не чуждается присущего самого себя, овеществляет, опредмечивает, тогда все, что есть мир, есть божественно и священо. И вот тогда, изучая мир, мы изучаем Бога.

А. П. Мишле

Конкретный пример, интересная мысль. Ванга говорит, что ее антропологиче-

ское отношение к Богу есть определенное выражение – яркое, светлое, шарообразное, так Бог выглядит, ничего человеческого в Боге нет.

Е.Ю. Кириллова

Гегелевское толкование, видимо, совместимо с тем, что, если человек видит проявление чего-то высшего или в себе, или в других, или в обществе, то вот это он называет божественным, какого-то высшего начала. В этом плане гегелевское толкование? Да?

Б.М. Бим-Бад

Если это вас интересует, мне кажется, что об этом все равно нужно сказать, поскольку в последующих наших курсах мы специально будем заниматься в ряду с философией воспитания и гегелевской философией воспитания, так может быть уместно здесь для пропедевтики некой об этом сообщить. Гегель еще молодым задумал невероятно дерзкое исследование – исследование психологии Бога. Ему захотелось до конца понять Бога, как Бога, ему захотелось понять каким образом и почему в мире существует зло, как возможна теудица(?). Он выдвинул одну из оригинальнейших концепций, гипотез из истории человеческой мысли. Он предположил и потом до конца очень последовательно исследовал леммы, теоремы и следствия, вытекающие из этой посылки. Он предположил, что самым сильным стремлением Бога является желание понять самого себя, но ему не дано понять самого себя сразу. Он столь безграничен, что, это в принципе невозможно. И поэтому в качестве первой попытки понять себя он создал материю. Бог отчуждает от себя свои качества, а потом смотрит в них как в зеркало для того, чтобы себя понять. Но выяснилось, что в грубой материи овеществлены, опредмечены только немногие его свойства. Он не мог поверить, что в этом зеркале он весь. Поэтому он создал жизнь. Здесь чуть больше приблизился к пониманию своей сущности, но оно было (это понимание) невозможно, пока по прошествии определенного времени он не создал человека. Всю историю творения Гегель рассматривает как ступени возвышения самопонимания Бога. Но, конечно, все мы знаем на чем Гегель споткнулся. В гениальном своем исследовании он пришел к выводу, что Господь Бог, наконец, все окончательно до конца понял и создал Гегеля. То есть в его лице божество получило полное самопонимание, и поэтому человеческая история закончилась. Она закончилась на Гегеле. Больше Богу делать нечего, история может кончаться.

Е.Ю. Кириллова

Об этом очень интересна в этой связи мысль Циолковского, но только уже не от Бога танцующего, а танцующего от материи. Он сказал, что материя создала человека для познания самое себя.

Б.М. Бим-Бад

Понятно. То есть если встать на точку зрения Фейербаха, утверждавшего, что любая религия есть антропология, то совершенно очевидно, что эти точки зрения сближаются – гегелевская и точка зрения Циолковского. Там у него другие контексты.

Е.Ю. Кириллова

Он божество заменил материей.

А. П. Мишле

Я хочу вас вернуть к Николаю Кузанскому. Он считает, что Бог создал человека по своему образу, или образ Бога – это человеческий разум.

Б.М. Бим-Бад

Для нас важно одно: что очень большие пласты культуры, очень много тонких, глубоких мыслей, мучительных раздумий, опыт решения сложнейших проблем содержится в истории религиозной мысли, которая, мне кажется, должна обязательно стать важнейшим компонентом формирования юношеского сознания. Предлагаю на сегодня прервать дозволенные речи.

* * *

Б.М. Бим-Бад

Поскольку ближайший ко взрослости период человеческой жизни это юность и поскольку в юности мировосприятие, умонастроение, отношение к важнейшему явлению факта жизни, система ценности претерпевают подчас серьезные изменения. Она или укореняется вся эта система или может существенно перестраиваться, то к этому возрастному периоду я предлагаю отнестись с не меньшим вниманием, чем к эпохе расцвета, чем к периоду зрелости.

Юность как предзрелость, юность, таящая в себе массу особенностей человека взрослого, человека старого, человека умирающего.

Если верить Коменскому, то вся жизнь – школа, а школа юности одна из важнейших. Мы идем с конца: от момента умирания. Если вы не возражаете, то я бы перешел сегодня к вопросу о школе юности.

Вот небольшой список самых мучительных проблем, который можно набросать, как только наши взоры обращаются прежде всего к юности.

1. Выбор.
2. Выбор себя.
3. Самосотворение.
4. Выбор пути.
5. Выбор жизненного кредо.
6. Очень обостренная самооценка.
7. Проблема поэзии и правды.
8. Любовь, дружба, мечтание, разочарование, душевные катастрофы.
9. Проблема времени.
10. Смысл жизни.

Сознайтесь, ведь ни у кого проблема жизни так не остра, как у подростков и у юношей. Она всегда сохраняется, но никогда не приобретает такого мучительно напряженного характера. И понятно почему. Никогда человеку не приходится выбирать самого себя. Сюда входит и проблематика, связанная с профессией, с призванием, с мастерством, самообразованием. Воспитание чувств и вообще проблема взаимодействия молодости и мира, роль молодости в мировой истории и роль мира в целом в молодости.

Вот минимальный круг вопросов, который заставляет мучаться, размышляя о юности. Проблема защищенности, незащищенности, ведь душевная катастрофа в юности самое разрушительное понятие. Они приближаются иногда к душевным катастрофам в старости.

Е.Ю. Кириллова

Да потому, что очень сильны эти чувства, но в старости ослабляются.

Б.М. Бим-Бад

В старости тоже достигают такой же степени накала, как и в молодости, сужу по объективному факту: наибольшее количество самоубийц – это старые люди и люди молодые.

Н.П. Дмитракова

У старости это потому, что у них есть чувство ненужности жизни, а в молодости это больше окрашивается взаимоотношениями с противоположным полом, взаимная и невзаимная любовь.

Б.М. Бим-Бад

Вот передо мной дневник юноши, я его назвал условно: "Рожденье третье". Вообще, человеку приходится рождаться постоянно, как бы не первый раз, все время заново рождаться. Но вот если брать крупные рождения, когда количество переходит в качество, это рождение физическое, – рождение матерью; второе рождение, наверное, самосознание, это где-то усредненное, и третьем рождением, мне кажется можно назвать юность. Невообразимое многообразие мира гнетет юного человека, ему нужна ясность, какая-то просветленная модель, упорядоченное понимание жизни, понятно почему, ведь ему предстоит найти в ней место. Кроме того, ему хочется на эту жизнь влиять.

Сил много, их надо проявить как-то, а вообще неплохо было бы найти и смысл вот этого человеческого существования и своего, стало быть и здесь тоже смутная тоска, тоска по осмысленности жизни, она почти обязательна для каждого вступающего в самостоятельную жизнь.

Вот пример, "Песня афганцев", она том, что будет на Родине:

А когда вернусь с Афгана,
Жизнь прекрасную начну,
Позабуду все страданья
Смысл жизни я пойму.

Представляете себе, о чем мечтает человек, когда он в экстремальных условиях надеется на свободу и на достижение своих затаенных глубоких желаний.

Е.Ю. Кириллова

Он там орудие в чужих руках.

Б.М. Бим-Бад

Это свидетель смерти. Зачем жил его друг и погиб в мучениях или стал калеккой, зачем, каков смысл всего этого? Все это резко обостряется. А в той или иной степени, это присуще каждому. Кроме того, юный человек судит мир. И от характера его приговора зависит, во-первых, судьба этого человека почти целиком, а в некоторых случаях судьбы мира, хотя бы отчасти. Вот каково значение юношеского суда.

Е.Ю. Кириллова

Румыния – это не показатель.

Б.М. Бим-Бад

А в Румынии революцию сделало юношество. Что свойственно юношам? Кому негодующая суровость, убийственный цинизм, священный гнев, а кому и принципиальное легкомыслие.

Возвышенная любовь, благоговение перед прекрасным абсолютное нежелание утруждать себя в чем-то бы ни было, в частности, и распутство. Но каким бы ни был результат этой кипящей работы юной души, отстаивающей свое суждение о мире, свой приговор и найденное решение – это результат, пожалуй, самый важный. Это начало рождения еще одного человека. Я думаю, что это очень важно. Как жить? Когда умирают? Юности жизни не жалко. Или жалко совсем не потому и не так, как человеку пожилому, полностью зрелому. А вот единственный самый трудный вопрос: как жить? И все остальные ему подчиняются. На что ты способен? И как именно откликнется та часть мира, в которой живет юноша, на его призыв и вызов зависит очень многое в его будущем. Здесь роль воспитания чрезвычайно велика. Почувствует ли мир, поймет ли, поверит, момент многорешающий. И вот здесь простор для умной, тонкой, мужественной, волевой и нравственной педагогики.

Воспитание в детстве много значит. Воспитание в юности означает все. Потому что, каковы бы ни были проявления апперцепции, как бы сильно не зависела судьба человека от первых впечатлений, все же юность – период, обладающий мощной способностью к трансформации, к переконструированию этого. Это качественная его специфика. И это избавляет нас от фатального отношения к первоначальному воспитанию. Хотя и приуменьшать это значение нельзя, далеко не всегда юность меняет сущность человека.

Далеко еще не ясно, может ли она изменить его сущность на самом деле? Обретение сущности дает ли, укрепляет ли или ослабит ли целиком? И обретет ли? Это и так бывает. Хотя, если не обретет ответа на вопрос – в чем смысл жизни, как жить и на что ты способен, то тогда останется заложенное в раннем детстве.

Я говорю это исключительно для того, чтобы мы, во-первых, не преуменьшали роли первого рождения, а второго рождения в жизни и в судьбе человека не преувеличивали, ведь здесь опять опасны две крайности – фатализм, каков ребенок родился, таким он и будет, что в него заложено в детстве, таким он и

останется. Это неправда, и равно опасен нигилизм, легкомысленное отношение к первоначальному впечатлению, они по-прежнему, страшно опасны, все особенности юности не отменяют пропасти и кошмары первоначального детства, если говорить об ошибках и пороках воспитания в раннем детстве, то при каких-то обстоятельствах многое можно поправить, многое изменить к худшему, но далеко не все, это довольно сложно. Давайте и в нашем подходе соблюдать тоже золотую середину, постоянно помня об опасностях крайностей.

Понятие меры центральное, несомненно. В раннем детстве, растущий человек получает или не получает заряд любви ко всему миру, – полю, камню, дереву и к другим людям, потому что в детстве, напряженность и яркость ощущений, близость слез, безмерность радости, обостренность боли, насыщенность эмоциональной жизни. В юности все это убывает, тускнеет, ослабевает, и все же физиологи уверяют – нервы с ходом времени, как бы приобретают проводя, т.е. изоляцию, вот эта оголенность нервов в прямом и переносном смысле уходит в прошлое. Человек уже далеко не полностью живет сплошным нервным комком.

Е.Ю. Кириллова

Но еще ранимы существенно.

Б.М. Бим-Бад

Ну, конечно, бесспорно. Помните у Есенина про детство?

А теперь вот когда простыла

Этих дней кипятковая вязь...

"Кипятковая вязь", "свежесть и буйство чувств", – тоже у Есенина:

Где моя утраченная свежесть,

Буйство глаз и половодье чувств...

Значит, какая-то часть эмоциональной жизни уходит и восполняется инстинктуально. Юности существенно более осознана, чем детство, это же несомненно, но в отличие от взрослости, и старости в юности нет утраты жизненных сил.

Перестановка инструментов во взаимодействии с миром есть, а утраты жизненных сил нету.

Е.Ю. Кириллова

Вот здесь противоречие: когда сил много и когда идет нарастание и невозможность их приложить эти силы и некуда их деть.

Б.М. Бим-Бад

Некуда их деть и поэтому педагогика юности, это, по преимуществу, педагогика дел, как приложение вот этих буйствующих сил, нарастающих сил, постоянно интеллектуализирующих сил, сил лишаящихся такой степени подсознательности, эмоциональной непосредственности, нервной оголенности. Педагогика дел, действия, труда, души и тела.

Посмотрите, как Пушкин душевно и четко обрисовал душевный облик и его компоненты только что погибшего Ленского – философа 18-ти лет. Вот умер человек. Ему 18 лет. И Пушкин спрашивает:

Где благородные стремленья

И чувств, и мыслей молодых

Уже и мыслей – высокие нежных, удалых

Где жаркие любви желанья

И жажда знаний и труда

И страх порока и стыда,

И вы, заветные мечтанья,

Вы – признак жизни неземной

Вы сны поэзии златой.

Здесь, конечно, обрисован облик человека романтического.

Е.Ю. Кириллова

Это очень свойственно юности.

Б.М. Бим-Бад

Я тоже так думаю. Жажда знаний и труда неразрывны. Наш призыв к открытому

университету это лишний раз обнаружил. Люди готовы на многие жертвы, включая материальные для знаний, готовы на труд непрерывный, творческий, сознательный, упорный, тяжелый, опробованный на разумность. Обратим внимание на подсознательную установку юноши: труд нужен не только трудный, но и не отчужденный, творческий, осознанный, осмысленный.

У Диккенса есть замечательный образ. Юноша Николас Николасбе, который отказывался от любви, он безумно любил девушку и девушка любила его, юноша, который отказался от приветливого дома, отказался от бездны всяких благ только потому, что все это казалось ему слишком легко дающимся, слишком легко доставшимся. Он должен был уйти из дома, испытать кучу лишений и мучений, испытать себя, измучившись чрезвычайно, ему нужны были трудные дела. Юности, мне кажется, это свойственно в целом, попробовать нечто большее, чем кажется возможным, чтобы испытать дополнительные силы.

Юная душа жаждет признания, а иногда, и бессмертия. Юная душа торопится жить, поскольку она уже знает о смерти, видит смерть вокруг себя. Бессмертие вообще важнейшая, к моему глубокому убеждению, педагогическая проблема. Педагогическая потому, что это забота воспитателя дать перспективу бессмертию. Педагогическая потому, что именно воспитанию принадлежит сила, дать силу любить этот безумный грязный, но один единственный мир. Находить, видеть и находить в нем разумное, прекрасное и великое.

Бессмертие и смерть, как педагогические проблемы, становятся особенно актуальными в юности. Они должны, эти проблемы, быть осмыслены. Иначе мы и встретимся с тем знаменитым миром отношений, который мы находим почти у каждого преступника: "Эх жить будем, да и гулять будем, а смерть придет, пожрать будем"; "Умер, погиб человек, одной копейкой меньше".

Мы вступаем в область преступной психологии. И, если мы понимаем огромную ответственность педагогики смерти применительно ко всей жизни человека, мы об этом очень много говорили и очень подробно, когда речь шла о старости, то здесь, в юности, новая вспышка, взрыв – педагогика смерти, потому что последняя школа жизни – класс смерти, непосредственного погибания, в огромной степени зависит от педагогики смерти в юности. Не так ли?

Ну вот сегодня мы поставили кучу мучительных проблем, для того, чтобы потом попытаться их решить.

* * *

Что же мы можем извлечь, чтобы ответить на наш постоянный вопрос – как будущее человека предопределено предшествующими этапами развития. Я думаю, что в дополнение к идее диано-этических добродетелей, идее нашей предшествующей встречи, мы могли бы добавить и идею правильно понятого интереса.

* * *

А также невероятность наказаний преследований, закрытие истины любого характера.

И этот ряд фактов, которые мы на прошлой лекции оставили просто как факты, почти не обсужденные, заставляет нас опять-таки присматриваться к этой гипотезе уже с точки зрения эмпирического материала достаточно яркого, выразительного и показательного.

Наверное, если бы каждый из вас выполнял свою работу и нападал бы на меня с несогласиями, каждый из вас дал бы великолепный дополнительный материал.

* * *

А ведь это на самом деле женщина, только что вышедшая из своих тридцати годов. На четвертом десятке уже предполагалось, что зрелость кончена. Это понятие плюс ко всему историческое.

И так, при всех мыслимых оговорках, которые, как мне кажется мы сделали, –

человека не преклонных лет и все-таки бесспорно вышедшего из юности.

Из зала вопрос

Зрелость здесь чисто возрастная или все-таки социальная.

Б.М. Бим-Бад

Я думаю, что имеется, прежде всего, личностная зрелость, которая, конечно, неразрывно связана с социальной.

Из зала вопрос

Здесь имеются поиски самого себя, в 35 лет сейчас человек еще себя ищет.

Б.М. Бим-Бад

Во-первых, есть ребячьи старики. Во-вторых, инфантильность – заболевание, которое может поразить человека решительно в любом возрасте. Я с вами совершенно согласен, что здесь индивидуальное базирование мы обнаруживаем в чрезвычайно широком диапазоне.

Ваша редакция, Наталья Павловна, к фильму "Полеты во сне и наяву" замечательная. Инфантильный человек источник страдания не только для себя, но и для окружающих. И на этом примере мы еще раз видим, как личностная незрелость переплетается с социальной.

Но, друзья мои, мне хотелось бы еще чуть, чуть прокомментировать исторические понятия – и личностные, и социальные, и др. Вспомните, Данте писал: "пройдя половину жизни, спускаясь с горы, я ????? к этому труду". Сколь ему было лет, как вы думаете?

Ровно 30 лет. Когда человек переступал 30-летний рубеж, он уже знал, что идет по скользкой вниз. В те времена жизнь человека была короче.

Давайте все-таки условно возьмем период зрелости, как период расцвета, полного раскрытия и субъективно ощущаемого и в достаточной мере объективно реализуемого расцвета человеческих сил. Это тоже очень условно. Но расцвет подлинный ни с чем не спутаешь. И тогда мы можем не твердо привязываться к возрасту.

Расцвет – это как беременность на девятом месяце, она не может быть ложной, она или есть или ее нет. Весь вопрос, когда она произошла. Мы прекрасно с вами знаем, что Даниель Дефо начал писать, с нашей точки зрения, в глубокой старости, "Робинзон Крузо" был написан им, 70-летним старцем.

И мы знаем, что все это было в невероятно преклонном возрасте. Мы знаем, что Пришвин начал писать на седьмом десятке. Знаменитый драматург Бернард Шоу впервые начал писать, когда ему было около сорока и начал очень слабенько, а расцвел он в преклоннейшем возрасте. Поэтому давайте брать расцвет творческий. С этой точки зрения, Пушкин у нас пройдет от 18 лет или где-то раньше и до 33–34 лет и т.д.

* * *

Б.М. Бим-Бад

Вот попытка ответить на ваш вопрос о девочках, которые легко теряют себя, и тех, которые, наоборот, способны противостоять довольно мощным соблазнам. Правильное воспитание должно снять у человека не только страх перед жизнью, не только уверенность в существование реального добра, но и снять чувство вины. Глубинная психология особенно настаивает на этом последнем.

Чувство вины, как и любой комплекс, имеет своей обратной стороной агрессивность, желание отомстить миру и томную жалость к себе, которая заставляет человека делать себе хуже: пусть мне будет хуже, но я отомщу. Чувство вины может быть самое разное. В подростковом и юношеском времени это, как правило, чувство вины за половые желания, за проявление половой стороны своей человеческой сущности. И здесь, как всегда в воспитании, важно поощрить требовательность к себе и снисходительность к другим, а не наоборот, снисходительность к себе и требовательность к другим. Здесь очень важно, чтобы человек понял, что его проблемы, тайные страсти, борьба мотивов, страдания, борьба великодушия, борьба с самим собой, сопоставление представлений о

правильном и неправильном – это не его личное, индивидуальное, не его только специфическая сфера горя или тяжелого переживания, что это общечеловеческое, что это необходимо, что это абсолютно неизбежное, что это правильное, нормальное и чистое.

* * *

С.В. Гальперин

Я хотел бы сказать фразу, с которой начинается вся физика Аристотеля, эта фраза такова: "Все люди от природы стремятся к знанию".

Второе. Когда вы говорите о том, что может быть неспособность учителя радоваться ответу ученика, я хотел бы на это ответить чем-то другим, вот с позиции Фрейда, это уже относится к проекции, что человек свои недостатки находит в ком-то неизжитые, т.е. он как бы видит в нем свое отражение, можно ли вот это отметить?

Б.М. Бим-Бад

Надо подумать.

* * *

Ну, слава Богу, наконец-то человечество поняло все. Хотя не будем считать ошибкой Гегеля и не будем считать, что наука закончилась. Я хотел только попросить вас подумать, а нет ли возможности осмыслить сопереживание, осмыслить его как вид наслаждения.

Видите ли, когда я предлагаю рассматривать наслаждение, как ценность, и то и другое, как базу мироотношения, мировосприятия, а может быть и мировоззрения и поведения в экстремальной ситуации, в частности, и в толпе, я ведь предлагаю как раз нечто противоположное анализу, я предлагаю не отвлекаться от того реального синтеза, в котором проходит человеческая жизнь, где мысли, созерцание, эмоции, чувства, страсть, вступают в нерасчленимые сплетения и именно вот его я и предлагаю выделить как единицу рассмотрения, не как элемент, а именно как единицу, пусть сложную в себе, чрезвычайно запутанную, но может быть первооснову волнующих нас с вами процессов.

* * *

А.П. Мишле

Это утверждение о распространении себя в пространстве, подчинение пространства себе, это вещи, которые находятся в природе человека, но форма, в которой они выражаются в зависимости от возраста, воспитания может быть разной и поэтому одно дело сущностные корни движения, другое дело форма, в которой они проявляются в зависимости от того, как человек воспитан...

* * *

Б.М. Бим-Бад

...Здесь огромная энергия. Известно, что внушаемость человеческих толп – это свинцовое море, которое тяжело на подъем, но зато поддается действию любого огня. Главное, чтобы был огонь, чтобы была энергия. Энергия передается, она заразительна, она обладает колоссальной внушающей силой. И это психологи исследовали тысячекратно.

Вот почему такие великие гуманисты, как Томас Манн, всегда протестовали против внушения как такового, как способа взаимодействия людей, и особенно как способа воспитания, как способа повышать внушаемость и уменьшать степень сознания. Возьмете ли вы бессмертную по исполнению и по чисто художественному содержанию повесть Томаса Манна "Марио и волшебник", возьмете ли вы любую работу Песталоцци, столкнетесь ли вы с произведениями Корчака, вы везде найдете одно и то же, вы обнаружите, что соловьи монастырского сада всегда говорят об одном и том же (вы знаете, о чем). Только наступление сознания на подсознание, рефлексия, рефлексия множественной степени способна следить за собой, способна отдавать отчет в собственном духовном движении, может быть спасительным в случае, когда судьба нас ставит вот в

такое положение – поддаваться внушению, поддаваться гипнозу.

С.В. Гальперин

Это парадокс искусства. Ведь все искусство обращено к одному – к эмоциям: и музыка, и художественное слово и т.д.

Б.М. Бим-Бад

...это абсолютно не интересовало кем бы они себя не считали. У нас, слава Богу, есть объективные показатели и на них мы останавливались подробно и давно. Одним из мощных ориентиров в наших оценках является ценность человеческой жизни или точнее говоря самооценку человеческой жизни, как таковой, или иначе говоря, дух Гиппократов, более того, мы даже пытались построить иерархию человеческих обществ, где человеческая жизнь выступает средством или целью, мы как-то должны расположить цивилизацию к этому пункту.

А.П. Мишле

И отношение людей к самой цивилизации, тоже как средство или как цель.

Б.М. Бим-Бад

Разумеется, но кто нас сейчас вернет к исходному пункту?

Да, итак вот это свинцовое море.

Ну, когда людское море приобретает характер свинцовости, то есть, когда оно способно поддаться действию, практически, любого огня – вопрос вопросов, как мне кажется, может связать наше сегодняшнее исследование, с мучительно трудным предыдущим, в прошлый раз.

Выдвигаю гипотезу. Человеческая масса приобретает характер свинцового моря только и только в том случае, если каждый отдельный элемент, каждый отдельный человек в толпе глубоко и существенно невежественный по следующим параметрам.

* * *

Б.М. Бим-Бад

...целостного и системного знания и о взаимодействии различных действующих в мире сил.

Остановимся на каждой из этих характеристик чуть-чуть подробнее.

А.П. Мишле

Мы сейчас только смотрим личностные человеческие качества, а экономические вещи мы не трогаем? Если определенные условия, которые переходят в такие, и все тоже самое может происходить.

Б.М. Бим-Бад

Если вы помните, мы начинали с этого вопроса. Мы сравнивали общество сытости, постиндустриальное общество с обществом всеобщего дефицита и сопоставляли общество доброжелательное и кооперирующееся с обществом агрессивным и бесчеловечным.

А.П. Мишле

Вы говорите о том, к чему мы должны прийти, а я говорю о том, от чего мы должны отталкиваться. Вы имеете в виду экономические причины?

Б.М. Бим-Бад

Разумеется. В революционных песнях можно искать...

* * *

Интуитивно нам ясно, что очень большая степень зависимости может быть проиллюстрирована, вот хотя бы таким примером, как только человек попадает в экстремальную ситуацию, положим, в ситуацию безнадежного голода, как он почти неизменно, на протяжении всей истории человечества прибегает к людоедству, к каннибализму и очень часто людоедство охватывает прежде всего детей, поедают прежде всего собственных детей и чужих.

Так было в Мюнстере в XVI веке, так было в Ленинграде во время блокады, так было во время голода 32–33-х годов на Украине и в Поволжье. (Впервые у нас открыто, прямо и честно написали об этом в "Комсомольской Правде" в статье

"Голод".)

Но на самом деле это почти неизбежно, по самым разным причинам, в которые сейчас быть может нет смысла вдаваться.

Хотя на одну сторону проблемы нам необходимо обратить внимание, чтобы нас не сочли за клеветников человеческой природы. Ведь на самом деле детей поедают вот в такой страной обстановке далеко не все родители, далеко не все люди. В подавляющем большинстве случаев до такой степени падения люди не доходят, а доходит меньшинство. Другой вопрос, что это неизменно, постоянно повторяется, что всегда наблюдается в случаях массовых и длительных голодовок.

Но сам факт диаметрально противоположного поведения взрослых по отношению к детям в таких страшных условиях по-моему не в состоянии четко выявить некую особенность проявления власти сильного, опытного, развитого человека по сравнению с его детской противоположностью.

Не кажется ли вам, что такого детского опыта никогда не происходит в случаях, когда родители достаточно культурные. Когда их духовное развитие не отстает от всякого иного, в частности, физического. И здесь в проблему, тематику власти, власти некой силы над неким бессилием вторгается властно тема культуры. Опять вторгается. Эта тема преследовала нас по пятам, когда мы говорили о психических отклонениях, она присутствовала у нас, когда мы говорили о социально-психологических предпосылках... И сейчас она снова появляется с какой-то железной закономерностью. Стало быть всякая попытка обратиться к человеческой природе как таковой, решительно не может обойтись без этой культурной компонентности. И поэтому предположение о возможном биологизаторстве человеческой природы становится не адекватно, поскольку ясно, что из всех социальных феноменов культура заведомо бесспорно и чисто социальна. Чисто социальная культура.

Итак у нас двоякая гипотеза. Во-первых, мы предположили, что для того, чтобы обратить воспитательные отношения и вообще отношения взрослого к ребенку, отношения к преимуществу власти, надо чтобы человек, проявляющий власть, был достаточно духовно не развит.

И второе предложение. Очень важно, чтобы он при этом не нашел иных способов выражения этой власти. Или иными словами, не нашел иных способов самореализации, самовыражения, самоосуществления, иначе как в формах властвовать.

Нам необходимо отметить тот вполне вероятный факт, точнее сказать то правдоподобное предположение, что власть, воля к ней есть одна из страстей.

И притом достаточно низменных страстей человеческих. И об этом заставляет нас думать, во-первых, неотступность этого чувства, во многих случаях, ну и как во всех остальных случаях, когда человека начинает охватывать страсть, когда мир сужается до предмета страсти, об этом заставляет нас думать легкость, с которой люди отказываются от иных благ и способов самоутверждения, кроме, как властвования. Ну возьмем знаменитый пример "скромности" И.В. Сталина, когда обращают внимание на простоту, очень условную, его образа жизни, очень относительную простоту, но положим, в сопоставлении с чисто королевским существованием, т.е. многократно более королевским, чем сталинское, существование Иосифа Броз Тито, или Мао Цзэдуна, так вот, когда обращают внимание на это известное равнодушие Сталина к одежде, к некоторым вещам, традиционно рассматриваемым, как предмет роскоши и т.д., и на этом основании подтверждают, что Сталин был глубоко предан идее, то забывают среди множества прочего еще одну простую вещь, а именно, что власть и стремление к ней могут приобретать характер всепоглощающей страсти, удовлетворение которой настолько сильнее, выше, значительнее всяких иных способов самоутверждения, что все остальное отступает на задний план.

Но, если мы имеем дело со страстью, то тогда давайте и относиться к ней как к

движению душевному, практически неуправляемому, в тех случаях, когда она не абстрактна, не соединена с культурой, она приобретает внушительный и на самом деле неконтролируемый характер. В так называемых педагогических отношениях, страсть эта к власти в том случае, когда это имеет место, приобретает, как правило, характер деспотии, и деспотизм этот имеет множество форм своего проявления, видов, подвидов, в частности, и то, что нам говорила Наталья Павловна, на предшествующих наших беседах, и которые сегодня тоже она косвенно не смогла обойти, – форму деспотизма любви, очень интересный эпипет к форме власти, когда требование почти рабского подчинения обосновывается наличием, положим, наличием родительской власти, или, положим, стремлением учителя приносить благо к воспитанникам.

Представьте себе безвольного человека. На что он годен, он обуза себе, он страдалец, мучает окружающих.

Очень страшна всепобеждающая воля, воля, идущая напролом, сметающая все преграды, среди которых мы можем найти законы природы и законы человечества, законы божеские, сметается все и это не менее разрушительно, чем отсутствие воли.

Многие герои XX века подражая древним деспотам, проявляли эти чудеса все-сокрушающей воли. К каким невероятным трагедиям это неизменно приводит. Попробуйте-ка волевым образом преодолеть законы природы. Мгновенно получите высыхающий Арал.

Н.П. Дмитракова

Революция тоже относится к этому явлению.

Б.М. Бим-Бад

Если понимать под революцией насильственный переворот, противоестественный, то тогда конечно это можно так назвать.

Итак речь идет о золотой середине, о разумном сочетании воли, ума, нравственности. И опять же нравственность становится приоритетом, поскольку сильная нравственная воля и разумная воля, иначе говоря добрая воля, она в меньшей степени нарушает гармонию, чем все остальное, она благотворна. Опасность сильной воли еще по-моему в том, что она потенциальна, очень эффективна, она очень результативна. Мы говорили об этом с вами, когда обсуждали вопрос о психических заражениях, о массовых эпидемиях. Мы всегда находили запускающий механизм этого психоза в какой-то очень сильной воле, индивидуальной или коллективной. Помните, этот постоянно, как бы лейтмотивом сопровождающие наши изыскания, образ свинцового человеческого моря, такого тяжелого на подъем, все-таки поддающегося действию любого, к сожалению, огня, лишь бы воздействие было волевым.

Лишь бы воздействие это было истинно волевым. С этой точки зрения воля вещь страшная и ужасная. Мы перефразируем Достоевского: воля тоже – вещь страшная и ужасная. Ее содержательное наполнение – одна из важнейших забот человека, как воспитателя и воспитуемого, именно, как и того и другого. Для того, чтобы не поддаваться влиянию доброй воли и для того, чтобы быть источником воли доброй.

Друзья мои, здесь ведь мы снова сталкиваемся с одной из кардинальных проблем воспитания и образования как такового, с проблемой крайностей и проблемой гармонии, как душевного строя человека, точнее во всем его духовном облике, так и в способе воспитания.

Ведь ясно совершенно, что любая крайность в проявлениях воли и в ее становлении ужасна и страшна, уродлива и чудовищна.

* * *

Кстати помните, на одном из наших занятий мы говорили о школе для глухих и слепых детей во Флориде, и там мы столкнулись со случаем, когда даже не человек и не звереныш, даже не растение, а какое-то страшное, дикое существо,

которое мы не знаем как назвать, потому что в нем не было черт ни одних известных нам существ, превратился в человека, достаточно любящего и контактного только благодаря вот этой неисчерпаемой и действенной материнской любви, т.е. казалось бы безнадежный, случай, и тем не менее, такая победа тепла.

Мой постулат: огромное количество высококачественного тепла способно растопить любой лед в силу пластичности человеческих возможностей.

Е.Ю. Кириллова

Но вот смотрите, например, у одной из дочерей Маркса, по-моему Элеоноры, была любовь с одним достойным человеком, но тем не менее, он был дурной по своему складу и т.д. Она угробила с ним лет 15 жизни, причем это отражено полностью в ее дневниках, все что она вкладывала, отдавала, чтобы что-то в нем изменить путем своей огромной любви, но в конце концов она покончила с собой.

Б.М. Бим-Бад

Да, тепло этой любви тоже должно быть умным, и хотя эта тема из другой оперы, из искусства воспитывать, правильно и хорошо, но она бросает тень и на наши темы и проблемы.

Ведь смотрите: любовь может быть очень глупой. На эту тему мы говорили, когда вопрос шел о гармонии, важнейших свойствах человека. Под подобной любовью я понимаю любовь, которая действует иногда требовательностью, а не попустительством, действует уважением, а не обожанием, любовь я имею ввиду, вооруженную достаточным знанием человеческой природы, ее сложностей.

Е.Ю. Кириллова

Она понимает все эти недостатки и не отступает только потому, что без нее он вообще бы погиб, но она не выдерживает и уходит из жизни.

Б.М. Бим-Бад

Можем ли мы на этом основании признать, что есть люди безнадежные? И да, и нет. Да, потому, что мы сравниваем с нашими человеческими возможностями, с возможностями влияния человека на определенном отрезке и периоде времени, возможностями ограничения нашего терпения и мы не сравниваем с возможностями, которые могут обладать совокупностями людей и какое-то другое существо, не человек, ведь нельзя же не согласиться с Кантом, который говорит, что до тех пор, пока человека будут воспитывать люди, мы никогда не узнаем границ человека и человеческих возможностей.

Кроме того, может ли человек быть с необратимым угасанием потенции к дальнейшему человеческому развитию? Конечно, может.

Это вытекает из идеи апперцепции, вытекает из идей постепенного заострения, усиливающейся жесткости человеческих черт, уменьшение воспитуемости с возрастом. Мы об этом подробно говорили. Ясно одно, что это необходимо знать. И поэтому человекознание необходимо как хорошему воспитателю, так и дурному, поставившему себе цель воспитать убийцу.

Е.Ю. Кириллова

Чаще всего все эти видения связаны с большим количеством любви, и если у одного человека это есть в избытке, это не значит, что осуществляется правильное воспитание.

Б.М. Бим-Бад

Вот именно. Я вкладываю примерно это понимание в формулу: любовь должна быть умной. Представьте себе на минуту, что воспитуемая Леонора, предположим, была с измальства приучена к мысли, что человек корыстен, что его добрые отношения всегда на самом деле глубоко корыстны, тогда доброе, чуткое, любящее отношение к себе она будет, бесспорно, воспринимать как замаскированную корысть.

Е.Ю. Кириллова

Он может быть просто потребителем этого.

Б.М. Бим-Бад

Это совершенно верно. Он может быть и потребителем. Значит воспитателю необходимо учесть это. Учесть и первую опасность и вторую опасность. Если учитель правильно ставит свое поведение, тогда любовь его приобретает формы не попустительства и не снабжение человека только материалом для потребления, а наоборот, форму той требовательности, которая дает человеку самому расти и которая дает понимать себя. Например, какая-то бы ни была лесь воспитуемая, конечно, она его развращает. Любовь очень может развращать.

* * *

А.И. Шпеко

Я говорю, воспроизводство почему происходит? Что любил Гитлер, чем он питался? Вагнер, Меньшиков... Потом все это взяли, и чтобы ничего не производилось...

Б.М. Бим-Бад

Это невозможно. Видите ли, всякая попытка цензурировать культуру, она сама по себе гитлеровская. Кстати, предложил ее, как не Гитлер. Его, как и сегодняшних лидеров гражданской войны в нашей стране, вдохновил Платон, выразивший эту идею.

Я приведу еще одну историческую параллельную аналогию, прежде чем вернуться к этому вопросу. Ведь, если мы внимательно присмотримся к национал-социалистической рабочей партии Германии, т.е. гитлеровской партии, пришедшей к власти, то мы в ее устройстве, в ее деятельности, в ее влиянии на людей, в ее воспитательной мощи и в ее предыстории обнаружим все то, что содержалось в религиозных общинах со времен не просто седой, а абсолютно даже невообразимой древности, абсолютно неподвластной человеческому восприятию. Мы обнаружим существенно однотипные механизмы и процессы у египетских жрецов; мы обнаружим в еще более ранних общинах, прятаящихся в пустынях и скалах.

Вы понимаете, через всю историю человечества, от тайного, мистического знания, хранимого немногими просвещенными, до Ку-Клукс-Клана, сталинских лагерей и сегодняшнего Азербайджана, условно выражаясь, тянется непрерывная линия. И были исследователи, которые тщательнейшим образом проследили каждый исторический шаг воспроизведения этой линии. Я мог бы очень подробно и долго содержательно ее раскрывать. Пока достаточно ее обозначить. А теперь вернемся к возможности очистки культуры. Во-первых, это просто невозможно. Во-вторых, если бы даже это было бы возможно, это было бы все равно несправедливо и чудовищно, по моему убеждению. Дело в том, что духовный опыт человечества дается слишком большой кровью. И отношение к нему, любое нигилистическое, приводит к чему? К обесмысливанию этой крови, к обесмысливанию усилий человеческих. Задача в том, чтобы извлечь уроки из этой истории и выработать отношение к ней, человеческое отношение, отношение с определенной высоты.

Положим, к тому же Ницше, к тому же вакууму, к тому же тайному знанию для посвященных, к тому же устройству тайных общин и инквизиций, к тем же способам уничтожения ничтожной горсткой людей колоссальных масс людей надо выработать определенное отношение и тогда введение человека в ужасы, коварства и преступления, пропасти, безумия, гной, грязь и ненависть мира не будут способом сделать этого человека столь же ужасным, а будут способом выработать у него неприятие этого мира и противодействие ему. Это просто всего на всего доказательство того что это возможно, что можно не отрываться от покрытой слизью, грязью и кровью земли, а идти по ней, шествовать по ней

одновременно все-таки с Богом в душе, шествовать по земле с надеждой и высотой, быть не целиком, принадлежащим, небесам и не целиком принадлежащим недрам, а соединить в себе, гармонизировать, балансировать, уравновесить человеческое и тем самым стать человеком.

Остановимся на вопросе, поднятом А.И. Шпеко. Что же делает Гитлеров, из каких пластов культуры? Я предлагаю рассмотреть этот вопрос изначально чуть в более плодотворном виде. Разве наслоение тех или иных пластов культуры делает человека человеком? Разве не взаимодействие этой присваиваемой культуры с особенностями характера, с особенностями тела человека, с особенностями темперамента, с особенностями первоначальных отношений к близким, к первоначальным и потому сильным восприятиям вещей самых разных, разве не по закону апперцепции развивается и становится человеческое существо? То есть не происходит ли присвоение культуры в сложном взаимодействии уже присвоенного с последующим восприятием. Не зависит ли сам характер содержания форм последующих восприятий от накопленного опыта? Не сталкиваемся ли мы с проблемой очень сложных процентов? Или, иными словами, развивается ли человек до эпохи зрелости, когда он становится или богоподобным, или существенно хуже любого зверя, или любого животного существа, или, наконец, комбинирует в себе то и другое. Разве это становление человека изначально и до этого интересующего нас момента не происходит ли по законам, которых мы не в силах описать, как аддитивные или иначе: формируется ли человек как сумма поглощенной им культуры, или же он является непрерывным процессом переработки этой культуры.

Возьмем случай с Гитлером. Можем ли мы сбросить со счетов особенности раннего детства? У нас была возможность несколько апеллировать к этим особенностям. Очень сложные отношения с отцом: отец бросает семью, до того отец достаточно жесток, бьет, подавляет, авторитарен. Маленький Адольф, как правило, на стороне матери, а мать проявляет не меньшую холодность, раздражительность, не меньшую, чем отец, озлобленность. Разве может это не опосредствовать отношение совсем младенца, а потом мальчика, когда проявляется личность, когда любое живое существо настаивает на признании своих желаний, настаивает на выполнении этих желаний и авторизирует себя как индивидуальность, как личность. Разве в этот период подобного рода отношения со взрослыми, с близкими взрослыми, не закладывает в душе ребенка совершенно определенной подозрительности к миру и отношения к нему как к чему-то жестокому, враждебному? Разве мы не сталкиваемся с подобного рода случаями на каждом шагу? К сожалению, чрезвычайно часто.

Можем ли мы сбросить со счета, говоря о складывании характера Гитлера, прежде чем мы присмотримся к характеру присвоенного им куса, пласта, части общечеловеческой культуры, мировой культуры. Сбросить со счета, положим, амбиции, тщеславные амбиции, призванные преодолеть и компенсировать комплекс неполноценности. И вот это чувство неуютности, неустроенности, неупорядоченности и жестокости мира, которое ему внушила семья.

Но ведь здесь речь идет не только об отношении к людям. Здесь речь идет и об отношении к вещам. Потому, что раздражительность, озлобленность, недружелюбность в отношениях между взрослыми и детьми опосредствуется точно такими же отношениями к вещам, к миру в целом, к природе истории.

Н.П. Дмитракова

Концепция Гитлера имела направленный характер. Вот человек выбирает то, что ему больше импонирует. Это то, что оправдывает его мировоззрение, его концепцию психологического анализа. Он игнорирует какие-то остальные факты истории, жизни окружающей, а выбирает то, что ему удобнее.

Б.М. Бим-Бад

То есть предопределяется сам характер пластов культуры, который человек или отбрасывает как ненужный ему, несущественный или наоборот, тщательно

присматривается, будучи постоянно обучаемым и постоянно воспитуемым, к тому, что ему роднее, ближе и больше отвечает укоренившемуся отношению к миру.

Но вернемся, товарищи, к Гитлеру.

Разве можно сбросить со счета амбициозное стремление Гитлера стать художником? Достаточно обычная и реальная ситуация, – человек ошибся в своем призвании. Выяснилось, что его не признали. Конечно, он был не согласен с тем, что у него не получается. Конечно, же он настолько прекрасный и великий художник, что окружающие пигмеи не в силах это понять и он, этот человек, еще докажет, им, он покажет с кем они имеют дело и какого художника они не признают за равного, унижают, преследуют, не пускают и прочее.

Обычная история. Но подобного рода общности накладываются в сложном взаимодействии с ними на особые пласты культуры по велению его величества случая, оказавшегося под рукой, пропитывающие ближайшее социальное окружение человека. Они, эти пласты культуры, оказались под рукой случайно и вместе с тем глубоко закономерно. Об этой закономерности прекрасно сказала Наталья Павловна. Ведь человек и отбирает в доступной ему культуре именно то, что ему близко.

И вот начинается мучительная, сложный процесс, взаимопротивоположно направленный. Помните, мы говорили об этом, когда речь шла о фундаментальных законах развития любого человека, процесс взаимодействия, в науке он называется ассимиляцией, присвоение мира, усвоение культуры, и аккомодация. И одно невозможно без другого. Аккомодация – это процесс приспособления мира к себе, процесс, в котором человек накладывает свою печать, свой облик, проявляет свою активность в окружающем мире, и одно невозможно без другого. Если мы хотим понять Гитлера как человека, нам недостаточно изучить ни его ближайшее социально-психологическое окружение, ни, если мы только этим ограничимся, присвоенную им культуру. И, наверное, то же самое в массе других случаев.

Пытаясь понять феномен Гитлера, который нас интересует конечно же не сам по себе, а исключительно только как модель становления человека бесчеловечного, человека жестокого, человека, в какой-то степени концентрирующего в себе вселенское зло, возвращаясь к образу Гитлера, мне кажется, мы вполне можем в качестве гипотезы пока согласиться со следующим.

Дело не только в том, что Шопен, или, положим, Хемингуэй впитали особую культуру, а Гитлер другую и дело не в психических и физических особенностях человека, как такового, наша гипотеза, пока мы не выдвинули противоположное в том, что человек есть результат перекрещивания сложного взаимодействия как минимум этих двух грубо взятых сил и притом взаимодействия развивающегося и усложняющегося. Наша задача – схватить момент, когда в этом взаимодействии, его результате образуются ключевые, извините за тавтологию, образования, когда получаются узловые какие-то образования, например, первые серьезные отношения к миру, первое восприятие людей, восприятие вещей. Почему первые? Они скажутся потом, в преобразованном подчас виде, они скажутся. Мы потому и начали изучать человека от момента его расставания с жизнью к моменту рождения, для того, чтобы увидеть, что именно проявилось в самом конце и что явно не могло не быть заложено в самом начале. Мы можем изучать человека, как воспитателя и воспитуемого в перспективе всей его жизни и одновременно в ретроспективе всей его жизни. Другого пути мы с вами не нашли.

Вот ведь как много компонентов в том умонастроении мироотношений, которые не приводят даже в стрессовых, чрезвычайных обстоятельствах, в экстремальных случаях не приводят к убийству и самоубийству человека.

Но оно дается большой культурой. Я не хочу сказать, что эта культура непременно книжная, что это культура, несомая наукой, отнюдь, с наукой вообще все

очень сложно, наука не может быть, как мы постоянно сталкиваемся, как мы и сегодня с Семеном Вениаминовичем столкнулись, научное мироотношение не может быть единственным компонентом образования и культуры. Но я хочу сказать, что обязательно культура, пусть народная, пусть какая-то этническая сохраняемая, но культура этого принятия мира, любви к нему, благоговения перед ним – жизненно необходима для того, чтобы сколько-нибудь практически значимо отнестись к проблеме смерти.

Бессмертие человеческой личности – важнейшая педагогическая проблема. Я конечно не говорю о том, что ею не пахнет, в наших учебниках и в нашей официальной педагогике, это само собой. У нас не может пахнуть ничем важным, серьезным и сколько-нибудь нужным для жизни, поскольку наше образование злокачественно и лживо от начала и до конца, включая и педагогическое образование.

Я хочу сказать, что бессмертие человеческой личности – это не просто важнейшая педагогическая проблема, а проблема, которая должна решаться на самых первых этапах педагогического взаимодействия с ребенком, на самых первых этапах не вредя вмешательством человеческой жизни, которая и есть воспитание, т.е. не воспитание, а вспомоществование человеку. И решаться она, как мне думается, и этот тезис тоже дается при обсуждении, может решаться только как помощь в решении реальных, а не придуманных, и не опережающих естественный ход развития реальных проблем растущего человека.

* * *

Е.Ю. Кириллова

Наука здесь настолько глубоко уходит в природу человечества, в биологическую природу, что на сегодняшний день у нас просто нет оснований для изысканий подобного рода. Вы не встречали, например, при исследовании психически больных, когда у больных выявляют состав крови, то обнаруживается, что у них в наследственном обмене идет превалирование белка или еще чего-то.

И оказывается, что вот этот белок, его наличие, повышенное количество его к норме меняет поведение изначально, т.е. у него могут быть такие постоянные, совершенно неконтролируемые опасное поведение, и вот в данном случае, как белок, его избыток влияет на поведение. Понимаете, вот эту белковую природу человеческую, мы не знаем. Этот еще вопрос не исследован, а ведь по существу, мы только владеем этим срезом, но не знаем ту основу и возможность этого социального воспитания по отношению к той первоначальной базе (ничего не знаем – по латыни), поэтому, если вообще не воспитывать людей положительно, они, возможно, проявят свою биологическую природу просто на просто и все. А поскольку мы все состоим из белка и про белок очень мало знаем, а по существу, он и есть все эти качества человеческие, то оно так и получается, что, если не воспитывать все положительные направления, то все проявляется в своих природных качествах.

Б.М. Бим-Бад

Елена Юрьевна, я с вами могу согласиться в том, что состав организма химический, потому что к белку мы добавляем еще и углеводы, минеральные вещества. Мы даже поставили такой эксперимент: принесли C_2H_5OH и разбавили кровь определенной дозой этого замечательного химического состава. После этого, надо сказать очень существенно изменилось наше мироотношение, способность воспринимать окружающие явления, и даже способность мыслить, а некоторые из нас, совсем герои, приняли так много этого вещества, что стали производить какие-то чудовищные действия, кого-то пришлось удерживать, так как он собирался выбрасываться в окно, чуть-чуть не произошло убийство. Но видите ли, в тех случаях, когда белковый, минеральный, витаминный и прочий состав человеческого организма находится в диапазоне нормы...

Е.Ю. Кириллова

Но все равно, вот это понятие нормы, она условна.

Б.М. Бим-Бад

Я не заставляю воспитание спорить с дезоксирибонуклеиновыми кислотами...

Е.Ю. Кириллова

Мы настолько слабо знаем нашу первоначальную основу... И потом возьмите: в одной семье растут двое, растут, казалось бы при совершенно одинаковых условиях этой среды...

Н.П. Дмитракова

Первый ребенок всегда воспитывается не так, как второй.

Б.М. Бим-Бад

Я призываю вас пока остановиться, я вам дам почитать стенограммы первых наших лекций, целиком посвященных этой проблематике, вы просто позже к нам пришли. Мы уже это проходили, через все сомнения.

А.П. Мишле

Суть-то тут простая. Мы уже взяли нормы для работы...

Б.М. Бим-Бад

Это, во-первых, Александр Петрович, а во-вторых, мы признали норму очень пластичную, гибкую, ковкую, человека мы рассматриваем, как существо в высшей степени воспитуемого. Но все-таки настолько пластичное, что особенности его хода генетического и особенности химического состава его организма способны поддаться некоторым взаимодействиям с его душевным складом, таким образом, чтобы отступить на задний план. Вот вывод, к которому мы пришли в результате напряженного и честного исследования.

Что на нас здесь очень сильно повлияло? Если положительное или отрицательное воспитание не в состоянии сладить с химическим составом организма, то оно как минимум бесполезно. Или просто не нужно, а подчас и очень вредно. Зачем спорить с природой? Тогда нам нужно во что бы ни стало отменить школу, оставить попытки влиять на человека. И в этой точке зрения есть много серьезного и здравого.

Мы украсили нашу педагогическую антропологию высказываниями Мунтисоли и ... невежественный в высшей степени, мы ничего подобного не знаем достоверного о природе человека. Поэтому мы поставили перед собой задачу: исключительно только делать наблюдения, может быть исторические, и мысленно их применять, опираться на данные такие, которые мы изучаем. Например, шизофрения, т.е. те исключения, которые проливают свет на "но".

Опираясь на все это, решили выдвигать гипотезу и не столько находить ответы на вопросы, сколько ставить вопросы. Именно поэтому мы считаем себя вправе говорить как о благотворном воспитании, так и негативном.

Два однояйцовых близнеца, которые, как известно, наделены совершенно одинаковыми наследственными признаками, воспитанные порознь и по-разному, сохраняют одинаковые реакции. Сохраняют основной тип врожденной темпераментности, хотя со значительными модификациями, но могут стать обладателями диаметральных противоположных качеств свойства характера. Вот один из примеров однояйцовых близнецов, разлученных в очень раннем детстве: один стал известным профессором, а другой – преступником-рецидивистом.

А.П. Мишле

В конце концов в педагогике можно и шприц применить. Это там, где начинается химическая реакция.

Е.Ю. Кириллова

В будущем педагогика с медициной обязательно будут вместе.

Б.М. Бим-Бад

Это серьезная проблема. Воспитание и биохимия проблема почти не исследована. Некоторые попытки были. Это попытки пересаживание мозга.

А.П. Мишле

Много было сделано у крыс-пессимистов. Им вживляли кусочки тех крыс, которые считались оптимистичными. Они меняли просто тип поведения крысы.

Б.М. Бим-Бад

Подобных опытов очень много. На Западе существует специальная наука, занимающаяся проверкой и опытами в этой области.

Все опыты подобного типа не выдержали этой проверки. Неопровержимо доказано, что статистически достоверных результатов при подобного рода экспериментах не получено.

Е.Ю. Кириллова

Были кроме того исследования, о которых рассказывал академик Бито Андрей, когда проделывали всевозможные эксперименты с его психикой, когда его украли.

А.П. Мишле

А кто может сказать твердо, что вне вот этих биохимических воздействий, данный постулат или гипотеза – что каждый воспитуемый воспитанный, это как бы вне средств остается. Вот если мы с учетом помощи человеческой культуры, всех областей, с учетом будущего, то я скажу вам – да, а если без этого – то нет.

Е.Ю. Кириллова

В принципе, он воспитан, но средства отсутствуют.

Б.М. Бим-Бад

Это одна сторона проблемы.

Что касается проблемы нормы и патологии, то она существенно более сложная. Она очень подвижна. Она зависит от наших критериев. Вы все знаете, что диапазон норм чрезвычайно широк. Мы знаем выступления выдающихся мыслителей в защиту тезиса о том, что норм вообще не существует. Что каждый человек в той или иной степени не нормальный, но ненормальный по отношению к некоей норме. Люди, отрицающие самое понятие "нормы", позволяют сравнивать людей между собой.

Е.Ю. Кириллова

В практике их берут в психдиспансер.

Б.М. Бим-Бад

У психиатра есть критерии достаточно широкие и мы знаем, что эти критерии позволяют брать совершенно нормальных людей и сажать их в сумасшедший дом.

Е.Ю. Кириллова

В последнем "Поиске", я выписываю газету "Поиск", я читала как поймали в Свердловске одного преступника, молодого человека, весьма благообразной наружности и этим собственно он и пользовался. Он убивал молодых женщин. Все к нему относились как к нормальному человеку, он был студентом. Все были потрясены, что он способен на такое. Он был женат, у него есть ребенок. Сейчас стоит вопрос: наверное, это все-таки патология. Жертвы им убиенные, когда их обнаруживали, были задушены, раздеты, но не изнасилованы.

Б.М. Бим-Бад

Друзья мои, мы сейчас с вами углубляемся в область очень важную, но эта область специальная. Не знаю, есть ли у нас с вами четкий критерий, когда мы могли бы объявить того или иного человека сумасшедшим. С какой-то точки зрения все мужчины убивают своих жен, в том или ином смысле. Я имею в виду балладу "????? тюрьмы", где довольно убедительно обосновывается эта точка зрения. Убивают все или почти все, а ловят и сажают в тюрьму и наказывают только немногих, есть очень убедительная точка зрения, что, в так называемой нами, патологии есть нечто такое, что не более как только преувеличенное резко выраженное, но наличествующее почти в каждом человеке.

Степень, конечно, здесь играет решающую роль. Это классический способ

перехода количества в качество. Но факт остается фактом. Грань очень тонка, как все в человеке.

И последнее, что я хотел бы добавить, с вашего позволения, к теме о том, как плохо воспитывать юношей для того, чтобы их скорее сделать убийцами, я бы добавил: необходима массивная дезинформация. Очень важное, ибо могучее для формирования убийцы образование – обманывающее, злокачественное, утаивающее, недоговаривающее, пропускающее огромные пласты культуры. Вот некоторая система правил воспитания убийц.

С.В. Гальперин

Откуда эта вся массивная мощь вашей мысли?

Б.М. Бим-Бад

Эта мысль принадлежит мне и только мне. Первые записи на эту тему были 11 марта 1988 г. Я собрался сделать небольшое пособие "Как плохо воспитывать". Опыт популярного руководства. Я пока его еще не осуществил, но непременно напишу, обязательно.

А.П. Мишле

Это очень интересно.

Б.М. Бим-Бад

Друзья мои, мы прекрасно понимаем, что ребенок не глина, из которой можно вылепить все, что угодно. Даже, если брать один только такой биологически врожденный фактор, как темперамент, то уже приходится говорить об индивидуальности. А как только чуть-чуть, ну чуть-чуть подрос человек и научился улыбаться в ответ на улыбку, это уже, если хотите, сверхмаленькая личность. Это значит, что никому не пристало формировать из ребенка то, что идет вразрез с уже сложившимся или складывающимся характером маленького человека.

Мы пытаемся сравнить очень быстрое изменение взрослых созревших людей фашистской германии с очень быстрым изменением людей, положим, в Японском военном обществе. Если в этих рамках рассмотреть ваш вопрос, то его можно переформулировать: при каких условиях возможно свободное развитие и какие формы и направления свободного развития может принять?

Мы видим, что способность даже созревшего человека измениться, гораздо больше, чем это признается в каких-то учебниках. А какое направление оно примет, мы точно не знаем. Мы предполагаем, что это направление в огромной степени зависит от характера давления общества, от характера его устройства, как будет свободно развиваться человек и захочет ли он этой свободы.

Л.А. Ильина

Мы говорим об особенностях воспитания Гитлера. Но он ведь был больной человек, он был маньяк, он был шизоид. Разве это можно не принимать во внимание. Или это не так? Он обладал каким-то гипнотическим действием на массы.

Б.М. Бим-Бад

Это важно, интересно и серьезно. Маньяк, шизоид. Наверное, в какой-то степени вот такого рода вожди, они просто ярче проявляют в той или иной мере свойственное многим людям. Мне кажется, что здесь больше количества, чем качества. Хотя диалектик, если бы он здесь оказался, немедленно вспомнил бы о законе перехода количества в качество. Вспомните, с определенной точки зрения все люди более или менее сумасшедшие.

Норма – это как бы мера усредненного сумасшествия, точно так же, как в какой-то мере все мы слепы и глухи. Это же абсолютно очевидно.

Посмотрите. Сумасшествие рассматривалось многими хорошими специалистами психиатрами, как просто слишком большая степень выраженности вещей, которые свойственны всем. Ну например, положим, чистый мазохист, человек, который не может быть счастлив, если его не топчут, не оплевывают, не избивают, не издеваются над ним и проч., это яркая, предельно выраженная черта, которая свойственна огромному количеству людей, например, как только чело-

век начинает жалеть себя или плакать из жалости к себе, он невольно проявляет какую-то степень своей мазохичности и как только он находит утешение в слезах, он проявляет свой маленький-маленький мазохизм.

Возьмите такой вид сумасшествия, как садизм – противоположность. В лесу Бухенвальде был человек, который не мог заснуть спокойно, не убив нескольких человек, ну хотя бы одного, или не помучив там кого-то. И вот это яркая степень выражения свойственна огромному количеству обычных людей – желание унижить, принести боль, подковырнуть, отомстить, ну мало ли что, причинить боль, получить некую выгоду, за то, что будет причинена боль, страдание человеку, – это ведь огромному количеству людей свойственна, к великому сожалению, я не хочу сказать всем, но свойственна. И с этой точки зрения безумие Сталина, Гитлера, Наполеона, называют немало и других имен, оно уже просматривается как модель для науки очень важная и ценная, ведь самое важное свойство модели – это степень яркой выраженности свойств, которые в обычном случае смазаны, идут сыро.

М.А. Кирюшкин

Я бы хотел просто уточнить такие моменты.

Речь сейчас шла о различных факторах, детерминирующих дальнейшее развитие ребенка и, в конечном счете, выбирающих тот или иной путь, который более или точно, или полно следует в течение его дальнейшей жизни. Я имею в виду какие-то более или менее широкие границы, которые ребенок может преодолеть только в виде каких-то экстремальных либо внутренних, либо внешних факторов.

Меня интересует – не складывается ли такая широкая дорога, достаточно широкая дорога, с этими границами именно, еще до его социального опыта. То есть я говорю сейчас о врожденных факторах в том контексте, что не может ли быть эта дорога чем-то доврожденным или как-то имеющим какую-то, может быть, другую природу. То есть то, о чем вы говорили сейчас.

Б.М. Бим-Бад

Конечно, мы говорили об этом как минимум в двух планах.

Первое. Мы обсудили возможность и даже необходимость мистической гипотезы, так сказать, судьбы в самых разных ее проявлениях.

Эта разница, бросающаяся в глаза, между телесным контактом и его отсутствием, у нас вызывает серьезнейшие подозрения, которые бы с вашей подачи я и хотел бы обозвать подозрениями относительно социального характера развития самых первых контактов, даже уже и телесных.

М.А. Кирюшкин

Получается, что существуют какие-то микрофакторы, может какие-то комбинации факторов, которыми мы обладаем сформированным сознанием. И соответственны этот фон весь может создавать такую устойчивую детерминацию, которая вступая с биологической детерминацией, создает ту или иную равнодействующую. Это одно. Эта схема, которая понятна.

Но, если пользоваться такими безумными штуками, получается, что действительно существуют некоторые закономерности и некоторые переводики, которые позволяют относиться серьезно к таким вещам, что кроме, судьбических факторов, существует то, что связано с гармонией колебаний, то, что написал и Платон.

Доказано благотворное влияние мужских голосов хора на развитие ребенка и исправление физических недостатков. Причем это действует даже на помидоры, которые вырастают до двух килограммов.

В этом плане я хотел бы вот что сказать. Как биологически, так и социально могут действовать определенные гармонии, которые восприятие ребенка может воспринимать как биологические, потом и социальные. То есть является ли подсоциальное социальным сразу же после рождения или это только перевод с одного на другое, а потом уже привычка говорить только на социальном языке.

Б.М. Бим-Бад

Очевидно в вашем протесте есть два компонента. Первое связано с такими физическими явлениями как колебания. Я понимаю, что это только пример факторов мало ощущаемых, слабо действующих на нас и ускользающих от нашего внимания. Но все-таки это вполне физическая вещь и недостаточно мистическая, на мой взгляд. То есть нам нужно обратиться к мистической гипотезе, но рассматривать ее как мистическую, как решительным образом не связанную с физическими колебаниями.

Я совершенно не собираюсь отрицать влияние хорошо поставленного голоса на рост как помидоров, так и человеческих способностей. Поверьте мне, я страшно далек от этого. Пусть все так именно и будет. Но я предлагаю все-таки к мистике отнестись мистически.

Теперь второй компонент вашего наступления на термин социальный. Вот здесь я склонен называть их социальными какова бы не была их необщественная, природная компонентность.

* * *

Б.М. Бим-Бад

Человек воспитывает человека. И поэтому мы не можем знать своих изъянов. Для открытия их надобно высшее существо, которое могло бы нас воспитать. Таким высшим существом отчасти, его заменителем в случае его отсутствия, может служить идея или идеал. И мы не только имеем право обсуждать идеал, но мы обязаны обсуждать идеал, потому что иначе мы засохнем и заболотимся, а то и покатаемся вспять, как это происходит нынче в столкновений наших вооруженных банд.

Н.П. Дмитракова

Аналитический подход может противоречить системе.

А.П. Мишле

Моя способность защищать свои процессы должна обеспечиваться определенными процессами нападения. И у меня есть шансы подключать самосознание, когда, опираясь на него, можно нападать.

Б.М. Бим-Бад

Это очень ценно. Потому что какова бы ни была форма реакции Александра Петровича на саму проблематику или на способ постановки проблемы, она не просто типична, она ведь еще и очень эвристична. Потому что лишний раз демонстрирует как разум помогает человеческим страстям. Как он обслуживает человеческие страсти. Если предположить, что Александр Петрович задет за живое, что возникла некая страсть. Я могу это предполагать?

А.П. Мишле

Вы должны предполагать, что перед вами самосознание, и его схематизировать, и давать определенные предложения, что надо сделать, чтобы я справился с этим процессом, который не осознаю. И изжить его.

Б.М. Бим-Бад

А изжить его можно только осознав.

А.П. Мишле

Может быть и так, а может быть и по-другому. В одних случаях есть гипноз, он работает одним способом. Вы через педагогическую структуру скрываете, потом справляетесь. Я не против, но тогда вам надо нарисовать четко эту схему моего подсознания я показать, что там не так, чтобы я мог действовать.

Б.М. Бим-Бад

На самом деле мы сейчас не будем заниматься собственным сеансом анализа. Я просто с вашего позволения ограничусь гипотезой. На самом деле это было бы очень интересно, но я никогда не позволил бы себе проводить сеанс на людях. Это черт знает что. И плюс ко всему это еще и больно.

А.П. Мишле

У меня есть против чего защищаться, защита должна обеспечить стимул напа-

дения.

* * *

С.В. Гальперин

Но речь не идет о том, что они гордились. Они считали, что таков их долг гражданский. Но блюли они свою выгоду или нет? Это вопрос не Чернышевскому, а к вам. Я сам об этом думал и решил положительно: да, это тоже своего рода выгода, но иного порядка.

Б.М. Бим-Бад

Как это может быть вопрос ко мне, если этот вопрос самым тщательным образом до меня исследовал Чернышевский. Ко мне он может быть только в одном смысле: согласен я или не согласен с человеком, специально занимавшимся этим вопросом. И как раз по отношению к революционерам, которые волнуют ваш ум и ваше сердце.

Мое отношение к исследованиям Чернышевского такое: он очень прав, как я думаю. Уверяю, что нельзя на этот вопрос ответить ни да, ни нет.

С.В. Гальперин

Сам вот этот императив, предложенный вами. Как на него реагировать? Как мне его принимать или не принимать?

Б.М. Бим-Бад

И да, и нет. На свете вообще, мне кажется, нет ничего, о чем можно было бы сказать да, да, нет, нет, а что сверх того, то от лукавого. Мне думается, что революционер, как и всякий другой, жертвующий своей жизнью ради своих верований человек, отчасти действительно жертвует без дураков, и я в этом смысле не согласен, что "жертва есть сапоги всмятку"; а отчасти поступает так, что не может иначе и, что это ему важно, ценно, нужно, а может быть и приятно. Я не пытаюсь обвинить жертвующих своей жизнью, упаси Господь. Я хотел бы сказать, что все гораздо сложнее, чем хотелось бы людям, которые строят мир как черно-белый, как да и нет, в то время как мир по преимуществу грязный.

* * *

Мы рассматриваем процессы изменения людей под влиянием друг друга, и это мы изначально называли педагогической антропологией.

А.П. Мишле

Простая имел ввиду такой момент, как нормативы, различные в период солнечной активности. В педагогике уровень нормативов в период, когда эта активность невысока, может быть не таким, какой бывает один раз в одиннадцать лет.

Б.М. Бим-Бад

Прекрасно, согласен. Конечно, наверное было бы идеально дожить до того момента, когда супружеская чета точно знала бы в какую ночь надо зачать ребенка, чтобы он был счастливым, и я глубоко уверен, что мы когда-нибудь до этого доживем, или не доживем, что тоже очень большое счастье, рассмотренное не только Леночкой Хилтунен, но и Хаксли в "Новом бравом мире", когда дети, которые принципиально не планируются, становятся некоторым фактором нормального человеческого счастливого бытия, а дети наоборот, создаваемые в пробирках, являются фактором какого-то чудовищного бытия.

Е. А. Хилтунен

Это, по-моему, у Маркса, что свободное развитие каждого и есть свободное развитие всех.

Вот насчет свободного развития каждого. Что это такое? Свободное развитие каждого. При свободном развитии обязательно влияние воспитательное или педагогическое на этого каждого или это и есть как раз освобождение от разнообразных целенаправленных влияний на человека. Вот как это понимать? Свободное развитие каждого. Мы же знаем, что в педагогике есть такие педагоги, которые говорили о свободном развитии каждого.

Мы же знаем, что в рамках одного и того же общества вполне возможно сво-

бодное развитие и далеко не свободное развитие. Я буквально вчера и сегодня вспомнила педагогов наших новаторов, оба новатора, но совершенно в разном направлении идут. Я имею в виду Н.П. Гузика, который пытается, запихивая в рамки огромных знаний, которые он впихивает в человека, развивать ребенка и для него важнейшим результатом является насколько этот ребенок знает, и Тубельского, который пропагандирует другой вариант, вариант свободной школы, он стремится к тому, чтобы его дети были более раскрепощены, нежели другие. И вот свободная школа и несвободная школа в одном обществе благополучно уживаются. Значит не только от общественных условий, а от чего другого это зависит.

Б.М. Бим-Бад

Несомненно, мы ведь рассматриваем такие макропроцессы, усредненные процессы, конечно, я понимаю, кажется Архангельского, знаменитого пародиста, который когда-то бессовестно издевался над Щипачевым, он писал, помните, в какой-то пародии: "У кошки, у собаки хвост, как сложен мир и в то же время прост".

Я с ним совершенно согласен. Конечно, это может вызывать изумление. Мы называли двух людей новаторами, а они такие разные.

На самом деле, конечно, это прекрасная способность удивляться, есть много удивительного на свете, но мы это уже проходили, мы проходили некие закономерности, в соответствии с которыми, ни одно живое существо непохоже на другое, абсолютная индивидуальность и неповторимость мира, как мы знаем определена, самым последним открытием биологии, генетически. Нет одинаковых генов даже у близнецов.

А.П. Мишле

Я бы сейчас развел, на всякий случай такие вещи, как соблазн и преграды, с одной стороны и наслаждения, как ценности, с другой стороны, поскольку сейчас мы это делали, мы двигались, мне так показалось, не жестко разделяя, что одно из них связано с культурой очень мощной ценностью, а другое, прежде всего, относится к тем сферам глубин подкорки, если физиологически выражаться человеческих, без которых мы пока не умеем существовать.

Б.М. Бим-Бад

Зачем их разделять? Разве они не сложным образом взаимодействуют?

А.П. Мишле

Очень сложно. Их нужно разделить не для того, чтобы они стали существовать отдельно, их надо мысленно отделить для того, чтобы понять характер этого взаимодействия, чтобы потом соединить их там, где они соединяются и дают прекрасное, а не фальшивое.

Б.М. Бим-Бад

Волнует вопрос, не остались бы лишние детали.

А.П. Мишле

Нет, ни в коем случае. Если мы не отделяем их, наслаждение и ценности начинают сливаться, то у нас нет разделения состояния наслаждения от жестокой музыки, о которой говорила Леночка, и связано с музыкой Бизе "Кармен".

Е. А. Хилтунен

Здесь есть рациональное зерно.

А.П. Мишле

Прелесть состоит в том, что этот мир наслаждений и ценность его как будто имеет определенную характеристику. И там, где есть наслаждения, связанные с едой, питьем и т.д., это один мир, простой, сложный мир ребенка в утробе матери, есть крайне другой мир, противоположный, где есть масса противоречий, он сложный и трудный. А между ними все остальные миры, их может быть сколько угодно, и вот эти сведения между мирами должны анализироваться и в одном из этих миров появляется мир ценностей, которые продолжают существовать в крайне среднем мире, где есть не только ценности, но и челове-

ская воля, которую можно отстаивать, появляется способность противостоять вот этому внешнему миру, она прежде всего возделывается на соединении, тогда ценность – это не только то, что связывает нас с культурой, но и с культурой противостоять ханжеству, всему, что часто встречается.

С.В. Гальперин

Есть две области. Есть область сознания и есть область сопереживания. В данном случае, если мы говорим о ценностях, все это фиксируется или нет. Обсуждаем и обдумываем их с помощью нашей формы мышления или же это происходит в эмоциональной сфере, т.е. когда мы собираемся в коллективы у нас есть сопереживание, сопереживание охватывает нашу сферу огромную. И когда мы рассматриваем поведение, будь это толпа или даже не толпа, тогда речь очень часто идет о сопереживании. Там не анализируются ценности в этом случае, такие, которые в других условиях мы бы анализировали, нравятся или нет. Мне пошло на пользу участие в хоре. То, о чем говорила Елена Александровна, я пережил и на себе, может быть не в таком масштабе, но когда ты поешь вместе со всеми, когда ты руководишь этим хором, появляется какое-то чувство единства.

А.П. Мишле

Бессовестно отодвигать, потому что сознание, как знание себя, и сопереживание, как возможность проникать в себя и в пространство другого в момент эмоционального состояния, я бы не стал сейчас разводить или сливать, в этом наверное суть, думаю, что другое надо подчеркнуть. Как раз разделить здесь бы хотелось, но я бы тут отметил, что сознание, бессознательное, подсознательное, надсознательное, как одна из областей мощнейших в области психологии и философии, являются тем мощным базовым миром, на котором все, что вы говорили, сегодня опиралось, опирается и будет всю жизнь всегда опираться. Это я к дополнению к нему. Не вникая в глубину каждого различия, что из них каждое из себя представляет, понимая, что эмоциональное проникает в наше дерево всего прошлого филогенеза, тут становится понятным почему они соединяются.

Б.М. Бим-Бад

К сожалению, это очень распространенная вещь. И поэтому наш пример важен, показателен. Мы все учимся. Вы думаете, я себя ставлю в позицию более высокую? Ничуть не бывало. Я грешен, я тоже плохо слышу других, не всегда понимаю, не всегда увязываю, иногда мне кажется, что я противоречу, на самом деле я вовсе не противоречу. Давайте учиться все вместе.

Но мне очень бы хотелось, друзья, чтобы мы не устраивали диалог глухих, чтобы не получалось так, что каждый как заклинание произносит символ своей веры, не очень заботясь о связывании того, о чем он говорит, с высказываниями окружающих людей. Каждый имеет право говорить именно так, как ему хочется и о чем ему хочется. Мне только бы хотелось подчеркнуть, что важно как-то соотноситься друг с другом.

Извините, всегда нужны оговорки. Потому что само по себе ничто неверно.

Само по себе ничто не хорошо и не плохо, а в исключительно только в сочетании с чем-то другим. Иначе у нас все будет как-то порознь, не будет совместного движения.

Мы должны постоянно помнить, что уж если мы сильно все огрубляем, говоря вообще, мы говорим совершеннейшую ложь к каждому конкретному случаю. Это неизбежный порок любых обобщений, а мы начали уж с очень широкого захвата нашей проблематики.

Б.А. Ланин

Я хотел бы дополнить, что в литературоведении существует целый ряд исследований, который подтверждает и ту и другую линию зачастую на материале одного и того же писателя, скажем, Диккенса, Золя, Гюго и т.д., т.е. можно проследить даже как писатель, исходя из своих знаний о жизни, сначала придержи-

ваются одной линии, причем очень жесткой и очень жесткой принадлежности.

Б.М. Бим-Бад

О могуществе, о величии человека, может быть?

Б.А. Ланин

Да. Скажем, Золя. А затем под влиянием каких-то исторических перемен им соответствующим образом пережитых и осмысленных свою точку зрения постепенно все же изменял.

Так что литературоведение и сама литература, мне кажется, является довольно удачным источником и для психологии, и для педагогики тоже потому, что вообще в литературе собраны очень ценные наблюдения, скажем, психолого-педагогического свойства. Мне кажется, что она является очень удачным источником. Вот что главное.

Б.М. Бим-Бад

Мы изначально договорились о том, что ведем не научные, а научно-художественные изыскания и привлекаем образный материал в не меньшей степени, чем понятийный. С этой точки зрения они для нас, как психологов, значительно шире, чем для философов культуры и антропологов. Но в той степени, в какой мы соприкасаемся с психологией, мы можем быть встанем на точку зрения Ланина, научная психология именно кончается там и начинается с собственной тайны человеческой души. И с этими глубочайшими тайнами имеет дело, как правило, искусство, а не наука. И мы вовсе не собираемся колоссальный опыт этих исследований оставлять в стороне из какого-то сциентистского пуризма, из какой-то чванливости. Я очень люблю науку, но я вижу ее границы.

Б.А. Ланин

Кроме того, были бы интересны те методы чисто социологические, о которых упоминала Наталия Павловна, перенести и на литературу, т.е. исследования достаточно большого количества образов, они могут проходить по социологическим методикам. Я уверен, что есть люди, которые этим и заняты.

Б.М. Бим-Бад

Я предлагаю составить хрестоматию "Писатели о детях" и вернуться к очень хорошей традиции – изучать эту проблематику. Ведь у нас был огромный пласт исследований: "Пушкин о детях", "Гоголь о детях", "Тургенев о детях" – дореволюционный знаменитый двухтомник.

Можно собрать удивительно серьезные и значимые вещи, как впрочем и работы этого труда. Сейчас начали возвращаться к этому после долгого перерыва. Я предлагаю сделать это составной частью нашего курса и подготовить соответствующее пособие для наших студентов, это существенно обогатит наше дело.

Т.А. Миледина

Была очень интересная мысль у Прохорова. Если мы берем самое поверхностное и даем его в прямо противоположном виде, он действительно становится противоположным. Ну, например, Волга впадает в Каспийское море, а противоположное этому – Волга не впадает в Каспийское море. Но чем более глубокую мысль мы высказываем, тем более интересна обратная мысль, и она не будет ложной.

Б.М. Бим-Бад

Очень может стать. Здесь возникают проблемы взаимодополняющие.

Т.А. Миледина

Он говорил: "Все люди злы", "Все люди не злы". Смотрите, какая здесь глубина.

С.В. Гальперин

Гёте говорил так: "Ложное в учении не поддается опровержению, потому что оно исходит из того, что ложь есть истина". То есть никаких больше оттенков нет. И самое интересное, что это подтверждается. Этот принцип был признан большинством участников конгресса. И после этого, если говорили не так, то они считались еретиками. То есть в данном случае прав Гёте. И Гёте не был

приверженцем ни одной системы и ему приписывают такую фразу: "Я не хочу быть дураком с помощью какой-либо системы".

Б.М. Бим-Бад

Я был уверен, что вы подтверждаете словами Гёте слова Владимира Сергеевича Соловьева, поскольку я не видел ничего, кроме подтверждения. И вдруг – прав Гёте, а не Соловьев.

С.В. Гальперин

С философской позиции так. Прав действительно Соловьев. Но жизнь говорит, что это действительно не поддается опровержению. Кто-то сказал, что в действительности новое пробивает дорогу сквозь старое не благодаря тому, что опровергает доказательства, а просто те люди, которые исповедовали старое учение, они стали пробивать новое.

Б.М. Бим-Бад

Если ложное учение не поддается опровержению, то не поддается опровержению только при одной точке зрения, если оно сплошь абсолютно ложное.

Мысль Соловьева, как и Гёте, в том, что нет ничего чистого – чисто ложного или чисто истинного. Поэтому, если вы хотите опровергнуть ложное учение, вы должны найти в нем намек на истину. Вы не должно подходить с позиций абсолютной ложности лжи.

С.В. Гальперин

Я хочу сказать, что когда мы не говорим о конкретных людях, о конкретных каких-то фактах, о конкретности истины, то он прав. В действительности получается так: кто уверен в своей правоте, тот спорит. Например, Бор спорил до конца жизни с Эйнштейном, до конца жизни они стояли на противоположных позициях. Бор говорил, что Эйнштейн – великий человек, но он одиночка, а есть вещи, которые можно понять только обсуждая сообща. Здесь выступает конвенциональность.

Б.М. Бим-Бад

Это очень спорный вопрос. Это так сразу не сказать. Если все истины относительны, конвенциональны, условны, если мы только договариваемся об истине, если нет ничего объективного, не зависящего от любого договора, то тогда нет ничего прочного в человеческой жизни. "Конечно же, какой я генерал?", – я цитирую Ф. Достоевского. И тогда конечно же и Бога нет и быть не может. Теперь, что значит относить. Примем ваш тезис.

С.В. Гальперин

Это не мой тезис, я его не придерживаюсь, этот тезис естественников, это тезис нашей науки физики.

Б.М. Бим-Бад

Хорошо, примем тезис, что истина относительна, пока эту сторону рассмотрим, а потом о конвенциональности скажем. Но ведь все относительно. Давайте встанем на их формальную точку зрения, результирующуюся якобы из наблюдений над историей науки, когда одна истина сменяется другой, когда для своего времени одно положение истинно, а другое перестает быть истиной и т.д. Но давайте встанем на формальную точку зрения, относительно чего? Если относительно только друг друга, то это смешно. Относительно чего?

С.В. Гальперин

Наука современная развивается еще от эпохи Возрождения, возьмем тезис... Так вот его тезис был такой: истина и полезность – суть одно и то же. Таким образом, физики ищут факты, т.е. они находят факты, если они не только объясняют эти факты, а пытаются их и предсказать, этого вполне достаточно для истинности. Истина еще и не полезна к тому же, т.е. прагматизм, или называйте как хотите.

Б.М. Бим-Бад

Но вы, Семен Вениаминович, скакнули чуть-чуть к вопросу о конвенциональности, а я предложил бы этапами двигаться. Сначала относительно истины. Я

спрашиваю, ставлю формальную точку зрения, относительно чего? И, задавая этот простой вопрос, я припираю сторонников этой идеи к стенке и заставляю признать, что относительно чего-то абсолютного, т.е. что-то может быть кусочком в качестве относительного чего-то более целостного, чего-то абсолютно. Вот особенно страшна эта философия в морали. Идея относительности нравственности, историчности нравственности доводится до гипертрофии вот как раз этим естественнонаучным поворотом мысли.

С.В. Гальперин

Можно я еще скажу? После того, как был произведен первый взрыв в Лос-Аламосе, Энрико Ферми, физик, сказал: "Какая прекрасная физика". Это вам ни о чем не говорит? Хотя при этом погибли, ясно, что начинается эра уничтожения, а какая прекрасная физика. Наука безнравственна.

Б.М. Бим-Бад

Если она дает такие взрывы, конечно она просто прекрасна, несомненно. Что же такое относительно? Что бы то ни было, может быть относительно только по отношению к большему чем она, в подавляющем числе случаев к абсолютному. Абсолютное не может существовать только как абсолютное, оно дробится, оно множится, оставаясь абсолютным. В морали это особенно часто видно.

Но смотрите, люди делают еще один ход... Мало того, что истина относительна, но она еще и существует в форме обговоренности, договорной. Вот мы условимся сегодня считать истиной, что лысый – это хорошо. А в другое время будет, что лысые недопустимы, с какой-то точки зрения, начнем носить напудренные парики.

Раз мы договорились, значит это и истина. Но на уровне моды может быть оно и так. Но насколько здесь более серьезный уровень, конечно же это противоречит в жизни другим фактам. Здесь люди договариваются о договоре, мне кажется, просто чтобы спокойно и легче жить.

Как понять характер человека? Как его причуды и капризы? Нет, как содержание его воли, как направленность его личности, как характер его целей, средств, которые он выбирает для их достижения. Меняются цели, меняется и характер. Характер подлжит развитию в ходе воспитания, и в результате волевой самостоятельно целенаправленной деятельности человека.

* * *

...защита этой самоценной жизни человека, тем более продвинут данный коллектив к совершенству, тем меньшая степень дикости сохранилась в нем и, разумеется, наоборот. Зависимость здесь обратно пропорциональная.

В проявлении этого понимания нравственной стоимости, т.е. ценности жизни человека, входит особенно забота, реальная, практическая, принятая в обычаях, в психологической атмосфере коллектива, в климате его нравов, в его сознании, пронизывающая образ его жизни взаимопомощь по поддержанию, сохранению и укреплению жизни друг друга.

Только такая психологическая атмосфера коллектива является действительно профилактикой зарождения или развития отклоняющегося, преступного поведения. Детский коллектив должен испытывать сильнейшее отвращение, к какому бы то ни было террору, господства сильного над слабым, вообще отвращение к праву силы и непрерывное стремление к силе права.

Дети должны четко и ясно знать, что сообщество любое, и их в частности, терпящее кулачное право, осуществляющее его, позволяющее его, есть коллектив зачумленный, тяжело больной, удаляющийся от совершенства в бесконечность. Самоценность человеческой жизни – категорический императив детского коллектива, и альтернативой ему выступает только самоуничтожение человеческого в составляющих этот коллектив людях.

С этим умонастроением детской группы целиком согласуется долг здорового

образа жизни, составляющий значительную часть нравственного климата коллективного существования, коллективной жизнедеятельности. Сюда же относится и тщательное слежение за тем, чтобы ни один член коллектива не становился средством для достижения чьих бы то ни было, а также и общих целей. Коллектив должен существовать для личности, и только поэтому, и только благодаря этому каждый растущий, пусть даже и маленький человек, вносит свой вклад в общее целое и коллективное. Это, в частности, означает тщательное отслеживание средств, которые применяет коллектив для достижения своих общих целей. Эти средства, методы, в частности, противодействие потенциальным или действительным насильникам внутри коллектива должны быть сами по себе одновременно и неукоснительно твердыми и глубоко человечными.

Конечно же, мерзость мира стойка, как въевшееся пятно. Не попирает ей означает смиряться с нею. Но дети должны знать, что все дело заключено именно в том, как бороться с мерзостью. Поэтому, само противодействие мерзости, во-круг и внутри коллектива, если она обнаруживается в нем, это противодействие обязано нести в себе предельную высшую общечеловеческую ценность, благоговение перед жизнью. Это значит, что борьба со злом должна быть лишена дикости и жестокости и не требовать жертв от борцов со злом, если понимать под жертвой существенный риск серьезных и неоправданных страданий. Спасение коллектива в его самоуправлении, в системе его культурного, хозяйственного, общественного, гуманного общежития. Только свободно, сознательно и самостоятельно выработанные правила самоуправления и общественной жизни коллектива, причем правила подлежащие постоянному совершенствованию, правила гибкие и, главное, глубоко справедливые по отношению к каждому члену коллектива могут спасти его от коллективного насилия и зла. В определенном смысле слова коллективу показано и здоровая, впрочем, не преувеличенная – это тоже опасно – доля бдительности, бдительности по отношению к бездушию, продажности, лягавости, эгоизма, глухо и слепонемоты, мертвости душевных проявлений.

Любому воспитателю, осмеливающемуся создавать детский коллектив и руководить им, следует помнить, что в его руках находится или пальма мира или нож братоубийства.

Искалеченные души существенно страшнее, чем искалеченные тела. И в детском коллективе страшна опасность палачества, равно как и склонности к самообману.

* * *

Уже в XVIII в. на Гельвеция нападают сторонники идеи врожденных различий между людьми. Интересны их аргументы в выпадах против Гельвеция. "Как бы Гельвеций не мудрствовал о врожденном равенстве человеческих дарований и способностей, но сие не разрушает очевидного различия между ими при равных обстоятельствах в воспитании", – значит в книжечке для масонов, изданной И. Новиковым в 1783 г. и представляющей собой перевод с немецкого и французского. Обратите внимание: "при равных обстоятельствах и равном воспитании". Но Гельвеций именно тем и велик, что показал невозможность, принципиальную несбыточность, нереализуемость, несуществование "равных обстоятельств и равного воспитания".

Сразу после этого утверждения, представляющего собой несправедливое обвинение Гельвеция, как мы видели, идет саморазоблачение, четкое обнаружение причин, по которым авторы этой книги не могут позволить себе согласиться с Гельвецием. Там значит: "Отчего же происходит врожденное, а не приобретенное сие различие? Не все люди един и тот же закон должны были одинаким образом исполнять. Человек получил такое количество врожденных сил духа, какое для его звания нужно было".

Вот оно в чем дело. Оказывается, человек обязан от рождения оставаться в том сословии и звании, в котором он родился. Человеку отпущено ровно столько способностей, сколько нужно ему для исполнения его социального назначения. Как говорится, комментарий излишен.

И те же авторы сожалеют, что "неизвестна нам загадка соединения души с телом. Может быть, могли бы мы многое чрез то растолковать и представить яснее причины различий человека". Но загадка соединения души с телом еще в XVII в. была на принципиальном теоретическом уровне раскрыта Спинозой. Дело же в том, что как открытие Гельвеция по понятным причинам и неудобно и нежелательно для людей, защищающих сословные привилегии, так и разгадки Спинозы не могли их устроить.

А разгадка эта заключалась в том, что человеческая душа вовсе никак и не соединена с телом, а что сама душа и есть особым образом наученное действовать активно, взаимодействовать с миром специфическое человеческое тело. Особым образом устроенное свободное человеческое тело. И многие выдающиеся научные достижения XIX в. и нашего веков показали это взаимообратимое единство, эту принципиальную тождественную сущность тела и души. Объяснив тем самым, почему душа кажется свободной, отделенной, воздействующей на тело и почему, с другой стороны, так сильно влияние состояния тела на душу. Эти открытия объяснили, почему тело бывает "немощно, а дух велик", и почему в здоровом теле может быть нездоровый дух и многие иные вековые тайны и загадки.

* * *

"Не нужно никогда льстить себя мыслью, что можно дать совершенно одинаковое воспитание, хотя бы и двум близнецам, во-первых, небольшое количество различных идей в комбинации с теми, которые уже есть у двух людей, производят различные способы видеть и рассуждать. Даже если допустить, что случай предоставит всегда одинаковые объекты двум людям, он не сможет предоставить им эти объекты в совершенно одинаковые моменты состояния их души, когда, следовательно, эти предметы произведут на них несколько различное впечатление. Так, в минуты спокойствия и отдыха души ясен и глубок след внимательного изучения объекта и, наоборот, в минуты тревоги и расстройства души тот же самый предмет произведет на нас совсем иное впечатление. Впечатления, которые производят на нас предметы и действия, зависят главным образом от момента, когда они взаимодействуют с нами. Разница в любви к детям, здоровье – все это действует по-разному, поэтому случайность имеет на наше воспитание неизбежное и значительное влияние. Совсем незначительные подчас случайности имеют большие и важные последствия". Это признание, как подчеркивал Гельвеций, неприятно нашему тщеславию, однако приходится смиряться с фактами.

* * *

Е.Ю. Кириллова

А я считаю, что если применять всю эту педагогику, то преступником подобного типа, т.е. убийцей, может быть далеко не каждый. Если взять статистику, то так трудно, подобных экспериментов не было. Но мне кажется, что это неоднозначно, не для любого, если даже использовать эту методику.

Б.М. Бим-Бад

Меня когда-то потрясла пьеса Юнеску о том, как один самоубийца приходит на сквер и заговаривает с первым попавшимся человеком, кто сидел на лавочке. Этот самоубийца, как потом выяснилось, хороший знаток человеческой природы. Он очень долго, на протяжении 2-х действий так раззадорил человека спокойного, уважаемого, человека уравновешенного, так умело вызвав в нем взрыв ненависти, что этот собеседник взял нож, который ему любезно вручил самоубийца, в подходящий момент, и вонзил этот нож в самоубийцу. Как выяс-

нилось, что это было то, что нужно самоубийце.

Юнеску показывает, что человек частенько не знает, как много в нем нечеловеческого.

И когда я смотрю на нашу публику, рвущуюся в универсам, дерущуюся за какую-то банку какого-то продукта, когда я вижу, что наша публика идет прямо-таки по головам, не замечая людей вокруг нее для того, чтобы пробиться к продукту, я все время вспоминаю Юнеску и думаю о том, какое самодовольство считать себя неспособным к убийству.

А знает ли человек себя в экстремальной ситуации? Не убежден. О том как себя ведет человек под пыткой, хорошо знают только палачи. Я бы не рекомендовал уж больно зазнаваться людям и забывать, что от тюрьмы и от сумы отказываться не стоит. Стало быть и от возможности преступления.

Кроме того, (это я говорю о взрослых) и прежде всего о респектабельных, респектабельных для себя и для окружающих.

Е.Ю. Кириллова

Но, все-таки, Борис Михайлович, от того, что они там в очереди творят черт что, могут друг друга побить, это еще не значит, что они способны на убийство, потому что, чтобы убить другого человека для этого нужно очень многое, и когда я говорила о том, что не из каждого можно воспитать убийцу, то я имела ввиду, что должна быть какая-то изначальная биологическая природная предрасположенность вот к этому дичайшему эгоцентризму, эгоизму, какая-то изначальная патологическая личность должна быть, природная, вот какие-то эти типы мы не знаем, не нащупываем.

Б.М. Бим-Бад

Кое-что знаем.

Е.Ю. Кириллова

Ну что мы знаем? Эгоизм или альтруизм, вот эти исходные два антипода человеческие, которые уже подмечены.

Б.М. Бим-Бад

Елена Юльевна, позвольте напомнить вам, что такие внимательные и наблюдательные люди человеческой природы, как Чарльз Диккенс, Максим Горький задавались совсем другим вопросом, не вашим, им абсолютно чужд был вопрос – почему люди убивают друг друга? И много ли надо, для того, чтобы люди убивали друг друга?

Этих исследователей человеческой природы волновал вопрос – каким образом люди не всегда убивают друг друга, как может быть так, что люди все-таки уживаются друг с другом?

Чарльз Диккенс начал глубочайшее исследование этого порядка еще с "Пиквинского клуба", у Горького есть совершенно гениальные рассказы на эту тему, не так давно воспроизведены в журнале "Огонёк".

Очень вам рекомендую обратиться к ним для того, чтобы не с такой уж абсолютной уверенностью заявлять, – чтобы человеку стать убийцей, нужно быть патологической личностью. Я очень сомневаюсь в этой точке зрения, продиктованной более, чем здравым смыслом и спокойным течением событий вашей собственной жизни.

Е.Ю. Кириллова

Ведь статистика преступления, она существует и вот что удивительно, какое бы общество ни было, вот оно было рабовладельческим, феодальным, капиталистическим и т.д., статистика преступлений, примерно одна и та же. Она почти не меняется на протяжении человеческой истории. Вот это и наводит на мысль, что есть какая-то в природе человека, родовом его становлении, есть какая-то патология изначальная, потому, что вот эта статистика преступности – это просто парадоксальный факт.

Б.М. Бим-Бад

Это странная точка зрения. Очень странная. Все зависит от того, что вы назы-

ваете преступностью. Мне думается, что гражданская война в любом обществе делает убийцами невероятные новые толпы.

Б.М. Бим-Бад

В нашей аксиоматике есть предположение о пропасти, отделяющей человека разумного от любого другого известного нам живого существа. В частности, от обезьян, на исследовании поведения которых Эфроимсон делает свои тонкие известные и глубокие экстраполяции в области человеческого бытия. От голубей, от крыс и мышей, от всякого рода пауков мы выдвигаем гипотезу, что человек качественно новое образование и абсолютно уникальное в известной нам части вселенной. Поэтому мы никак не можем из исследований Фабра в наблюдении его за насекомыми, из гениальных изысканий Лоренца (его исследование птиц) или отрывистых наблюдений Эфроимсона за поведением обезьян делать выводы, касающиеся человека.

Е.Ю. Кириллова

Это идет, предположим, не только от Эфроимсона. Здесь философия и Толстого. И не только от него. Если взять диалектику, поскольку мы считаем, что наша основная философия она все-таки диалектическая, то в этой диалектике, когда всегда есть антипод, человек и античеловек, вот так называемый преступник, он как бы античеловек. Вот, если взять, что человек – это альтруист, а античеловек – это гедуист? Будет ли эта модель диалектическая?

Б.М. Бим-Бад

Мне очень жаль, милые дамы, что вы не присутствовали на нашем специальном занятии целиком посвященном проблеме эгоизма. Вам бы тогда проще было с нами общаться. Мы специально изучали, в частности, теорию разумного эгоизма.

Е.Ю. Кириллова

Это для нас как бы единство противоположности.

Б.М. Бим-Бад

Здесь абсолютно очевидно, что эгоизм не зло само по себе, что есть эгоизм и эгоизм.

Е.Ю. Кириллова

Это ясно, но когда мы разводим и делаем вот такую модель, когда на этом континууме, на одном конце – идеальный человек, положим альтруист, а на другом – антипод, оно, конечно, умозрительно, потому что все человечество лежит на этом континууме или тяготении к этому полюсу и к другому полюсу.

Б.М. Бим-Бад

И с этой точки зрения эгоист совсем не антипод альтруиста, наоборот, мы подробно изучали такое явление, как альтруистический эгоизм.

С.В. Гальперин

Владимир Соловьев считает, что человек не может построить рай, нужно сделать все, чтобы он не сумел построить ад. То есть процессы и в природе, и в обществе, вот рост энтропии идет сам по себе, ничего не нужно, вмешиваться не надо, для того, чтобы направить в обратную сторону нужны усилия. Точно также, когда мы говорим о воспитании, о каких-то процессах, связанных со становлением человеческой личности, и вот к этой связи я хочу также вернуться. Вы стоите на позиции героя индийского фильма "Бродяга", там Джага выкрал ребенка...

Б.М. Бим-Бад

Ваш вопрос, я должен понимать, как вопрос или как утверждение?

С.В. Гальперин

Нет, я просто думаю, что получается так.

Б.М. Бим-Бад

Вы сказали, "что я стою на позиции," – эта фраза вопросительная или утвердительная?

С.В. Гальперин

Нет, фразу я не закончил. Он ему сказал (Джага), что ты будешь воровать, грабить и убивать, и он его воспитывал до юношеского возраста именно так. Он задался целью, потому что он был сыном прокурора, который судил его. И оказалось, что это не так.

Б.М. Бим-Бад

Так это вопрос или утверждение?

С.В. Гальперин

Это раздумье. Я просто его поставил в такой форме.

Б.М. Бим-Бад

Мне трудно понять. Семен Вениаминович сказал: "Вы стоите на позициях автора фильма". То есть могу ли я понять вас, как спрашивающего: "Не стоите ли вы на позиции, или согласны ли вы со мной?"

С.В. Гальперин

Вот из вашей фразы я понял, что вы стоите на позиции того, что можно из любого человека воспитать убийцу, преступника, правда, вы этого не закончили, потому что отвлеклись.

Е.Ю. Кириллова

Вот поэтому-то и возник спор, потому что вопрос был задан. Вы считаете, что из любого человека можно воспитать убийцу, ответ был – "да". Я позволила себе с этим не согласиться.

Б.М. Бим-Бад

Да, понятно. Но непонятно, правда, многое другое. Что вы имеете в виду, ссылаясь на Толстого Льва Николаевича, его философию. И я не совсем понял, причем тут Радж Капур в этом фильме?

С.В. Гальперин

Нет, это не Радж Капур, но там же решаются моральные проблемы. Сначала попытка доказать, что из любого человека можно воспитать преступника, поскольку прокурор в своей семье воспитывает по одному методу, другой – по другому и теоретически был поставлен один вопрос – можно ли воспитать из этого человека преступника? И он, действительно, начал воровать, но потом, когда он вернулся в нормальную жизнь, попал в культурное общество, полюбил, все это ушло, он стал хорошим человеком. Вероятность воспитания преступности увеличивается.

Б.М. Бим-Бад

Боюсь каждый из нас говорит о чем-то своем. И мне трудно уловить точку, в которой мы сходимся.

Н.П. Дмитракова

Когда начинался только курс Бориса Михайловича, то у меня был какой-то протест. С точки зрения сегодняшней нашей психологии, педагогики, какие мы знаем информации, а Борис Михайлович стоит на других позициях. Я даже не могу сформулировать, то ли больше философских то ли абстрагирующих от сегодняшней ситуации и от природы и от тех процессов, которые происходят. А он стоит как бы над субъективными объектами философии, а теперь я как-то привыкла к такой манере, с какой позиции подходит Борис Михайлович, я теперь понимаю. И хочу возразить вашему утверждению, что убийство бывает оправданным. Я стою на такой точке зрения, что любое убийство оно не оправданно, я считаю, что это патология. Вот я вспомнила, что профессор медицины ведет своих студентов в дом, где помещены инвалиды от рождения, т.е. патологические больные. И один студент говорит, зачем содержать таких инвалидов, на них нужны и средства, и много персонала, их нужно умертвлять при рождении, тогда профессор ему говорит, что хорошо, я согласен с вами. Вы правы, но я даю вам это право, вы убейте этих инвалидов. Сможете убить этого человека? Это даже невозможно представить. Вот, например, когда я с детьми работала в колхозе на поле, ребята работали лопатами или тяпками, один из подростков берет и поднимает тяпку на девочку и останавливает ее около плеча и головы,

мне даже страшно сделалось. Как можно замахнуться тяткой или деревянный игрушечный пистолет на человека наставить. Я даже не могу понять откуда может родиться такая потребность у ребенка.

Б.М. Бим-Бад

Вот мы и пытаемся это понять. Для меня только совершеннейшая новость, что я пытаюсь понять эти вопросы в отрыве от всего...

В.Г. Соловьева

Даже в наши дни в Ленинграде убили женщину в комнате капитана милиции. У нее остался ребенок, ей нанесли больше десяти ножевых ран. Кто нанес? Один из ее воспитанников. Его судить не могут, потому что он подросток.

В.М. Гайнулина

Мы же ведь говорим об убийстве. Мы же сами жуткие убийцы, мы же убиваем домашних животных, овощ, утку, гуся, курицу. Наверное от того, что мы все равно убийцы, и восходит эта линия, когда мы говорим – жизнь священна, это прелестно, но так нереалистично. Потому, как можно рвать цветы, ставить в вазу.

Е.Ю. Кириллова

Да, и потом, возвращать этих животных, чтобы их потом убить. Какая жизнь у этих животных, чтобы быть убитыми, их растят и холят.

В.М. Гайнулина

Это какая-то странная несообразность между и между.

Б.М. Бим-Бад

Мотивы убийства, этот клубок, конечно, нам на одном занятии не распутать, ясно совершенно, что человечество движется, в какой-то своей части к решению этих проблем. Одним из шагов к направлению или отказу какого то ни было убийства – это вегетарианство, положим, но и оно, в какой-то степени убийство. Однако, интуитивно абсолютно ясно, что есть все-таки демаркационная линия между неким обменом веществ в природе, являющимся следствием устройства природы, когда любое живое вещество может продолжить свою жизнь за счет другого, живого существа. Есть демаркационная линия между устройством мира и его системой как такой, основанной на убийстве, в конечном счете и поведении человека в сообществе, равном себе. Я вам предлагаю приглядеться к очень интересным наблюдениям Платона, не потому, что я хочу прятаться за спину высокого авторитета, а просто потому, что это наблюдение очень интересно и глубоко, на мой взгляд и вкус, а просто принадлежит оно Платону. Случайно, закономерно, с течением обстоятельств. "Человек, конечно, богоподобное существо, – писал он, – если он достаточно хорошо воспитан, если же он воспитан недостаточно, воспитан дурно, то человек становится самым страшным и диким существом, какое только порождает земля".

Здесь очень ярко отличие между человеком разумным и человеком неразумным, т.е. человеком, которого нельзя сравнить ни с животным, ни с растением, который представляет особый класс, живых существ, порождаемых землей, это не человек в собственном смысле слова.

Е.Ю. Кириллова

Не получается ли вот эта диалектика: человек, воспитанный, он и есть собственно человек, а этот невоспитанный – античеловек.

Б.М. Бим-Бад

Да, конечно так. Вот мы и обсуждаем, верный, проверенный тысячелетиями способ, возвращения вот этого типа живых существ, который нельзя сравнить с человеком, и нельзя сравнить с животным, это особый тип существ, нечто среднее и очень дикое и страшное. Вот с этой точки зрения.

Е.Ю. Кириллова

Разве у человека не может быть патологии, у человека как родового существа. Может быть патология. Она и есть родовая.

Б.М. Бим-Бад

Давайте разберемся с вами. Логической связи нет, между наличием патологии и его биологической предрасположенностью к патологии, если, я не осмеливаюсь выставлять свои наблюдения в качестве аргумента, я ссылаюсь уже на проведенные исследования.

Когда Ломброзо, автор многих работ гениальности преступлений и измерений черепа, приехал к Л.Н. Толстому, тот в своем дневнике пишет: "Большого идиота я не встречал в жизни". Я опираюсь на авторитет Толстого больше, чем Ломброзо... И вот почему. Нет логической связи между утверждением о том, что человек стал недочеловеком, и утверждением о том, что он не мог не стать недочеловеком. Здесь логический прыжок. Это прекрасно понимали такие люди, как Леонид Андреев. Когда он описывает убийцу приятеля своей жены на почве ревности, то его герой решает мучительный вопрос – сошел ли я с ума, потому что я убил, или же я убил, а потом сошел с ума или я был изначально сумасшедшим.

В рассуждениях типа: о том, как причина и следствие связаны между собой, биологическая структура формировочная и ее поведение есть логически порочный круг, разобраться в котором можно исключительно только с помощью заинтересованного в исследовании.

Е.Ю. Кириллова

Помните, я приводила пример, что такая болезнь, как шизофрения, и то что мы называем патологией, вообще все психические заболевания, свойственны человеку на протяжении всей его истории. Когда стали исследовать в последние годы, уже в XX веке, то выяснилось, что, например, шизофрения связана с избытком наследственного обмена какого-то белка. Если этот белок влияет на поведение, то можно сделать вывод о том, что белок из начальной его биологической природы, – это от природы данное к определенному роду поведения, к определенной психике, к определенному складу. И это позволяет предположить, что это природное тяготение к какому-то типу поведения при условии того, что общество еще не научилось строить свое воспитание так, чтобы привести к какой-то цели человека. Обычно это идет процесс или самовоспитания, или стихийное воспитание, в результате которого биологическая природа все же берет свое.

Еще весьма обстоятельно не исследован вопрос по поводу вот этой биологической изначальной природы, предрасположенности к изначальное типу поведения. То почему бы не предположить логически, что у человека, как родового существа есть уже какие-то типы, есть какая-то типология, изначально биологически данные для определенного склада поведения. Этот тип уже определился, т.е. мы можем вычлениить какие-то человеческие типы.

Б.М. Бим-Бад

Елена Юрьевна, это очень важно, что вы снова и снова поднимаете этот вопрос. Это коренной вопрос. Мы много о нем говорили в прошлый, позапрошлый раз и до вашего появления в нашей группе тоже, но я все равно рад, что вы к нему возвращаетесь, и я сейчас попробую вам ответить, но сначала давайте попросим Наталью Павловну сказать, потому что я чувствую, что человек рвется.

Н.П. Дмитракова

Ну, во-первых, вообще есть нездоровые люди, шизофреники, и тогда это патологическое удовольствие к трупам. Но это же не значит, что в фюрерской армии все люди были такими, а также в лагеря с патологическими людьми, что отбор что ли такой был таких людей, способных наслаждаться трупами, пытками? Вот, мне кажется, что это происходит от привыкания к убийству. Я слушала выступление одного дипломата, который жил несколько лет в Штатах, в посольстве не хватало квартир, и он жил в обыкновенном американском доме с американскими семьями. У него был маленький ребенок, который родился в Штатах и играл на соседней площадке с одним мальчиком из американской семьи.

Они росли вместе. Как-то малыши (им было около четырех лет) повздорили, и вот наш герой вдруг говорит отцу: "Папа, а давай убьем Кинга". Отец от этого был в шоке. Каким образом, у 3–5-летнего ребенка могла возникнуть такая мысль? И потом он выяснил, оказывается, в доме американцев целый день был включен телевизор, а по телевизору показывают убийства, причем, анатомию самого убийства, как пуля входит в человеческий мозг, как она его разрушает, как течет кровь. Понимаете, происходит вот это привыкание, что можно убить и если это видишь целый день, то человек становится совершенно равнодушным к этому.

Е.Ю. Кириллова

Я ничего не хочу возразить. Я просто стою на позиции того, что в природе человеческой есть уже какие-то биологические типы, медицина объясняет все патологии у людей психически больных, вот эту секс-патологию, садизм, это тоже отклонение от нормы, и это все, тем не менее, имеет свою биологическую основу.

Б.М. Бим-Бад

Спасибо. Ваша позиция совершенно ясна. Она особенно интересна и характерна потому, что она достаточно упорна в вас. Мы кажется при вас говорили об относительности этого понятия, о невозможности пользоваться им, как эталоном. Во всяком случае в нашей системе аксиом, это очень важно, что вы так на смерть стоите на этой своей позиции. Она очень важна. С вашего позволения я потом даже построю некоторые гипотезы, почему она так важна многим и многим людям.

Но и этого мало. Я совершенно согласен с Еленой Юрьевной, – для настоящего преступника много надо, чтобы стать нечеловеком, нелюдью, для этого нужно страшно много.

Е.Ю. Кириллова

Не просто много, а просто предрасположенность какая-то, вот я на чем стою изначально, как на аксиоме, здесь должна быть биологическая, природная предрасположенность.

Б.М. Бим-Бад

Или относительно логики. Когда вы, Елена Юрьевна, спрашиваете – разве не логично предположить, что здесь предрасположенность потому, что шизофрения передается по наследству, я отвечаю – нет, не логично это. Вот почему. С моей точки зрения, все вы прекрасно знаете, что биохимический состав психики вещь не просто важная, но и в огромной степени определяющая, уникальная от особенности человеческого тела, от его устройства в частности и от биохимии центральной нервной системы. Мы это принимаем во внимание настолько, что готовы даже провести следующие эксперименты. Например, положим, все сейчас напьемся водки. Каждый из нас опьянеет, но каждый, изменив свое поведение в состоянии опьянения, будет вести себя совершенно по-разному. Мы предполагаем, с помощью подобного рода мысли, что чисто психическое изменение может быть почти одинаково у каждого из нас, самым сложным образом взаимодействуя с содержанием нашей психики.

Мы предполагаем так на основе огромного количества наблюдений над самыми разными людьми, что человеческая психика невероятно пластична, что в рамках одного и того же биохимического состава, мы сталкиваемся с огромным разбросом бактериологических и других параметров личности, воспитанной в самых разных условиях. Человек фатально подвержен воздействию окружающей среды. Напротив, мы говорим о многогранном посредстве и невероятно сложном взаимодействии чисто биологических и чисто социальных факторов. У нас вообще нет ничего чистого в нашем рассмотрении. Мы постоянно купаемся в грязи, мы постоянно в ней копошимся, потому что мир для нас постоянно смешанный и постоянно нечистый. Мы видим только, что в условиях не крайних, ну предположим, когда человек рождается не со слишком маленькой головой по

сравнению с общим объемом тела и, предположим, когда он рождается не с четкой патологией нервной системы, тут казалось, что ничего сделать нельзя, а в других, менее трагических случаях диапазон взаимодействия с человеком настолько широк, что вполне можно заподозрить, что для того, что бы стать преступником, необязательно иметь тяжелую наследственность, положим шизофрению.

И наконец, нам слишком хорошо известно, как быстро, как прочно формируются в ребенке постановки восприятия и все то, что ложится в основу будущих восприятий, т.е. как рано заложенное в человеке с тратой в последующем. Это объясняет чрезвычайно многое в человеке.

Возьмемте одного из моих воспитанников, изменив имя, положим, Васю. Он попал ко мне в возрасте глубокой-глубокой старости, когда ему было примерно 2,5 года. Это возраст такой закоренелости, когда уже о воспитании речи быть не может. Речь может быть только о перевоспитании, при всех обстоятельствах, поэтому я его называю не своим воспитанником, а перовоспитанником. Он пришел ко мне с ярко выраженными садистическими чертами и, когда я, чтобы поставить диагноз, чтобы понять как с ним быть дальше, попытался проследить истоки, положим, типа: "А я тебя выброшу в окошко. А я тебя растопчу", – или какой-нибудь старушке, которая подходила к нему близко: "Уходи бабка", – и т.д. У меня есть специальный трактат наблюдений за ним. То есть я не мог обойти вниманием двух факторов. Во-первых, абсолютного здоровья психического и соматического всех его родственников и предков. Мне хорошо была известна его семья, из которой он пришел. Во-вторых, я не мог не обратить внимание, на влияние с самого рождения на Васю, погибшей в автомобильной катастрофе его бабушки. По сути дела, из-за ее гибели, он и стал моим воспитанником, поскольку некому было больше с ним сидеть.

Я хорошо знал эту женщину. Я знал ее воспитательные установки. Я знал суровость, с которой столкнулся этот новорожденный, новый жилец земли, с момента своего появления не свет, когда его не просто приучали к холодной воде, к плаванию, там, не знаю, каким-то подвигам, немислимим, физическим, но и еще заставляли сталкиваться с нарочитыми способами закаливать волю, (например, я пользуюсь терминологией бабушки и мамы), его учили терпеть, когда он долго лежит мокрый, не обращали внимание на его крик, наконец, вот в рамках этого второго фактора, мне не могло не броситься в глаза, содержание его раннего чтения. Ребенка решили очень рано развивать. (Это обычная страсть современных родителей.) Очень рано, в два года он уже был старик глубокий, нет, ему в колыбели читали стихи, где-то к 4–6 месяцам, он уже прослушал колоссальное количество русских стихов. Но, когда он научился их воспринимать, подавляющее большинство из этого читива, было произведения Корнея Ивановича Чуковского, и я не мог не обратить на это внимания, где мухавчикатуха попадает в зависимость от паука, и потом этот паук был уничтожен комариком, где огромное количество убийств, где до окончания стихотворной темы, как минимум там 10–15 трупов людей.

Когда все это пришлось взять во внимание, то мне удалось построить систему отношений с Васей, которой, судя по дневникам, каким-то образом смогли это изжить, но очень нескоро, чрезвычайно нескоро, поскольку к 2,5 годам установка на восприятие мира, конечно же, закрепляется чрезвычайно, при всех обстоятельствах.

Видите ли, для того, чтобы сформировалось понятие у ребенка, ему не нужно увидеть 20 кошек, вычленив нечто среднее между ними, а потом отличить от собаки. Представление о формировании понятий, у наших психологов – Менчинской, Богоявленского и очень многих других, абсолютно фантастичные и не имеет с реальностью ничего даже отдаленного.

На самом деле, чтобы сформировалось понятие, достаточно одного предъявления, гештальтисты понимают как (?) понятие. Вы понимаете в чем дело?

Когда мы говорим о биологической предрасположенности человека к убийству...

Е.Ю. Кириллова

Я же не говорю о предрасположенности человека к убийству.

Б.М. Бим-Бад

Елена Юрьевна, вы говорили о предрасположенности к любому типу поведения.

Е.Ю. Кириллова

Я же говорю к любому типу поведения, имея в виду типологическую биологию вначале. Это уникальная биологическая природа, она уникальна у каждого, но дело в том, что если какой-то научный подход существует, нужно сделать какую-то типологию, хотя она будет трудной к произношению, но так строится наука, она создает какую-то идеальную модель. Я только об этом хочу сказать, а не какое-то толкование о том, что преступник биологически расположен к преступности.

Б.М. Бим-Бад

Елена Юрьевна, огромное количество людей мыслят решительно как вы. Одни прибегают к авторитету науки, к ее научной типологии. Здесь ведь спорный вопрос. Моя гипотеза, с вашего позволения, разум обслуживает страсть. Это я хочу подчеркнуть, почему вы так страстны и на электризованы.

Е.Ю. Кириллова

Я не наэлектризована, я просто стою на своем.

Б.М. Бим-Бад

Елена Юрьевна, вы совершенно не даете нам работать. Ваше поведение просто хулиганское. Нам надо закончить мысль, ради которой мы все собрались здесь.

Я хотел бы сказать, что есть люди, для которых бесконечно важна эта биологическая идея. Наверное основанием для такой глубокой страсти есть очень много вещей, но некоторые предположительно главные.

Первое, все-таки модель мира должна быть упрощенна, основывающаяся на какой-нибудь одной идее, ну например, идее биологической жизни.

Например, идеи биологической детерминации. Она настолько удобна, нам столько объясняет в окружающем мире, позволяет легко ориентироваться, очень многое объясняет человеку и благодарность человека за такое мировоззрение настолько велико, что подвергнуть ее сомнению, а тем более расстаться с ней, человеку иногда невероятно больно, мучительно, а иногда и невозможно. Ведь в некоторых случаях, столкновение с другими мировоззрениями это ведь угроза всему на чем строится мое отношение ю миру. Мировоззрение – вещь не менее важная, чем хлеб и крыша, и человек дерется за свое мировоззрение насмерть, а иногда и не останавливается и перед убийством или, по крайней мере, перед таким пустяком, как хулиганство.

Что же касается других причин, то ведь вот как: взгляд на мир, определенный биологически, позволяет мне не очень напрягаться в качестве воспитателя, не так ли? Ну, воспитанием что-то можно изменить, но в основном, все предопределено. И это тоже избавляет меня от усилий, от мучительных нагрузок. Что мне остается, как ученому или разумному человеку вообще, не обязательно ученому. Это классифицировать мир и действовать с моей классификацией, это очень удобно и очень просто. А мы знаем из Достоевского хотя бы, что человек не станет жить, просто жить не станет, если он не понимает мира, в котором он живет. Помните? Вот, если человек всего этого не имеет, то пусть вокруг все будут хлебы, но все равно жить нельзя.

Вот почему так глубоки эти вещи. И здесь никакие доказательства не помогут, никакая логика, никакие обоснования, в тот момент, когда человек начинает говорить страсти, логика отступает на задний план. Она слишком хрупка по сравнению с человеческим желанием. Это только предположение. Я вовсе не хочу

сказать, что эти предположения распространяются на ваш случай, вполне может быть, что здесь совсем другое.

Е.Ю. Кириллова

Когда воспитатель вооружен таким представлением, что каждый человек имеет свою природу изначально биологическую и по этой природе он может тяготеть к каким-то биологическим типам, он просто должен это знать, осуществлять правильную стратегию воспитания, учитывать, потому что воспитание – это колоссальный труд и чтобы осуществлять вот эту стратегию во имя какой-то цели он должен быть вооружен знанием человеческой природы. И только для этого он должен знать отправную точку. Потому, что если он стихийно тяготеет, и не вооружен каким-либо знанием о воспитаннике, и вообще о человеке, тогда, конечно, он будет проявлять только страсть и движим будет только страстями, но если он будет вооружен еще и знаниями, это может ему порочь.

Б.М. Бим-Бад

Понятно, Елена Юрьевна, вы три раза повторили эту мысль, она ясна и с вами, по-моему, нельзя не согласиться. Конечно же, но мы именно так и поступаем. Мы с самого начала говорили о том, что ребенок, родившийся очень красивым, или наоборот, очень некрасивым, или с каким-то другим физическим недостатком, уже одним только этим, заставляет воспитателя совершенно по особому его воспитывать.

Конечно, мы говорили и о том, что при всем нашем невежестве, общечеловеческом невежестве, в особенностях человека, при всем при том, существа, вышедшего из рук природы, попавшего к нам как воспитатель, нуждается в обязательном учете своих особенностей настолько, насколько наше невежество нам позволяет, но мера нашего невежества бесконечна. И с этой точки зрения мы можем опираться на то, что исключительно в наших силах, не давая себе возможность поддаться мифотворчеству. В частности мы должны опираться на педагогические цели, хотя они только еще будут нами изучаться дальше.

Инициатива принадлежит то мне, то среде, то нам обоим. Мы оба активны!!!

Только не загасить активность, только не пустить в основу программы, дать худшее исторически накопленного раньше хорошего! Помнить об апперцепции. Но дать все, решительно все. Без утайки! Страшно сокрытие чего бы то ни было, не уберечь от правды, а научить сопротивляться дурному. Крупская требовала водить детей-школьников в суды, чтобы они встречались с противоречиями и всякими ужасами жизни, учились ненавидеть без озлобленности, но и без всепрощения, учились опасностям, учились их предотвращению. Учить достоинству человечества в «своем» лице, учить долгу, учить наслаждению от исполнения долга, учить радоваться, учить наслаждаться от принесения радости. Взаимопомощь как фактор эволюции, как фактор прогресса – главного нравственного прогресса.

Опасности для судьбы человека красоты и уродства. Мы говорили сегодня в связи с историей детства Иосифа Виссарионовича Сталина, о таких вещах, как физический недостаток, менее ярко выраженный, но тем не менее биологически детерминированный (высохшая рука, рябое лицо, рост человека). Мы ни капельки не собираемся сбрасывать со счетов того, что обществом не предопределено, не детерминировано непосредственно или же детерминировано все-таки, но с огромным количеством опосредствований.

Первые телесные контакты новорожденного ребенка с матерью, степень, положим, телесно-теплой депривации ребенка в противовес, наоборот, о чем мы говорили в прошлый раз, тому обстоятельству, что, положим, японская женщина и другие восточные женщины носят ребенка за спиной, а не возят его в коляске, или как африканские женщины.

Помните, мы припоминали высказывания Канта о том, что человек до тех пор не узнает своих реальных возможностей, пока его будет воспитывать человек. Если бы нас воспитывало бы существо какого-то высшего порядка, например, инопланетянин или Господь Бог, то тогда бы мы смогли сказать на что человек годен и способен. Пока роль димиолога и сверхестественного существа выполняет человеческая история. Выполняет чрезвычайно некачественно жестоко, мучительно медленно. Но все-таки если мы предположим, что человеческие качества могут аккумулироваться, накапливаться, обогащаться, расти и созревать, то в таком случае мы разделим хотя бы отчасти идею прогресса и припишем истории роль этого, димиолога. Это очень эвристично и к этому нужно возвращаться неоднократно, по моему глубочайшему убеждению. Уж если мы затрагиваем проблематику социального и культурного, то мы не можем не затронуть проблематику историческую, поскольку и то и другое реально существует только в процессе.

Так вот, попробуем все-таки предельно бесстрастно присмотреться к истории, неужели при этом условии мы не обнаружим воспроизводимости всего, что она же творит? Неужели мы не увидим, что каждое действие, каждый взмах ресниц, каждое слово, каждый жест, каждый поступок и разумеется такие вещи, как убийство или выражаясь терминами одного из мечтателей, который подал эту мысль (неважно) – «изживание в себе Вселенского зла», изживание навсегда. Неужели мы не увидим в этом залога воспроизведения в простой песенке, в обычном шлягере, ну как в простом часто скрывается великое, говорят, что нет такого глупца, который бы, хотя бы раз в жизни сказал что-то такое замечательное, умное, как и наоборот – мудрены часто говорят невероятную чушь. Так вот, «на всякого мудреца довольно простоты». Так вот, в простенькой неприязнительной песенке, однажды, по-моему, была выговорена великая истина, я часто к ней приглядывался: «ничто на земле не проходит бесследно». И я, как профессиональный историк, знал это до того, как услышал песню: все, что происходит в истории, воспроизводит себя и именно это обстоятельство делает историю такой медленной, такой противоречивой и такой повторяющейся.

И если Эклексиаст мог воскликнуть: кто прожил одну жизнь, тот прожил все жизни, знает все, что было до него, и все, что будет после него. Он мог так сказать только потому, что история повторяется.

История никогда, не повторяется и постоянно одна и та же, потому, что она воспроизводит себя. И мы найдем тому доказательств буквально тысячи. Вы говорите Гитлер, как возможность изжить зло, но, во-первых, зло не изжито, мы с этого начали сегодняшнее обсуждение. Есть огромное количество прямых последователей Гитлера, молящихся на его портрет, коленопреклоняющихся перед его словами, Гитлер духовно совсем не мертвец, он ничего не изжил, он не кончился, он воспроизводит себя каждый день и час.

Во-вторых, мы видим, что есть огромное количество людей, чрезвычайно похожих по идеологии гитлеризму, Гитлер просто как символ, правда, идя к Гитлеру методом наших исторических аналогий, от сегодняшних костров, которые делают из людей, из живых, не убитых людей и заставляют их опять прыгать в огонь и не позволяют им уйти из огня, пока они не умрут, не сгорят заживо, сейчас на улицах наших городов в сегодняшней нашей стране.

Н.П.

Вот у меня в лаборатории, которая раньше называлась по предупреждению преступности, там в основном работают люди бывшие военные, из МВД; вот у них сталинская закалка, сталинские понятия.

Вот они сталинский режим защищают рьяно. Несмотря на то, что сейчас в литературе, в газетах, в периодике, много уже пишется, настолько много разоблачительных разных статей, новое мировоззрение какое-то развивается, новое

понимание нашего сегодняшнего положения, они все равно выбирают то, что им приятно видеть и слышать во всем том, что сегодня пишется везде. Вот здесь они слепы и глухи, они не видят абсолютно того, что делается, и не хотят видеть.

С места: Политическая поляризация.

Меня это просто поражает. Я им говорю: везде же пишут, а они: «Откуда вы это взяли? Ну, как вы можете так думать?» Постоянно вот такие возгласы.

Б.М.

Если бы геометрические теоремы задевали интересы людей, они давным-давно были бы опровергнуты, во всяком случае, частью людей. Это известно.

Ваши рассуждения, мне кажется, на тему: что первично – страсть или разум? Конечно, страсть. Если она диктует чувства (опять из Пастернака), то тогда разум ей будет служить постоянно.

Заметьте себе, я прожил, единственную, быть может свою жизнь и вдруг я не верю в перевоплощение, во второе и третье рождение и вдруг я считаю, что я проживаю одну, единственную жизнь, и я прожил ее со всеми ее драмами, наслаждениями, с любовью, с молодостью, с надеждами, в эпоху, в которую всякие там Натальи Павловны и прочие «жулики» называют эпохой сталинизма, эпохой ошибочной – это что, перечеркивать всю свою жизнь? Обесценивать ее? Что же я жил, ничего не зная, ничего не понимая, видя вокруг что происходит и не имея об этом ни малейшего представления, значит я был дурак? Ведь ясно же, что документы, которые хотят меня уверить, что я дурак, поддельны, я никогда не поверю ни одному документу, ни за что, да хоть вы мне приведите миллион свидетелей, если они меня будут уверять, что моя жизнь ничего не стоит, что я во всем ошибался, что я любил изверга, и что я плакал, рыдал, страдал, когда он умер и что испытывал чувство сиротства и когда мне начнут доказывать, да я слушать их не стану, они враги народа, они кровопийцы, они защитники всякого рода никому не нужных людей и я никогда с этим не смирюсь.

Человеческие страсти. Дорогие мои, если мы хотим понять человека, мы, прежде всего, должны изучить его страсти, а страсть не что иное, как ощущение своего бытия и все связанное с защитой этого бытия.

* * *

Чтобы становиться другим, новым, т.е. чтобы развиваться (а человек не может стоять на месте, если он не движется вперед, он катится назад), нельзя останавливаться только на уже знакомом, известном, привычном, надобно заниматься чужим, далеким, неизвестным. Преодолеть даль и значит вернуться к себе, к потерявшему себя, прежнему и нашедшему себя нового, истинного, т.е. все более приближающегося к истине.

* * *

Предложите ученикам самим ставить себе оценки, не отметки, а именно оценки, воспитывать в себе справедливость. Вносить свой вклад в изучение нового материала. Задавать много вопросов, быть любознательными, т.е. позволять себя учить.

Хорошо, когда дети сами вырабатывают требования к справедливости, в частности, в отношениях друг с другом в своей собственной среде. Важно, чтобы они поняли – это необходимо для защиты любого слабого, и для противодействия дурным безнравственным людям, для отпора им. Научитесь быть великодушными, не быть жестокими, покажите красоту терпимости и доброжелательности. Научитесь, наконец, украшать жизнь друг друга и стремиться к этому по возможности.

Психологи, например, В.П. Зинченко и другие, показывают, что уже сейчас тео-

ретические модели в некоторых профессиях стали практически единственной формой трудовой деятельности, а конкретные исследования показывают, что в таких случаях происходит нередко дереализация действительности. В основе этого грустного явления лежит сенсорный голод, недостаток чувственно-деятельной стороны профессии, а это отрицательно сказывается на процессах мышления.

* * *

Крупская неоднократно говорила о фундаментальной трудности школы, связанной с различиями, индивидуальными различиями детей в пределах одного и того же возраста. Она справедливо видела причины этих различий и в природных особенностях, и в социальных условиях жизни детей. Это различие в состоянии здоровья, в особенностях восприятия, в типах памяти, в общем интеллектуальном развитии. Ведь дети развиваются разными темпами, а в школе, в классах устанавливается весьма приблизительный, какой-то средний темп работы. Способных детей он тяготит потому, что заставляет их скучать и бездельничать, а менее развитых еще заставляет через чур напрягать силы, и, не овладев достаточно одним, перескакивать к другому.

Кроме того у разных детей в одном и том же возрасте бывают разные интересы. И правильно, индивидуальный подход к ребенку невозможен, если не знать его интересов и стремлений. И еще, Крупская учила нас понимать, что всякий плохо ведущий себя ребенок, в определенном смысле ребенок несчастливый. Есть затравленные, озлобленные, замученные и больные дети, указывала она, и к ним нужно особо чуткое, умелое отношение, способное заслужить их доверие и повести за собой. И это положение Крупской для нас чрезвычайно важно и неустарело сегодня.

* * *

Школа учебы книжной, школа зубрежки и муштры никогда не позволяет детям получить того развития, которое они могли бы получить в принципе. Эта школа ведет к тому, что человечество теряет целые поколения и их потенциальные возможности, дети не могут развиваться в такой школе потому, что боятся не смочь. Они не могут потому, что им скучно и непонятно, зачем надобно знать то, чему их учат. Они не могут потому, что стесняются. Они боятся разочаровать или разгневать многих взрослых, которые наблюдают за их усилиями выучить те вещи, которые заставляют их учить. Они не знают, каково отношение того, что им надо знать к тому миру, в котором они живут, к тому миру, который, по сути дела, и возвращает их сознание. Школа вызывает страх у детей, школа предъявляет невозможные требования к ним, такая школа дает скоропостижные знания, но недолгосрочные, мертворожденные. И школа не дает ответов на самые важные для детей вопросы.

В такой школе экзамены становятся бесчестнейшей проделкой на свете. Они предполагают натаскивание перед экзаменами, так называемое, повторение, т.е. по сути дела догматическое заучивание, вербальное заучивание того, что будут спрашивать, дрессировку. Самое удивительное, что учителя часто чувствуют досаду, или даже раздражение, когда школьники действительно хотят знать, а не просто запоминать факты и весь учебный материал, скучную информацию. Особенно ненавистны дети, которые хотят знать – почему они получают такую-то именно информацию, а не какую-то иную и именно так, а не по другому.

* * *

Идеал человека... Куда идти? К чему стремиться? Какого прекрасного человека мы хотели бы видеть в результате наших воспитательных усилий и его соб-

ственного роста, в результате общих наших с ним трудов по развитию и совершенствованию?

Много споров вызывает идеал всестороннего и гармонически развитого человека. Часто считается, что этот идеал не достижим, но весьма вероятно, что под всесторонним и гармоническим развитием личности здесь понимается способность человека знать все на свете и делать что угодно. С этой точки зрения этот идеал действительно не достижим, поскольку, как мы знаем, ни один человек не в состоянии достигнуть совершенства, хотя бы в силу краткости своего существования. Нам известно, что совершенство есть достояние рода человеческого в целом, да и то на всем протяжении его истории и при множестве исключений, неприятных и отрицательных вещей.

Но каким бы мы не представляли человека, в нем всегда будет присутствовать ум, нравственность, воля и физическая сторона, поскольку для нас, реалистически мыслящих людей духовное теснейшим образом связано с телесным. А если эти стороны человека, как бы тесно они не переплетались, все равно присутствуют в нем, то страшно важно, чтобы они были уравновешены, гармонизированы. Именно в этом смысле надо понимать разносторонность: наличие в человеке и ума, и нравственности, и физических, и волевых сил, а гармоническое развитие понимать как невыпяченность, отсутствие односторонности, флюса, как выражался Козьма Прутков, в развитии. То есть, чтобы не было умного, но безвольного человека, услужливого «нравственного» дурака, и не было бы во всех отношениях достойного человека, но настолько физически несовершенного, что он не в состоянии проявить свои достоинства и так далее.

Нам близок идеал целостного развития человека, а целостное развитие предполагает наличие всех важнейших сторон, всесторонность этого развития и его гармоничность, его неоднородность.

* * *

Телевизионные образовательные программы часто страдают существенным недостатком – они дают готовую информацию, разжевывают ее, стремятся сделать ее наиболее легкой, простой и доступной. Вместо того, чтобы задавать проблему, показывать противоречия и трудности в ее разрешении, обнажать нерешенные аспекты и все более расширяющуюся по мере познания область неизвестного; вместо того, чтобы отлаживать хорошую обратную связь со зрителем и слушателем образовательной программы. Существенно более эффективны те образовательные телевизионные передачи, в которых демонстрируется общение учителя с учащимися, показывается диалог, как бы приглашающий зрителей к участию в нем, в которых сняты реальные фрагменты реальных живых, диалогических уроков, занятий, экскурсий, живого познания.

* * *

В.А. Сухомлинский был совершенно прав, говоря о могучей власти коллектива и связанными с этой могучей властью опасностями. Чтобы не воспользоваться беззащитностью детства, воспитателю надобно воспитать жизнедеятельность детской группой, благоговением перед взаимопомощью, дальновидностью, духом сомнений и исканий, счастьем любить, мужеством самосотворения и сотрудничества, культурой умного дела, доброго дела, ненавистью к насилию, наслаждением мыслью, бережным отношением ко всему хорошему, что есть в человеческой жизни.

* * *

Любовь детей нельзя купить ничем. Положим, попустительством или восхвалением, или подарками. Нельзя. Безнравственность этой попытки будет немедленно наказана, ребенок сядет наголову и будет презирать такого воспитателя, станет гнусным деспотом.

Но любовь нельзя и вытребовать. Безнравственность этой попытки тоже будет горько наказана. Воспитатель надоеет своими вымогательствами, и его тоже будут презирать.

Любовь ребенка можно только заработать, заслужить, уважением к нему, признанием хорошего в нем, пониманием трудности его и иногда тактичной помощью в преодолении этих трудностей в решении его ребячьих проблем.

* * *

Здесь надобно обратить внимание на то, что приносит данному человеку удовольствие, что дает и вызывает боль; здесь нужно знать об особенностях любви и ненависти, симпатии и антипатии, аллергиях и склонностей, радости и печали, страха и надежды, зависти и восхищения и т.д. Огромное значение имеет чувство личного достоинства или индивидуального самосознания во взаимоотношениях и сложных противоречивых связях с другими чувствами и эмоциями человека.

В умеренных дозах человеку полезно учить понимать свои собственные сны, обычные сны, во время действительного сна. Но и свои мечтания в состоянии бодрствования, например, предчувствия, грезы и т.п.

Надо научить детей и разбираться в мимике и жестах, обычных для различных народов, например, итальянцев. Нужны начала физиономики и способность интерпретировать выражение лица. Надобно грамотное отношение к голосу и интонации другого человека. Все это важные средства эмпатии – способности вживаться в душевное состояние другого человека и по настоящему понимать его. Без эмпатии невозможно нормальное человеческое общение.

Все виды потребностей и интересов человека бесконечно важны для его становления и роста, но среди них особенно значимы для поведения, для направления, которое принимает это развитие прежде всего склонности, предрасположенности, т.е. желание отсутствующих объектов и страсти – желания, поглощающие все мысли и волю, подчиняющие их себе.

* * *

Пусть не все, но лучшие человеческие души, растущие, становящиеся и зрелые, согревает сознание, что человек есть продолжатель лучшего в культуре, хотя мог бы быть и продолжателем худшего. Отсюда ответственность человека.

* * *

Подлинное воспитание высокой нравственности, поэтому основано на поддержке чувства возвышенного. Самое главное – любовь к бескорыстию. Пробуждать нравственный образ мыслей, нравственное умонастроение, конечно же значит поощрять серьезное отношение к бескорыстию, к честному самопожертвованию, к человеколюбию, к подвигу.

Далее. Человека необходимо постепенно приучить к труду, к нравственному совершенствованию себя самого. Нравственный труд – один из самых серьезных, приносящий глубочайшее удовлетворение и даже счастье человеку. И ничто не имеет права избавить человека от этого труда.

Откуда возьмется любовь к нравственному труду к самосовершенствованию? Только из действования, из активности, из любви к труду, к преодолению препятствий, к трудностям. Как, например, из Николаса Николзби, о юноше, который презирал все легкое и простое – чудесный образ.

Но воспитание добра, как мы уже видели, есть одновременно и воспитание чувств, т.е. воспитание красоты. Эстетическое чутье дает человеку силу, глубину и возвышенность. Ребенок очень внушаем и этим качеством его мы обязаны пользоваться с великой осторожностью. Легко вызвать непосредственное отвращение и к хорошим вещам. С этой точки зрения чрезвычайно вредны какие

бы то ни было награды и наказания вообще, и в воспитании нравственном и в физическом в частности.

Воспитание чувств, конечно, предшествует формированию понятий или по меньшей мере сопутствует ему. Когда происходит наоборот – это очень вредно, бессмысленно, как минимум. Потому что понятие пустое, головное, умственное, не окрашенное эмоциями, не перешедшее в отношение, в ценность, в убеждение – это понятие поверхностное, нереальное, создающее только иллюзию образования.

Нам очень важно воспитать умение довольствоваться немногим в быту, но всегда жаждать бесконечно многого в области мысли и красоты, в области нравственности. Это и есть воспитание счастья или несчастья, если делается прямо противоположное. Несчастный человек, да еще и эгоист или глубоко убежденный в своей обделенности миром может быть социально вредным и опасным. Но и счастливый эгоист тоже не подарок для себя и для общества. Вот почему самое главное – это становление чувства достоинства, а отношение к счастью или к несчастью должно быть вот каким: как повезет, счастье или несчастье в огромной степени дело случая, а самое главное – это быть достойным счастья. Вот здесь то и входит в наше воспитание наука о жизни, дающая молодежи мировоззренческие установки, вкус к размышлениям о целях жизненного назначения человека, о достоинстве средств и способах укрепляться в своих силах, в вере в самого себя, в лучшее, что есть в жизни.

За что наш воспитуемый привыкает ценить людей, и что ему постепенно все больше нравится в себе (не надо бояться этого чувства – уметь нравиться себе, если только оно ни переходит в самолюбование, в томную негу, в самолюбленность, если оно естественно и нормально)? Это конечно прежде всего – нравственное мышление и глубоко осознанная нравственность; развитые чувства возвышенного и прекрасного; способность к творчеству; добрая, т.е. ко благу людей направленная, воля.

Пусть превыше всего ценит наш воспитуемый честность, добросовестность, бесстрашие и скромность. Пусть для него очень важна принципиальность мышления, направленного к добру, благородства, великодушия. Пусть он стремится к добровольному, сознательному творчеству. Вот именно, все сходится в творчестве и высоконравственное мышление, и добрая воля, и все все. Если только творчество нацелено на благо людей, на радость им.

Конечно, всему этому надо учить. Но что значит учить и научать такому мышлению, такому умонастроению, такой нравственности? Прежде всего, влиять собственным примером, собственным поведением. И второе, неразрывно связанное с первым – предоставлять ребенку простор для опыта, для экспериментирования, для практикования, упражнения и совершенствования собственного мышления и собственного поведения.

Вот почему так важна для растущего человека творчески насыщенная среда. Окружение, в котором люди заняты творчеством, нравственным поиском, делом добра. Это самый прямой и верный путь к прочным результатам нравственного воспитания. Но эта среда должна ставить и перед ребенком доступные для него и необходимые задачи и давать материал для их самостоятельного разрешения. Она должна предоставлять ему и средства поиска такого материала.

Воспитывающая человека среда, насыщенная любовью к культуре, но не потребительской любовью, а опять-таки творческой, созидательной. Это значит – чтение книг не для развлечения, а как толчка и источника для собственной мысли. Это значит – хождение в театр и в кино не как просто отдохновение, а как нравственный и умственный труд. Общение с искусством вообще должно быть трудом и творчеством. Только так человек приобретает самостоятельно свою свободу, способность властвовать своей собственной природой, быть хозяином своей собственной судьбы.

Конечно мы помним о тех верных способах разрушить нравственность ребенка, бесчисленные примеры которых нам дает и история, и окружающая нас жизнь. Как только человек начинает рассчитывать, что принесет ему благо, а что – нет, главное, начнет ставить в зависимость свои поступки от заинтересованности в выгоде для себя, т.е. как только человек начнет искать выгоду, а не будет руководствоваться красотой, достоинством и возвышенностью поведения, он в значительной степени разрушит целый фундамент своей нравственности. Не ожидать наград, не рассчитывать на компенсацию за свои добрые поступки, конечно, главное в воспитании нравственности.

Для этого ни в коем случае нельзя вносить никаких приманок в поощрении доброго в поведении ребенка. Пусть для него гораздо более привлекательным будет действие, которое другие и он сам совершают без намерения извлечь выгоду, нежели такое же действие, но совершенное из личного интереса. Конечно, здесь полезны примеры и подлинно нравственных деяний и мотивов, которые мы находим у Плутарха в «Сравнительных жизнеописаниях», у Монтеня, у Толстого, у лучших писателей XX века. Пользу приносят и примеры из окружающей действительности, которые возвышают дух и вызывают желание самому действовать так же. Особенно подростки склонны к этому влиянию бескорыстного морального подвига без всякой примеси эгоизма. На них это действует неотразимо. И если не действует, то значит они уже сильно испорчены, и необходимо перевоспитание.

В жизни часто добро не вознаграждается извне, а зло не наказывается. Тем более важно, чтобы все поступки растущего человека диктовались не капризами и настроениями, не корыстными интересами, а соображениями прав для всех, для других, для человечества. Мы этого не достигнем, если не воспитаем уважения к долгу и к умению строить свое поведение, исходя из долга. Здесь главное вызвать восхищение к достоинству человеческого поведения, к его способности подчинять чувство разуму.

Точнее, согласовывать разум с чувством, т.е. иметь хорошие разумные чувства.

Развееется нравственное воспитание – родная сестра знания жизни. То и другое ведет к искусству жизни, к умению жить достойно, полно, красиво, а при благоприятных стечениях обстоятельств и счастливо. Здесь все источник знания жизни важны: путешествия и чтения о путешествиях, общение с разными людьми, история, разные биографии, искусство, художественная литература и, главное, собственные действия, взаимодействия с окружающим миром.

* * *

Творчество, а не суррогаты творчества – потрошение.

Знать природу познания, искусство и технику познания, его границы и возможности. Знать о природе интуиции и созерцания, мышления и размышления!

Дьявол искушает инока самыми гнусными мыслями: «В таком неразумном смятении ума, как бы мраком покрывшись, становится он неспособным ни к какому духовному деланию... Тут начинается этот погибельный дух подносить боримому им, что надобно посетить больных, вблизи или вдали находящихся, внушает также как долг какой, что такую-то благочестивую и Богу посвятившую себя женщину, лишенную однако же всякого пособия от родных, было бы делом благочестия посещать и доставлять ей то, в чем она имеет нужду, и что больше в такого рода делах нужно трудиться, чем бесплодно и без всякого преуспевания сидеть в келье. Но поддаться хотя бы одному из перечисленных искушений опасно, ибо враг чаще и ожесточеннее будет нападать на того, кто, как узнал он на деле, тотчас обращает к нему тыл, как только завяжется борьба... пока он мало-помалу, отбившись от казни, начнет забывать о главном деле своего зва-

ния, состоящем в стремлении к Божественной чистоте, которая нигде не может быть достигнута, как только в безмолвном пребывании в келье и непрестанном Божественном поучении».

Такому пониманию долга учит верующих Добротолюбие!

Мировоззрение целостное, свободное от страхов и самосовершенствуемое сознательно, истинно и эффективно; мировоззрение бодрого, мужественного, благородного и великодушного человека – вот главная забота педагогики.

Человек должен осознать себя как планетарную силу.

И если человечество все еще не выдерживает божеских экзаменов, как некогда несчастный Иов, по физике, химии, метеорологии и другим наукам, это никак не значит, что оно должно орошать ланиты и преклонять колена перед «неисследимой мощью» и «неисчерпаемой силой», «непостижимостью экзаменатора», эрудицией.

Вот диалог об оправдании зла:

– Веселие незаконных кратковременно.

– А зачем оно вообще?

– Радость лицемера мгновенна.

– А за что ему хоть бы и такая? Смотри, как сладко во рту его зло его.

– Он не знает, что сосет змеиный яд.

– И не хочет знать.

– По делам его будет и расплата его, и он не порадуется, ибо лгал, грабил, угнетал, душил, присваивал, отсылал немощных.

– А живет в роскоши, да как долго живет, и как легко умирает. Неужели для безвинных детей его бережется несчастье его? Почему не воздается ему, почему не он пьет от гнева Вседержителя?

– Но Бога ли учить мудрости, когда он судит и горних? Неисповедимы пути твои, Господи! Всемогуший Творец яко всеславнейшее и совершеннейшее, да будет в своей неисповедимости хвально и преславно, ныне и во вся вечные вечности, аминь!

Наказание после смерти? Но в самом ли деле есть за что меня наказывать? Ведь я такой, каким я создан!

Кто несчастен, тот виноват, ибо Господь не карает безвинных, и может ли ошибаться всеправедный, всеблагий, вездесущий, непререкаемый, непостижимый? Твои горести изобличают тебя в тайных преступлениях. Нет жалости к наказанному Богом!

Жить и праведно и по справедливости? Зачем? Затем, что устройство общих земных дел и есть общая забота: моя единственная жизнь должна пройти не на свалке для падали. Что мне толку, если мне хорошо, а кругом все плохо? Мне очень плохо на общей свалке. Не буду увеличивать количества грязи!

Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего направление стопам своим. Спасибо, Господи, что снял с меня бремя выбора пути моего. Наказывай меня, но по правде, не во гневе твоём.

Не могу жить среди крови, ужасов и криков, среди, всего, что свершается твоим попустительством. Не могу жить среди палачей, ниспосланных нам свыше ради вражды на земле и в человеках зловоления.

Отношение богослужащих к Богу может быть аналогичным отчуждению между людьми и способствовать ему: любовь к Богу ведет к отчуждению любви к людям, семье, дружбе и другим близким связям между людьми.

Воспитание многого: окрыленности мечты, свободы от своих капризов, воли и благородства, великодушия и терпимости.

Т. Манн: «Есть ли что-нибудь зауряднее для статистики, чем рождение и смерть? Но побудь-ка свидетелем рождения или смерти и спроси себя, спроси роженицу или умирающего, так ли уж это заурядно?»

* * *

Любой воспитатель, в частности, учитель должен обладать в качестве главного своего свойства способностью ставить себя на место ученика, чтобы понять природу его непонимания, понять, чего он не понимает и почему. Ну, и следовательно, воспитатель должен владеть способами использовать это свое понимание природы в затруднениях ученика, предвидеть эти затруднения и преодолевать их, помогать преодолевать.

Стало быть, истинное воспитательное искусство не в каком-то показном или особенно модном методе, а исключительно в этой способности взрослого становиться на место ребенка и видеть все, что происходит перед его глазами, делая из этого необходимые практические, в частности, и методические выводы. Во время воспитания, обучения происходит некое снятие неравенства между опытом, знаниями и личностью учителя и ученика. Лучший способ уничтожения этого неравенства, которое тем ни менее всегда неизбежно, остается и по качеству и по количеству (причем, далеко не всегда лучшее качество и количество у учителя) – это учиться вместе учителю и учащемуся вместе овладевать новым, вместе понимать, вместе открывать какие-то свойства, действительно новые, искренно, честно новые для учителя.

Отсюда проистекает важный критерий педагогического мастерства, важный признак хорошего качества педагогического процесса. Если учитель и любой воспитатель всегда рассматривает себя с точки зрения ученика и вместе с ним овладевает какими-то совершенствами, то воспитание стоит на правильном пути.

* * *

Важнейшая задача школы новых информационных технологий – не допустить становления человека частичного, отчужденного человека, т.е. человека не овладевшего этими технологиями, а духовно поработанного ими. Здесь очень полезна рефлексия, исповедь. Исторические образцы ее надо дать в школе: исповедь Августина, Руссо, Мюссе, Толстого и других. Необходима рефлексия, самосознание, самоанализ и индивидуальный, и коллективный. С этой точки зрения очень важен опыт и методика коммунарского самоанализа на пленумах, огоньках и тому подобное. Но это должен быть не самоанализ ради самоанализа, а самоанализ ради целостности личности и коллектива. Человек остается цельным даже тогда, когда новые технологии пытаются его расчленивать и сделать частичным, если он воспринимает эти технологии в рамках целостного мировидения и мироотношения.

* * *

Еще одна тайна образования личности – воспитание великой способности понимать другого человека, других людей. Понимать значит принимать. И одновременно, понимать – не значит принимать. Всякое понимание должно быть заведомое недопонимание, непонимание.

В частности, важно показать растущим людям как много говорит молчание, и наоборот, как мало подчас говорят слова. Казалось бы молчит вселенная, безглаголен космос, немотствует природа. На самом же деле это молчание не пусто, и надобно искусство опрашивать для того, чтобы получать ответы и раскрывать тайны. Пусть знают растущие люди, что можно безгласно понимать друг друга. Не обо всем можно сказать, но и не всегда нужно говорить.

Что главное? Мирозозрение не должно быть отделено от повеления. Космология должна совпасть с этикой, и ничего нет важнее воспитания.

Огромную трудность для воспитания представляет собою отсутствие трудностей в жизни ребенка. В. Песков прав, говоря, что облегченный путь к желанным целям, чаще всего не приносит хороших плодов. Действительно надо осилить много препятствий, чтобы взять ключ от большого счастья в свои руки. Это очень серьезный закон. В оранжереях, парниках, теплицах родится нечто существенно посредственное, хотя быть может и скорее, и в большем числе, чем на воле, на ветру, в испытаниях, в непрерывном одолении трудностей. Здесь все может помочь и плохое здоровье, и бедность семьи, и суровая непреклонность родителей, и мучительный поиск своей дороги. Талант частенько бывает вскормлен нуждой. Но пожалуйста, поймите меня правильно, я вовсе не призываю здесь к нарочитому погружению детства в бедность, нужду, лишения или к созданию немислимых препятствий для выращивания талантов. Я против любой крайности. И в данном случае против крайности облегченной, ровной, гладкой дороги для детей, подростков и юношей, поскольку не могу не видеть в этом типе преувеличений воспитательных большой опасности и зла. Ф.М. Достоевский не даром говорил о горестности облегченного воспитания.

* * *

Здесь опять парадокс и опять важный, и опять опасный. Есть пропасть слева, справа, есть необходимость находить не просто золотой, а единственно спасительный путь между Сцилой и Харибдой, между – опасностями любых крайностей. В данном случае я хотел бы остановиться на вопросе о самомнении и недоверии к себе. И то, и другое чрезвычайно опасная вещь, и тем опаснее она, чем более человек приобретает власть над другими людьми. История XX столетия несомненно показывает буквально вселенскую опасность, угрозу для выживания мира от самомнения того или иного человека, приобретшего авторитет, влияние и власть в сколько-нибудь значительных масштабах.

Профилактика самомнения, профилактика чувства неполноценности – одна из задач воспитания.

* * *

Правильное воспитание – это необходимое и возможное, полезное человеку, его семье, его обществу и человечеству в целом. Воспитательное вмешательство имеет в виду интерес личности, семьи, общества, но редко-редко человечества в целом, а ведь это решительно необходимо.

В проблеме отбора культуры для правильного воспитания самое трудное даже не определение общей культуры (она вычленима, хотя бы из биографий замечательных людей, представителей дела, мысли, слова, жизни), а расположение ее пластов в оптимальной индивидуальной последовательности. Такое расположение, которое бы давало индивидуально подобранную и неотразимо элективную культуру чувств, дела, мысли, слова, тела и т.д.

Чтобы жить, чтобы продолжать жить, растущему человеку уже сегодня необходимо усвоение колоссально многого, например, языка, способов одобряемого поведения и т.д. Подготовка к будущему не означает запаса впрок, а означает своевременное усвоение того, без чего невозможно последующее развитие, например, языковые навыки и т.д.

Только не стадное чувство, только не счастье от подчинения. Школа как проти-

воля от тиранства. Школа для личности и только поэтому – для общества, тем самым для общества.

Учить отличать по лицу, по взгляду, по тембру голоса, в каком состоянии находится собеседник. Учить активно смотреть и видеть сложную правду жизни, учить внимательно слушать и по-настоящему слышать. Вот путь к подлинному коллективизму, к истинной социализации.

Для того чтобы взрастить и укрепить в человеке любовь к жизни и благоговение перед ней, полезно стимулировать и поощрять в нем страстно заинтересованное изучение жизни. Но делать это нужно не холодным глазом аналитика с карандашом в руке, как говорил Станиславский, нужно, чтобы ребенок увлекался жизнью, той, которая становится предметом его изучения, с жадностью страстно захлебывался тем, что видит, как очарованная душа Ромен Роллана, как обманутая – Томаса Манна; старался бы запечатлеть узнаваемое как художник – в сердце... В основе всякого добывания знаний должно быть заложено увлечение, страсть.

Но эта увлеченность и страстность должны проявляться не в сентиментальности и поверхностной эмоциональности, а в глубине и силе. Это же относится и к изучению произведений искусства, особенно той классики, в которой почти каждое слово необходимо для понимания любви и подлости, жизни и смерти.

Волнение вообще никому не нужно и более того подчас и вредно. Нет, речь идет о сосредоточенности, а не пустоте покоя, глубины и серьезности.

Воспитание любой человеческой способности, и особенно воображения, требует самостоятельной инициативы со стороны ребенка. Только не насильствовать, а увлекать. (Не забыть рассказ Бунина о личной трусости учителя, которая сломала судьбу его ученика.)

Все искусство жизни сосредоточено в искусстве сосредоточивать внимание.

Искусство сосредоточить свое внимание в свою очередь зависит от интересов и от искусства распределять свои интересы по мере надобности.

Поощрять замечать почти неуловимое, намеки и значит тренировать внимание, мобилизовать и направлять его к цели. Для этого полезно забрасывать детей вопросами: кто? что? где? когда? почему? отчего? для чего? что из этого следует? как это возможно? что было прежде? что станет дальше? и т.д. Тут важна проверка альтернативных взаимоисключающих гипотез. Здесь важна игра в Шерлок Холмсов. Пусть познание будет приключением, полным опасности и тайн, трудов и свершений.

* * *

Знакомство ребенка с правом или бесправием начинается при первых его контактах со взрослым, который в силу объективных причин имеет над ним, над ребенком, вольно или невольно весьма ощутимую и разнообразную власть. Давно известно, что обладание любой властью таит опасность злоупотребления ею. В значительной степени правомерность и целесообразность использования воспитательной власти зависит от личных качеств воспитателя.

* * *

Здесь встает перед воспитанием страшная в своей сложности проблема авторитета. Кому поверит растущий человек, за кем он пойдет? Опять-таки вскрыта Достоевским великая благодарность людей к тем, кто снимает с них бремя совести, кому можно, поверив, свою совесть вручить. Тогда люди с радостью раз и навсегда подчиняются этому человеку. Самые мучительные тайны своей зачумленной совести понесут они такому педагогу, и он все разрешит, все облегчит, сняв с них бремя самостоятельных решений. Ведь это тяжкий для большинства людей труд – самостоятельное решение. Куда легче и проще подчиняться уважаемой людьми воле и совесть при этом унять.

* * *

Конечно, счастлив тот, кого научили проследить эволюцию собственных чувств, кто понимает, отчего, когда и как он начал испытывать отвращение или злобу, или возвышенное чувство восхищения... Научить этому, значит дать опыт обработки своих эмоций: что они значат? Оценивать их духовную ценность, степень их желательности, желательность их повторения или воспроизведения. А может быть человек приходит к необходимости забыть ту или иную эмоцию, отказаться от нее. Что она дает? Мне? Окружающим? Чего бы я делал теперь? Как окрасилось в моих воспоминаниях все, что было? А стоило ли все это усилий и страданий? И что сохранить? О чем не жалеть? и т.д. Великие часы обработки прожитого, пережитого – дневники, раздумья, описания и исследования того, с чем сталкивается человек в жизни.

Это еще и школа спасительного и благодетельного страха – страха перед самообманом. Школа отвращения к внутренней фальши и лжи. Иначе, если нет этого замечательно полезного страха, неизбежна неправда мысли и чувств, а вслед за этой неправдой идет обман, не только самообман, но и обман всех остальных во всей его неприглядности и тяжелых последствиях. Помните, у Маяковского: «...Как мальчишкой боишься фальши?»

* * *

Мы все знаем, что социальной, социально-экономической и социально-психологической базой фашистских режимов всегда был и остается обыватель, филистер. Что это значит – филистер? Это прежде всего человек, довольный собой и не работающий над своим совершенствованием.

Бросается в глаза, что те воспитатели, которые требовали от малолетних детей огромных напряжений и заставлявшие их учиться с этим большим напряжением, сами подавали своим детям пример именно такого поведения. Они сами были образцами невероятной настойчивости именно в той области деятельности, в которой они практиковали своих детей.

Кроме того, насилия в этих достаточно редких случаях успеха насильственного обучения накладывались на фон, в котором господствовала именно практикуемая деятельность, в которой усилия требуемые от детей, были едва ли не единственным содержанием жизни окружающих их людей. С малолетства, может быть еще в чреве матери, слышавшие почти непрерывные звуки, дети вырастали в атмосфере, в которой их усилия совпадали, вероятнее всего, с их желаниями. Наконец, суровые требования родителей сочетались с эмоциональной напряженностью и яркостью впечатлений, интересом и захватывающей сложностью самой работы, к которой детей побуждали.

Сказанное и подобное сказанному показывает, что само по себе насилие, насильственное учение, отнюдь не только не панацея от нежелания учиться, а и чрезвычайно редкая или исключительная ситуация опасности, отрицательные стороны которой нейтрализовывались совершенно особым стечением достаточно редких обстоятельств, среди которых нам следует еще раз назвать выдающуюся личность, привлекательную и прекрасную – самих воспитателей (разумеется, прекрасную во всем, кроме практиковавшегося ими насилия).

* * *

Наука педагогики призвана исправлять и предупреждать случайные отрицательные стороны самопроизвольного воспитания человека. Дело не в том, чтобы, оставаясь несовершенными, воспитатели формировали людей лучших, чем они сами есть, а в том, чтобы самим совершенствуясь, способствовать развитию лучшего в молодом поколении, придавать ему силу к ускорению своего развития. Для этого матери и отцы обязаны владеть наукой и искусством воспитания, родители сами должны быть учителями, абсолютно все родители, вплоть до окончания ребенком начальной школы – это как минимум, а жела-

тельно и до полного ее окончания.

Что значит самовоспитание родителей? Прежде всего означает не повторять себя в своих воспитанниках. Это очень опасная, часто не осознаваемое намерение – отпечатать и перепечатать свое изображение на беззащитных и бесформенных мягких детских душах. К счастью это редко удается. Гениально, хотя и кратко психологию такого воспитателя сатирически изобразил А.С. Пушкин в известном своем обращении, шуточно записанным в альбом к семилетнему сыну князя Петра Вяземского:

Душа моя, Павел,

Держись моих правил:

Люби то-то, то-то,

Не делай того-то.

Кажись, это ясно.

Прощай, мой прекрасный.

Почему это плохо сказать ребенку, люби то-то, то-то, не делай того-то, держись моих правил, бери с меня пример? Да, потому что воспитание только тогда имеет право на существование, когда оно не только оберегает созданное предшествующими поколениями от разрушения, но и обеспечивает прирост культуры, прирост, без которого невозможно продвижение человечества вперед к его цели – к справедливости и достойной человека жизни, осуществимых только в правовом гражданском обществе.

Родительское воспитание призвано показать родителям, что их дети созданы не для них и что они воспитывают их не только для себя, прежде всего для других. Ребенок – не забава, не способ обеспечить старость, не украшение жизни и т.д., а бессмертие человека и человечества.

* * *

Один из самых важных законов воспитания, если угодно, тайна его успеха – это требовать от детей только то, что воспитатель требует от себя и практикует требуемое в своей жизни. Нарушение этого закона влечет за собой тяжелые последствия: потерю авторитета воспитателя у детей, формирование в детях лицемерия, приспособленчества и др. Достоевский напоминал о великом значении личного примера добра: «Будьте добры, и пусть ребенок ваш поймет, что вы добры (сам, без подсказывания) и пусть запомнит, что вы были добры. Этим вы исполните перед ребенком вашу обязанность на всю его жизнь, потому что вы непосредственно научите его тому, что добро хорошо... Знайте тоже, что более вы для него ничего и не можете сделать. Да и этого слишком довольно. Воспоминания о хорошем у родителей, то есть о добре, о правде, честности, сострадании, об отсутствии ложного стыда и по возможности лжи – все это и из него сделает другого человека, рано ли, поздно ли, будьте уверены».

* * *

Даже в тех случаях, когда педагогика противостоит дурным влияниям среды, она все равно их учитывает и как бы отталкивается от них для того, чтобы их преодолеть.

Стало быть, педагогика не может делиться на социальную и индивидуальную, как это иногда пытались делать прежде, да и теперь пытаются подчас. Педагогика – это наука о единстве вмешательства в индивидуальную человеческую жизнь вместе с жизнью коллективной. Иначе не может быть по той простой причине, что индивидуальная жизнь никогда не бывает жизнью только индивидуальной, иначе она уже не жизнь, а смерть.

Что должна знать, что исследовать, что понимать педагогика, когда она не индивидуальная, а индивидуально-социальная, единая, целостная, когда она не выдумывает мифических способов воздействия на человека в каком бы то ни было отрыве от воздействия на окружающую его жизнь, воздействий, как само-

го растущего человека, так и непосредственно взаимодействующего с ним, этим растущим человечком, взрослых людей? Прежде всего зависимость воспитания от окружающей среды, т.е. воспитывающее воздействие не преднамеренное, но неотразимое, мощнейшее. Влияние климата и в прямом, и в переносном смысле, влияние всех социальных учреждений и установлений. Она должна знать, как преломляются эти влияния через ближайшее окружение человека, или как это ближайшее окружение вписывается в эти целостные влияния. Педагогике необходимо изучить великих воспитателей, саму историю, природу, сложившиеся нравы, обычаи, этнокультуру, историческую обстановку в ее преемственности с прошлым, прежде, чем педагогика возьмется за изучение непосредственных и ближайших контактов человека со взрослым. Иначе ей ничего не понять. Один и тот же по внешнему виду, по форме вид воздействия, проведенный в разной нравственной обстановке, в различных средах, отличающихся друг от друга контрастными быть может нравами и обычаями, приведет к диаметрально подчас противоположным результатам.

Затем педагогике придется изучить различные типы и виды воздействий зависимости от особенностей окружающей среды. Иными словами, ей нужно узнать о модификациях, видоизменениях, разновидностях одного, единого, общего, закономерного, что проявляется в воспитании людей всех времен и всех народов и, что тем ни менее существует реально в жизни всегда только в определенных конкретных формах. Их надо узнать, узнать и исторически, и в современной обстановке. Притом, соотнести историю с современностью.

Возьмемте для примера хотя бы ответы на вопросы детей по деторождению: откуда появляются дети? Разные вопросы, конечно, в разном возрасте. Но ответы родителей на них, на эти вопросы, будут совершенно разные и в различных культурах, хотя и будут подчиняться определенной закономерности – единству. Но единство это будет реализовываться в многообразии. Например, в каком-нибудь южно-азиатском племени, до сих пор очень близком даже и в наши дни, к первобытности, и вопросы будут совсем иные, и ответы существенно иные. Но я нарочно беру в данном случае для ясности мысли очень контрастные ответы, будут иными, чем, скажем, в соседнем же Китае, достаточно цивилизованном. Или, положим, во Франции многие матери и отцы в иных выражениях, с иными интонациями будут обсуждать проблемы деторождения, чем, положим, в нашей стране.

* * *

Постепенно научная недостаточность, ненадежность, неполнота и недоверенность коннекционизма Торндайка и бихевиоризма Уотсона становились все более очевидными. Уже к концу 20-х годов стало восходить в мировом масштабе звезда гештальтизма. Курт Левин выдвинул на первый план теорию потребности и «гомеостаза». Очень близок был в этом отношении к нему Джон Дьюи. Они стали понимать познавательные процессы – восприятие, мышление (дискурсивное мышление, в частности) – как процессы реорганизации, переструктурирования опыта.

Понимание и инсайт, т.е. способность видеть, вникать и понимать вещи, в частности, с помощью воображения. Инсайт как практическое знание и одновременно осознание своих собственных умственных состояний, душевных состояний. Инсайт – как просветление, как взгляд и проникновение внутрь проблемы вещей, как осознание принципа данной задачи, загадки, трудности, проблемы и т.д. Инсайт, как освоение, как обучение, открытие, без процесса проб и ошибок, в результате подчас внезапного озарения. Эти понятия стали важнейшими психологическими понятиями, дающими основу для понимания поведения людей, их приспособления к окружающему миру, активному воздействию на этот мир.

Гештальтизм постепенно превратился в теорию психического поля, и к началу

40-х годов уже можно было говорить о педагогическом приложении этой теории поля. Очень важно, что работы Курта Левина положили начало той разновидности социальной психологии, за которую ратовал и Дьюи. И именно из нее выросла теория групповой динамики (примеры ее дать непременно, у меня есть в Хрестоматии университетской по истории психологии).

* * *

Вечный поиск истины, вечный процесс пересмотра своих полученных знаний... Но и здесь самое важное – постоянное соотнесение приобретенного, выстраданного, доказанного, проверенного наукой с реальной конкретной действительностью, с подлинной каждодневной жизнью.

Цель начинающего, когда он обращается к науке, – достичь ясного понимания своего собственного опыта и наметить пути дальнейших опытов и исканий. И колоссальная подмога ему, начинающему, – история. В частности история педагогики.

Сколько было попыток представить историю педагогики как груды развалин не оправдавших себя систем. Ведь в педагогике едва ли ни каждый считает себя высшим авторитетом и, пытаясь превзойти вековой опыт человечества, надменно и гордо изобретает «велосипеды». Какая расточительность! Какая воинствующая близорукость!

Мы изучаем прошлое, чтобы, как известно, понять и объяснить настоящее, чтобы, постигнув тенденцию развития, наметив линию развития, заглянуть в будущее, предсказывать, предвидеть, предупреждать ошибки, выбирать оптимальные пути.

Важнейшая, стало быть, задача – спроецировать ход и движение исторического развития на плоскость времени и начертить график эволюционно-революционного развития, т.е. уловить закономерность, установить факторы, вызывающие возмущение и направление кривой, описать ее поведение формулой и пользоваться ею для нужд сегодняшнего дня.

«О, если бы я только мог, хотя отчасти, я начертил бы восемь строк о свойствах страсти... Я вывел бы ее закон, ее начала и начертил ее имен инициалы».

Кто знает, может, формулы, «инициалы ее имен», как говорил Борис Пастернак, примут вид вовсе неожиданный; быть может, мы получим такие графики этого движения, которые дадут движение для совершенно нового направления мысли и приведут к самым удивительным выводам...

Через историю педагогики вдумчивый читатель может проследить прогресс человечества в целом, путь его к совершенствованию (не к совершенству!).

В самом деле, если верно, что человек становится человеком благодаря присвоению исторически накопленной культуры, то история человечества есть история производства и присвоения культуры, «опредмечивания и распредемечивания» в терминах Гегеля и Маркса. История педагогики тогда будет состоять из двух частей: из истории и практики воспитания и из истории педагогической мысли. Движение практики воспитания будет историей очеловечивания тех «сгустков» потенций и предпосылок человеческого развития, которое дает нам природа. История же теоретизирования со всеми его необходимостями и недостатками есть история осмысления этого процесса очеловечивания, процесса производства, передачи и усвоения культуры.

Ясно, что нельзя понять историю присвоения и его теории без истории самой культуры. Это две стороны единого процесса. Присвоение, однако, должно по необходимости быть таким, чтобы делалось приращение культуры. Таким образом, воспитание – это процесс создания творческой, приращивающей силы, а история воспитания – это история прогресса человечества, в которой отражены и к которой восходят все остальные проблемы человечества. Добро и зло. Их борьба. Все.

Поскольку человечество неизбежно становится силой космической, для самого спасения своего должны заселить новые пространства нашей Галактики, освоить их, то образование, очеловечение, воспитание человека приобретает значение поистине вселенское. И педагогика становится противоядием, имеющим место в наши дни, бездуховной уверенности в абсурдности космоса. История педагогики – не просто рассказ о переходе от одной системы взглядов к другой, это не просто история идей, а история борьбы идей, диалогов, дискуссий, вековых эпохальных споров. Это история противоречий, в ходе решения которых происходит движение, имеющее, несмотря на временные регрессы, в целом поступательное направление. Каждая педагогическая проблема рождалась из-за сознания реальных, объективных противоречий жизни.

Решение каждой педагогической проблемы было не только шагом вперед, но и вносило новые противоречия; несло в себе не только положительное, но и отрицательное.

Поэтому история педагогики есть история происхождения, развития, революций, взаимоперехода, умирания и воскресения идей и проблем.

Под влиянием задач той или иной эпохи, господствующих в ней идеалов и типов личностей, под действием социально-политических и культурных явлений педагогические идеи могут забываться. Потом они возрождаются вновь, когда им приспело время. В некоторых случаях сходные по идеям системы (но различные по деталям, по специфике временной окраски) «изобретались» многократно. Задача наша в том, чтобы увидеть сходство и различие всех систем, установить причины временных разрывов и специфики их. Важно выявить сущность и законы прогресса и регресса, как симптомов и как средств бесконечного общего совершенствования.

Здесь появляется еще один важный побочный продукт изучения истории педагогики и педагогики – это знание о человеческой душе.

* * *

Разберемся в вопросе, который когда-то четко ставил Н.А. Добролюбов, когда писал: «Неужели нравственное достоинство человека, чувствующего сильное поползновение красть, но пересиливающего себя, потому что кража запрещена законом, выше нравственности того, у кого не рождается даже и мысли присвоить чужого? Уже не вследствие запрещения законом, а просто по внутреннему отвращению от кражи?»

Но что значит, что мне не хочется красть? Может быть мне не хочется красть потому, что у меня нет абсолютной надобности в чем-либо чужом? Что значит отвращение к чужому? А вот я голоден, и у меня появляется возможность незаметно взять то, что кому-то быть может и нужно, но как мне кажется не слишком и тем ни менее мне не принадлежит. Вот передо мной искушение. Что меня остановит? Мое представление о допустимом и недопустимом, мое внутреннее чувство долга, и, если это не остановит, то тогда не остановит ничто. Отвращение к чужому может, как показывает жизнь, быть следствием состоятельной, ни в чем не нуждающейся жизни, и оно подвергается испытаниям, когда человек попадает в другие условия. Совсем другое дело, когда человек не крадет, даже если и обстоятельства вынуждают его чувствовать сильное поползновение украсть, и он не поддается этому желанию только потому, что в нем живет не отвращение, которое может и исчезнуть, а ясная, глубоко и всесторонне продуманная выстраданное понимание законов человеческого общежития. Когда речь начинает идти о столкновении сильного побуждения с долгом, в случае столкновения сильного побуждения с четко сформировавшимся долгом здесь речь начинает идти о преобладании долга над чувством.

Конечно, соблюдение нравственного закона отнюдь не предотвращает от того или иного несчастья, субъективно переживаемой неприятности. Добродетель не может быть абсолютной гарантией личного счастья, но без нее невозможно

счастье общественное, и потом через общественное счастье и счастье личное. Человек становится человеком нравственным благодаря обществу, которое делает его человеком. Поэтому интересы общества суть его кровных интересов, интересов его настоящего и будущего, интересов его детей. Но лишь в том случае, когда это общество не рассматривает его в качестве своего средства. Но лишь в том случае, когда общество существует для отдельного человека, так же как он существует для него. Иначе в обществе несправедливом становление чувства долга бесконечно усложняется и превращает воспитание в почти непосильную задачу.

* * *

Джон Локк, английский философ, призывал внушать детям любовь к хорошей репутации и страх позора и стыда. Для того, чтобы «постоянно склонять детей к добру». Пушкин же говорил о жажде знаний и труда и страхе порока и стыда. Казалось бы, близкие позиции, но присмотритесь, Локк говорит о принудительном страхе перед позором и о добродетельном поведении из-за страха. У Пушкина другое. Страх самого порока, ради самого порока, ради страха быть порочным. Стыд идет за пороком и тесно связан с ним. Вы понимаете?

Честь и позор могущественные стимулы души, но именно в силу этого своего неотразимого влияния на человека, не потерявшего совесть, с ними и надобно обращаться осторожно. Честь ведет к честолюбию, позор – к рабской психологии и к конформизму, к поведению приспособительскому, подлаживающемуся под общие далеко не всегда верные правила и распространенную усредненную точку зрения. Несравненно выше, желательнее и эффективнее этика и мотивы давания «рая» от тайного добра и «ада» от возможного вреда, от порочности как таковой. Вот главные мотивы действительно чистого и приносящего блага и человеку и общества поведения.

* * *

Легкие ученики далеко не самые лучшие, те, кто постоянно ждут указки и почти буквально повторяют, что им приказано и велено, показано и объяснено. Это, как правило, несчастные дети, которых не вывели (не хотят или не умеют вывести) из состояния механистичности ума, это души, которым еще не дали и не развили способности, выходящие за рамки посредственности.

Трудные учащиеся как правило наиболее незаурядные, яркие характеры, имеющие особый, необычный склад способностей. Не оттого, чтобы искать у них неспособность, тупость и т.п. От воспитателя и учителя требуется большое искусство, чтобы разгадать особую комбинацию, индивидуальную, неповторимую, нетипическую сочетаемость с индивидуальными способностями.

К числу трудных относятся и дети, в которых поощрялось тщеславие, подкреплялась самоуверенность. Это случай, так называемого, преждевременного скороспелого развития, которое способно разрушить и судьбу человека, и все его связи с другими людьми. Воспитание должно, будучи естественным, проходить обязательно через важнейшие этапы своего развития не для того, чтобы задерживать это развитие, когда оно обладает значительной внутренней силой и раскрывается с большой быстротой, а для того, чтобы укрепить это развитие, не сделать его скороспелым и облеченным на гибель.

Всячески поощряйте в ваших питомцах склонность и способность к самообразованию. Между высоким мастерством, гением и самообразованием есть очень тесная внутренняя связь, подтверждаемая большим числом жизненных примеров.

Среди проблем здоровья очень актуальна для школы по-прежнему проблема осанки, остеохондроза. Здесь важно найти способы не быть занудными. Вот это мне задача самому себе. Я думаю, что здесь самое главное – это хорошая

гимнастика, веселая и интересная и эстетическая сторона дела, подчеркивание красоты осанки.

* * *

Дети рано начинают осмысливать отношения окружающих к явлениям мира. В частности, бытующее в среде окружающих суеверия глубоко западают в детскую душу, поражают сознание, тормозят формирование правильного взгляда на мир или существуют с ним параллельно, как бы независимо, сохраняясь чрезвычайно долго.

Нужно спокойно на доступных примерах раскрывать детям несостоятельность и вред суеверий. Например, рассказывая о трагикомических историях, связанных со страхом людей перед кошками, перебегающими дорогу и т.п. Важно вдумчиво отвечать на возникающие у детей вопросы, ведь суеверное, мистическое представление о мире ближе к ребенку, чем наука, поскольку суеверие само наивно, детски наивно объясняет мир и поведение людей, а наука вся по самой сути своей противоречит здравому смыслу, противоположно прямым наблюдениям, видимости, кажимости мира, с которой сталкивается ребенок.

Однако, главное противоядие от суеверий, тайного невежества человеческой души это конечно внедрение научного исследования, вкуса к нему, проверки и перепроверки видимости, кажимости, столкновение с тем, что суть и причины вещей скрыто лежит за ними и нуждается в изучении, сам процесс которого должен стать чрезвычайно привлекательным для ребенка, как и любая честность ума, как любое проявление подлинного духа исканий.

Правильно понятое воспитание сделает невозможным профессии доносчиков, палачей, истязателей и т.п. Сможет ли мир существовать, если не будет людей, профессионально служащих злу? Что ж, мы во всяком случае стремимся к такому миру, который не нуждался бы в профессиях основанных на качествах и видах поведения, противоречащих общечеловеческому пониманию чести и совести.

* * *

Профилактика безалаберности – одна из наших главнейших забот. Главное выработать отношение к времени, как одной из величайших ценностей жизни. Великий Петрарка писал в преклонном возрасте: «Несчастный, я, конечно, всю жизнь знал, что время самое ценное, чем располагает человек, но к горю своему я не до конца понимал, что оно бесценно».

Этот вопрос связан с проблемой лени с одной стороны и ее противоположности – деловитостью – с другой. Научиться не транжирить время свое и чужое надобно с измальства. Огромное уважение должно быть к договоренностям, нужна обязательность, способность не опаздывать – это важнейшая составная часть искусства «быть, а не казаться».

* * *

Проблема алкоголизма, наркомании в педагогическом отношении это, по преимуществу, проблема, условно выражаясь, гедонизма, того умонастроения, которое требует получения все большего удовольствия от бытия. Противоположность гедонизму аскетизм, так же человеку ненавистен по своей сути, как и жестокость. Однако и здесь необходима золотая середина. Дело не в том, чтобы возвращать установку на антигедонизм или негедонизм. Дело конечно в содержании того наслаждения, которое получаем от жизни, в том, что стоит за установкой на это удовольствие. Показать на конкретных примерах.

Многие ученые, я имею в виду самых выдающихся, в детстве и юности не блистали особыми успехами в науках, и способности их развивались сравнительно поздно. К их числу принадлежит Луи Пастер, который окончил коллеж с некоторым даже трудом. И вместе с тем, жизнь показывает, что в самом раннем воз-

расте возможны ярчайшие проявления, складывающихся и много обещающих дарований. Так известно, что Исаак Ньютон с десяти лет сконструировал водяную мельницу. Когда мы обращаемся к проблеме многосторонности или разносторонности и присматриваемся к биографии наиболее универсальных ученых, таких как Лейбниц, сделавший исторические, эпохальные открытия в математике, философии, юриспруденции, политике, химии, поэзии и т.д., то мы обнаруживаем одну общую черту, во-первых, трудолюбие, удивительное само по себе, способность работать почти без перерыва несколько суток подряд. Причем, в случае Лейбница, его занятия не прерывались и в дороге. Так например, он решил первую из задач Бернулли в карете, по пути из Ганновера в Вольфенбюттель, во-вторых, мы обнаруживаем способность, формирующуюся довольно рано, в любой проблеме рассматривать главное: общие принципы построения той или иной теории и целой науки. Причем, это главное заставляет поступаться частным и второстепенным. Когда мы говорим о формировании великого ума, приходится говорить практически во всех случаях нашего столкновения с величайшими умами человечества о равновесии, уравниваемости анализа и синтеза, о полном исключении перевеса чего-нибудь одного из двух над другим. Великие умы могут обладать самыми разными характерами. Особенно ярким контрастом предстают перед нами характеры Ньютона и Лейбница, почти одновременно открывшими совершенно самостоятельно и независимо друг от друга дифференциальные и интегральные исчисления. Речь идет не только о различии характеров, но и о различии мировоззрений, и о различии научных методов. Перед нами антиподы: люди различные и противоположные, казалось бы решительно во всем – во взглядах на жизнь, на науку, в отношениях с людьми, в особенностях нравственного поведения – решительно во всем, и тем не менее. В этом случае одновременное открытие, имевшее такое историческое значение для судеб всех наук и прежде всего естественных, а стало быть и для судеб человечества, для судеб промышленного производства и всех последствий научно-технического прогресса, в этом факте проявилось единство не характеров, не мировоззрений, не нравственных установок, а страстей, простых и неодолимых страстей, которые лежат в основе человеческой личности. Жажда познания, сострадание к людям, любовь к истине – три простых и неодолимых страсти, которые могут принимать самое разное личностное обличие, но всегда и бесспорно лежащие в основе высокого развития человека.

Если бы меня попросили сказать, что первое и важнее всего в развитии человеческих страстей, я назвал бы конечно эти – жажду любви, страсть познания и сострадания к людям, потому что без любви человек остается на самом краю пропасти и заглядывает в ту беззвучную пропасть небытия, из которой поднимаются миазмы жестокости и жестокосердия, еще потому, что без желания узнать, отчего светят звезды и в чем тайны человеческой души, без этого желания человеческая жизнь совершенно лишена специфического, иными словами, без нее человек, конечно же только намек на человека. И наконец, без высокого уважения к любой части человека в человеке мир заглох бы и погиб, поскольку дети, которых некому накормить и лишенные надежд старики, весь мир нищеты, одиночества и страданий всегда был и остается насмешкой над всем, что называется человеческим достоинством.

Чему нас учат биографии великих? Ну, в частности, и тому, о чем мы уже упоминали: о нерадивом отношении будущих гигантов к школе, что разумеется ни коем образом не направлено против устоев добропорядочной педагогики. Разумеется, ни из каждого прогульщика получается великий ученый. Весьма возможно, что также редко, как превращается в великого человека примерный ученик, имеющий отличные отметки по всем предметам.

К вопросу о больных детях и калеках с детства.

Конечно, главное, не дать озлобиться. Вот один яркий исторический пример.

Великий ученый Роберт Гук. Для характеристики Гука важно знать, что он был крупнейшим для своего времени физиком, химиком, астрономом, ботаником, метеорологом, инженером. Он проявил себя также и в архитектуре. Он руководил восстановлением Лондона после великого пожара 1666 года. Он был хилым ребенком. Вероятно у него был костный туберкулез, не мог ходить в школу. Отец, деревенский священник, учил его дома. С юных лет искалеченный болезнью, согбенный, маленький, похожий на взъерошенную птицу с большой головой, шумный и вспыльчивый, но не расчетливый и бескорыстный – таким был мистер Гук в жизни. В том, что Роберт Гук вырос широким, бескорыстным, по-настоящему добрым и великодушным, конечно же большая заслуга его отца и всего его домашнего воспитания. Мы знаем, как чрезвычайно трудно компенсировать физические недостатки, настолько, чтобы человек вырастал без желания мести и без злобы относился к миру. Здесь важно также направить интересы человека и сделать их стойкими, сильными, неодолимыми в область познания, в область творчества вообще.

А вы знаете, почему частенько из плохо учащих детей вырастают величайшие ученые, или иначе, почему величайшие ученые в школе учатся плохо? Это не два разных процесса, и это – не одно и то же. А это – два взаимодополняющих, взаимосвязанных процесса. А вот, почему... Моя скромная гипотеза. Потому, что мысль честная, раскованная, свободная никогда не смиряется со школярством и потому, что школьная наука, проповедующая истины в последней инстанции, никогда не удовлетворяет жажды знаний и всегда вступает в противоречие сама с собою. Внутренняя свобода от канона, шаблона – вот что характеризует этих странных, не желающих верить школе детей. Великого человека можно легко убедить, что земля квадратная, круглая, овальная, плоская, какая угодно, его и убеждать не нужно, ему просто об этом сообщить надобно и подкрепить это сообщение неким авторитетом, ему не нужны доказательства. Но убить живое, свободное и раскованное мышление чрезвычайно легко именно таким сообщением. Поэтому неправильно было бы сказать, что великий ум противостоит школьному догматизму, а правильнее было бы сказать, что школьный догматизм не всегда, благодаря случайному стечению обстоятельств внешне к школе успевает в том, чтобы убить свободный ум, то есть ум как таковой.

И еще одно. Прогресс осуществляют только еретики. Почему? Потому, что такова природа прогресса. Для того чтобы двинуться вперед, надо противоречить имеющемуся. Но поскольку человеческое развитие, совершенствование, научное и всякое иное движение вперед осуществляется только еретиками, то ясно, что еретики формируются с детства. Вот почему послушание, исполнительство, прилежание, добропорядочное поведение далеко не всегда говорят в пользу растущего в школе человека. В большой бедности легко насмерть, безнадежно избаловать ребенка. В большом устрашающем богатстве легко воспитать человека совестливого и не эгоистического. Как ни странно, нравственные качества менее всего связаны с материальным достатком. Вся суть дела в атмосфере, господствующей и преобладающей в семье или в непосредственной среде ребенка в его ранние годы. Если это дружная, заботящаяся о каждом атмосфера, то она преодолет и ужас богатства и прелести нищеты. И не следует приписывать соревнованию, якобы развивающему функцию. У нас это любят потому, что хотят поставить на место капиталистической конкуренции дохлую и затхлую атмосферу соревнования. При ее применении к школе мы получаем иезуитскую систему повышения по должности и борьбы за степени и ранги. Не плохо было бы вспомнить, что Альберт Эйнштейн, как символ науки XX века, образец недосыгаемой высоты и силы мысли обладал одной примечательной чертой. Высоко ценя шахматы, Эйнштейн не любил играть в них. Для него был не приемлем спортивный принцип борьбы за выигрыш. Иерархии деятелей, всякого рода обоймы, очки и медали, соображения старшинства и первенства, вообще дух

соревнования в науке вызывали у Эйнштейна тоскливое недоумение. Полезно помнить, что человек, стремящийся к истине не имеет времени, вкуса и, слава Богу, душевных качеств для борьбы за первенство и старшинство. И, конечно же, не только в науке – во всех областях деятельности. Во почему стоит очень и очень поспорить с Гельвецием, надеявшемся на здоровое честолюбие как на двигатель развития характера и способностей в юношеском возрасте.

Теперь о наследственности гения.

Король математики Карл Гаус был сыном каменщика, который потом стал садовником, а потом, наконец, водопроводчиком. По воспоминаниям самого Гауса отец очень гордился тем, что умел писать и считать. Знаменитый русский физик Иван Алексеевич Каблуков был восьмым среди тринадцати детей сельского зубного врача, вольноотпущенного крепостного. Знаменитый физик Роберт Майер (Германия) был аптекарем. Один из крупнейших английских химиков Гемфри Деви был внуком крестьянина и сыном ремесленника – резчика по дереву. Майкл Фарадей – один из крупнейших физиков XIX века – происходил из чрезвычайно бедной семьи. Впрочем, и Исаак Ньютон был сыном фермера. Прадед Луи Пастера был крепостным, следующие два поколения мужчин в семье Пастера были кожевниками. Вот еще факт о плохой учебе будущего гения. Знаменитый математик Владимир Андреевич Стеклов (1864–1926) едва не остался на второй год при переходе в гимназии из четвертого в пятый класс. Он плохо учился, больше лазил по башням Кремля, а то несся не помощь пожарным. Это, по его воспоминаниям, способствовало укреплению здоровья и нервной системы, но отнюдь не прохождению курса. Здесь помог упрек отца – это следует заметить – желая задеть самолюбие сына, отец сказал ему при младших дочерях: "Я думал, что ты ленив, а ты оказывается просто неспособный". Впоследствии Владимир Андреевич вспоминал: "Я как бы очнулся, мимоходом за обедом сказанное одно слово отца при маме и сестрах сразу меня образумило. Я решил начать учиться. За лето успел основательно снова пройти все предметы первых классов, изучил латинскую и греческую грамматику, занялся со рвением решением задач по математике, другие предметы – история и география – дались совсем легко, занялся немецким языком. К концу первой четверти я уже во всех отношениях исправился и оказался вторым учеником в классе, а в восьмой класс перешел с первой наградой". Вот так вот, искра честолюбия может разгореться и живым интересом к науке. Но это, разумеется, не общее правило. Общее правило – в том, что то или иное воздействие сочетается с уже имеющимися свойствами ребенка. Например, работоспособностью, волей, как в данном случае и многими другими. Панацеи здесь нет и искать ее дело неблагодарное. А вот один из тоже не малого числа случаев, когда великий ученый проводит детство в очень ученой среде. Академик Александр Евгеньевич Ферсман – ученый энциклопедист, минералог, геолог, химик, знаток земли, географ, популяризатор, геохимик. Вот отрывок из его воспоминаний 1927 года (достойно упоминания, что он, стал академиком в 36 лет): "Увлёкся я минералогией в своеобразных условиях горного Крыма, среди научных интересов научной семьи; ещё семилетним мальчиком, впервые получив в подарок прекрасную минералогическую коллекцию, я увлекся камнем и вплоть до 12-го года занимался собиранием минералогической коллекции, которую потом передал в народный университет Шаняевского, первым деятелем по минералогии которого я был. Все мое детство прошло в увлечении минералами..." Будем ли мы искать наследственность в подобного рода случаях? Или обратим свое внимание на культурное воздействие ближайшей среды ребенка с первых лет. Конечно, это зависит от наших исходных установок и наших вкусов, а также степени нашего пристрастия к истине.

Один из самых великих химиков мира Юстус Либих родился в 1803 году у торговца Георга Либиха супруги его Марии Каролины. Заслуги Либиха перед

культурой человечества огромны. Он, плюс ко всему, основоположник научно-популярной литературы, которая сделала науку подвластной контролю общества и резко уменьшила опасные теневые и разрушительные стороны научной деятельности, которые в ней к сожалению присутствуют. В двадцать три года молодой Юстус был профессором университета и основал лабораторию, где студенты впервые начали систематически изучать методы химического анализа. Целые отрасли современного научного знания, такие, как агрохимия, биохимия, органическая химия обязаны своим рождением этому сыну неизвестного торговца, потомку крестьян-издольщиков, ставшему к концу жизни самым знаменитым и самым великим химиком своей эпохи.

А вот основоположник генетики Иоган Мендель – сын барщинного крестьянина из чешской Селезни. Учился на медные деньги. Ели сводя концы с концами, перебиваясь грошовыми уроками, он окончил гимназию и семинарию, выпустившую учителей приходских школ. Позднее он писал, что в монастырь его загнали нужда и желание заниматься наукой. Позднее преподавал в гимназии древние языки и математику, а потом переключился на физику и естественную историю. Когда он сдавал экзамен на учителя, на звание "учителя", он совершенно оскандалился на биологии, изложив в письменном сочинении такую классификацию млекопитающих, которую можно было вычитать только из Библии. Он объединил в один отряд кенгуру, зайцев и бобров. Слонов причислил к копытным. К тому же священник Мендель не отважился зачислить человека, наделенного бессмертной душой в отряд приматов вкуче с обезьянами, поставил человека вне всех отрядов. На этом учительская карьера Менделя временно прервалась. Пусть читатель не огорчается, позднее Мендель окончит естественное отделение Венского университета, где получит хорошее образование, вернется в школу, будет преподавать биологию, минералогию и физику и увлечется экспериментами над растениями и всяческими наблюдениями. Его исторические открытия были опубликованы в 1866 г. и никем из современников не поняты. Работы Менделя остались не замеченными до XX века. Его всемирная слава пришла к нему спустя сорок лет после его смерти. И опять же господствующая черта личности великого Менделя – мужество. Вынужденный бедностью и обстоятельствами жить в среде людей, которые его не понимали, в обстановке, где каждому обывателю полагалось мыслить и говорить понятиями средневековья, он оказался в конфликте со своей научной средой, и потому, когда он умер, его личный архив, где лежали предназначенные для опубликования научные статьи, был сожжен ультраклерикалами. Нужно было мужество, а оно формируется в начале жизни.

Александр Порфирьевич Бородин был незаконным сыном некоего князя и солдатской дочери. Ребенка записали сыном дворового человека – Порфирия Бородина. Маленький Саша был болезненным ребенком. Он даже учился дома с частными учителями. С детства его интересы разделились между музыкой и химией и проследовали за ним на протяжении всей жизни. Вот эта болезненность мальчика – факт довольно типичный для очень значительного числа воистину великих людей. Значение его не в том, что та или иная болезнь усиливает талант, а в том, что, отвлекая от нередко бесцельных и бесплодных игр со сверстниками, прикованных к дому вынуждает ребенка к углубленным раздумьям и занятиям. Мы просматриваем это явление в жизни огромного количества выдающихся деятелей в самых разных областях человеческой активности. Йёнс Якоб Берцелиус – законодатель химии в 1810–40-х годах, родившийся в конце XVIII века, был сыном простого крестьянина. Он, благодаря природным дарованиям и упорному систематическому труду, в возрасте двадцати восьми лет стал профессором химии и фармакологии медико-хирургического института в Стокгольме, потом, довольно скоро – членом Шведской Академии наук, а еще через два года – ее президентом. Академии многих стран избрали Берцелиуса своим почетным членом, в их числе и Петербургская в 1820 году.

Или вспомните знаменитого врача, ботаника, химика Германа Бургаве, который жил в конце XVII – начале XVIII веков. Он в шестнадцать лет остался сиротой, без гроша, без образования, без друзей, с семьей, о которой он должен был заботиться, был беден одинок. Вот где понадобилась настойчивость, трудолюбие и вера в себя. Бургаве сделался одним из ученейших людей Европы. Петр первый, когда он из России приехал в Голландию учиться кораблестроению, регулярно посещал лекции этого всемирно прославленного профессора. Один восточный мандарин написал ему письмо по адресу: "Знаменитому Бургаве – доктору в Европе". И представьте себе, письмо дошло.

* * *

Заставить учиться можно. Но чему? Прежде всего, отвращению к учению, ненависти к тем, кто принуждает к учению.

* * *

Сейчас у нас господствует в школе такая последовательность этапов обучения: объяснение нового материала – закрепление его – домашнее задание – спрашивание уроков. Но чрезвычайно полезна прямо противоположная последовательность этих классических для XVII–XIX вв. этапов школьного обучения.

Очень важно делать ставку на растущий вклад учащихся в обсуждении новых тем, нового материала, новых задач. Очень важен акцент на практическое введение в новое для учащихся при условии теснейшей связи этого нового с уже изученным, известным, знакомым, понятным. Эта обратная, перевернутая по сравнению со старинкой, но совершенно прямая и правильная, с точки зрения психологии познания, последовательность предполагает:

1. Выспрашивание проблем, обсуждение самой проблемы, постановка задачи, выработка коллективной цели при изучении данной темы с точки зрения развития, понимания жизни, всего учебного предмета данной области знания и т.д.
2. Это домашнее задание по подготовке к изучению нового, задание, распределяющее усилие учащихся в соответствии с их склонностями и индивидуальными особенностями. Это распределение должно быть таким, чтобы каждый нашел свое место в общей работе.
3. Взаимообмен добытыми новыми знаниями, добытыми самими учащимися и коллективное их обсуждение.
4. Наконец, последний этап – это учительское резюме, обобщение, систематизация, а тут же и углубление, сообщение действительно нового, дополнительного и особенно важного материала.

Продолжением и завершением такого цикла последовательности изучения служит в цепи последующих учебных занятий мозговой штурм, решение нетиповой задачи и коллективное, и индивидуальное.

* * *

Социология, правоведение и психология, включая социальную, - важнейшие предметы изучения в школе жизни с помощью науки, изучение жизни научным методом, приобретение молодежью научных способов действия в этом мире.

Здесь придется раскрыть всю сложность проблем, возникающих из-за отношения между теориями и действительностью. Действительность как источник теории. Действительность в зеркале различных теорий. Способы и методы создания теории действительности. Теория желаемого, необходимого и возможного. Важнейшая часть этой проблематики – народоправие, проблема суверена, законность власти и законность как таковая, передача власти народу, гаранты законности этой власти, правовое общество.

Чтобы ложь перестала быть выгодной какой-нибудь одной личности или целым социальным группам, самое важное с детства показать, что ложь есть преступ-

ление против общества, что самое страшное искажение и почти преднамеренное разрушение хорошего общества, в котором только и может хорошо жить человек, это замалчивание истины и намеренное введение в заблуждение: приписки, дутые отчеты, приукрашивание действительности, оскорбления, казнокрадство и т.п. Надобно вызвать отвращение к преступлению лжи. Поэтому в детском сообществе и братстве, прежде всего в школе, важно не замалчивание различных зол и трудностей, не гомеопатические дозы правды или полуправды, а вся правда, весь селевой поток правды, который должен буквально заполнять собою школьную жизнь, школьную прессу, все школьные отношения. Это и есть воспитание гласности. Важно показать детям, что тараканы всегда боятся света, что большие и малые преступления всегда вершатся в темноте безнаказанности, что суды часто мало эффективны по множеству причин и что гласность, открытость, правда и честность совершенно необходимая среда, атмосфера и фон для оздоровления и совершенствования человеческого существования.

* * *

Вопросы о смысле жизни, о смерти и бессмертии, о сущности нравственности, ориентиры в красоте и безобразии, добре и зле – важнейшие составные части мировоззрения, в котором трудно найти так называемые мелочи. Поведение определяется мироощущением, мироотношением человека, и с этой точки зрения в нем все достаточно важно.

Особое место занимает здесь возвращение самостоятельного, критического мышления человека, способного видеть различные ответы на один и тот же вопрос, ответы, которые взаимодополняют, а не исключают друг друга. Только такое мышление не в силах обмануть никакая дезинформация, никакая пропаганда, никакая лесть и демагогия. Это королевский путь к профилактике костного, негибкого мышления, подчиняющегося ложным взглядам большинства. В той же степени важна способность человека к переносу и знаний, и опыта своего в новые вечно изменяющиеся ситуации. Если нет этой способности, то есть питательная среда для разного рода чуждых и вредных влияний.

Но цели для нас, для взрослых, достижимы только в том случае, когда они становятся целями для ребенка. Вот почему так важно совместное выработка целей деятельности.

Идея педагогики жизни в свою очередь приводит к идее воспитывающей и обучающей среды, способной вести детей вперед путем "опережающего задания" трудностей, посильных и действительно развивающих.

* * *

К воспитанию мужества, мужества сознания, мужества понятия, мужества совести. Мужество важно и для того, чтобы быть первооткрывателем. Дети должны знать, что кто идет по своей собственной дороге, не встретит на ней никого – это особенность всех собственных дорог, как говаривал Ницше. "Он имеет свою дорогу и, конечно, платится за нее своей горечью и своими неприятностями".

* * *

Сейчас стало модным учить скорочтению. Не спорю, и оно полезно для беглого ознакомления и предварительного просмотра больших объемов литературы. Но, собственно, литературное развитие возможно только при условии, если ребенок встретит хорошего учителя медленного чтения. Он должен привыкнуть и научиться медленно писать.

* * *

Известно, что отец Паганини силой заставлял своего сына учиться музыке и

упражняться на скрипке и как будто бы пришел к весьма недурному результату. Мы знаем, что нечто подобное было, хотя отчасти конечно, и с маленьким Моцартом. В известной степени принудительно действовал и Джемс Миль, отец впоследствии знаменитого философа Джона Стюарта Мила.

Так что же, неважно, хочет ли ребенок учиться и насколько сильно хочет? Может быть учиться можно заставить и, как минимум в некоторых случаях, это дает хороший результат?

Не будем торопиться с выводами. Приглядимся внимательнее к этим и подобным им примерам.

* * *

Как возникает желание, потребность, а иногда и необходимость не подчиняться установленным порядкам. Например, совместного труда или нормам поведения? Когда эти порядки и нормы не отвечают другим потребностям личности. И так дело в гармонии личности и общественных потребностей.

(О дисциплине у Канта в лекциях о педагогике, и не забыть высказывания Петра Капицы: "Дисциплина нужна не для того, чтобы заставлять людей работать, потому что, если их нужно заставлять, то они для работы не нужны, а для того, чтобы работать дружно, целеустремленно и продуктивно".)

* * *

Весь учебно-воспитательный процесс в школе можно и должно рассматривать с точки зрения очеловечения человеческих потребностей. Иными словами, школа обязана учить красоте и порядочности, достоинству собственно человеческих способов удовлетворения важнейших человеческих потребностей. Для этого она должна специально изучать структуру и систему человеческих потребностей, правильность и неправильность путей и способов их удовлетворения, вырабатывать желательное отношение к этим способам.

Школа добьется своих самых высоких целей, если станет школой потребностей к творчеству, будет вызывать эти потребности к жизни и давать возможность для их удовлетворения. Самая лучшая школа – это школа потребности и способности к внесению в жизнь лучшего, прекрасного. А для этого она, школа, должна стать школой диалектики, диалога, сотрудничества, самокритики, взаимопонимания, свободы столкновения мыслей и выработки оптимального, приемлемого для группы решения.

Для этого нужна не дисциплина, а самодисциплина, не управление, а самоуправление, не развитие, а саморазвитие. Школа дает средства, т.е. материал и помощь для самореализации учащихся и вызывает сильное желание правильной самореализации.

* * *

Если уж говорить о методах обучения, то говорить не о его внешних разновидностях, а о его внутреннем содержании. Исторический опыт показывает, что не так уж важно, каким методом пользуется учитель, делает ли он вместе с учениками опыты или демонстрирует их, рассказывает или читает лекцию, дает задания и доклады или предпочитает чтение с детьми литературы про себя – все это не так важно. Посмотрите, Кант, Фихте, Шеллинг, Шлейермахер, Гегель учились просто с помощью лекций, а какой живой они вызывали энтузиазм у своих слушателей, как они развивали их мысль. Дело не в методе, а во внутреннем содержании этого метода, в реальной жизни, мысли и чувства, которые одухотворяют это содержание.

Самое важное в содержании любого метода – его реальное жизненное содер-

жание и отношение этого содержания к реальной жизни учащихся.

* * *

Мировоззрение, как известно, орудие преобразования мира и фундамент человеческой жизни. Мировоззрение – не только содержание, но и способ осознания действительности, принципов жизни, определяющих характер человеческой деятельности и сегодня, и завтра. В трудную минуту, в миг опасности, когда не остается времени на раздумье и выбор, и решение, и способ деятельности должны проявиться мгновенно и самопроизвольно, вот тут-то и срабатывают автоматизмы мировоззрения, мировосприятия, мироощущения, миропонимания, тут и срабатывают идеалы, убеждение и совесть, весь характер жизненных устремлений человека, его вкусы и интересы.

Какие идеалы вырастают у воспитанников – преуспевание, блистательная карьера, сексуальный атлетизм или же стремление познать страдания человечества, положить конец духовному обесчеловечению? Успокоить совесть, вообще бездумный покой или неутолимое стремление к совершенству? Выбор того или иного мировоззрения, той или иной системы идеалов, зависит в огромной степени от знакомства человека с жизнью и от выработки у него эмоционального к ней отношения. Здесь очень важны и полезны контрасты. Положим, при обучении литературе контраст бульварной макулатуры с высокой классикой. Важен анализ изучения и оценка самых разных систем идей: социологических, философских, литературоведческих, политических, этических, религиозных, бытовых и всяких иных.

* * *

Мировоззрение составляет системно-структурное ядро личности. В нем неразрывно сплавлены и знания о мире, и ощущения от мира, так сказать мироощущение.

Не хлебом единым жив человек. Старая истина. Достоевский неопровержимо показал: без твердого представления, зачем, для чего жить, как жить и на что надеяться, без ответов на эти архисюжетные, центральные пункты мировоззрения человек не может жить сколько-нибудь по человечески, хотя бы вокруг него все-все было – и хлеб, и радости. Мятущийся и ищущий человеческий дух стремится одновременно также и к спокойствию, которое некоторым людям, как тоже убедительно показано Ф.М. Достоевским, дороже даже и сытости. Успокаивающие ответы на самые мучительные вопросы жизни также ложны и опасны в воспитательном отношении, как и отсутствие каких бы то ни было ответов, а, главное, как отсутствие способов поиска этих ответов.

Здесь все важно: профилактика потребительства, стяжательства, духовной сытости, автоматизмов поведения и подталкивание детей к готовым, заранее определенным ответам.

Проблема становления мировоззрения – это проблема снабжения растущего человека способами справляться с трудностями и мучениями жизни, достойными человека способами. А как справиться человеку с унижением, с унижением не своим только, а унижением и других людей? Как жить в мире, где человек унижает человека, друг друга, где унижают? Как научить любить этот мир, ибо не любя его, нельзя в нем не разрушая его жить? Как научить ощущать радость бытия, научить вере в себя и способам самоутверждения достойным человека? Как помочь ему подняться из низости душевной? Как не допустить предательства, эгоизма, черствости?

Слишком много тайн, прав Достоевский, гнетет человека. Разлад сердца и ума. И, если не помочь человеку разгадать загадки бытия, то до чего он сам додумается? Вдруг додумается до презрения к людям, до того самого презрения, которое есть суть и сердце всякой преступной психологии и многих преступлений?

* * *

Выход один, чтобы дети сами своим умом в ходе свободной нетенденциозной, объективной дискуссии приходили к ответам на самые важные, самые трудные вопросы мировоззрения, вопросы истории, вопросы настоящего и вопросы будущего. Здесь нужно глубокое обществоведение, хорошая философия, глубокие литературные обобщающие курсы, подводящие итоги политического, религиозного, социологического, исторического, искусствоведческого, в целом мировоззренческого образования. Мировоззрения не только содержание содержания, но и способ осознания действительности таких принципов жизни, которые определяют характер деятельности.

Нет более сложной, более общей, сердцевинной, всеопределяющей проблемы воспитания, чем проблемы мировоззрения.

Вот почему нравственное воспитание включает в себя, как очень важную, едва ли ни важнейшую свою составную часть, овладение детьми наукой об основаниях нравственности, наукой о науке философии, в данном случае философии практической, философии действия. Наклонность умствовать наперекор законам нравственности, глубоко понятый и доведенный до степени убеждения, уступит место, или даже никогда не возродится к жизни, если человек растущий овладевает постепенно все больше и больше подлинной научной диалектикой, настоящим диалектическим мышлением. Что это такое? Это спор человека с самим собой. Это осознанная и желательная ему самокритика, критика своего собственного разума. Это обоснование своих убеждений и взглядов, и отношений, и способов поведения твердым и хорошо проверенным научно достоверным познанием истины.

Таким образом нравственность невозможна без истины, как не возможна она и без стремления к гармонии, к красоте.

* * *

Все и всегда согласны с тем, что воспитание или в качестве прямой своей цели, или в качестве побочной, но важнейшей, есть подготовка вступающих в жизнь людей к жизни совершенно самостоятельной. Но чтобы выпустить человека в самостоятельное плавание по этому океану страданий и блаженств, который называется жизнью, надобно знать в чем цель его жизни и помочь ему отыскать эту цель.

Цель человеческого бытия в мире не может состоять ни в радости, ни в страдании, а только в постоянном, вечно идущим вперед саморазвитии. Здесь нет спокойного счастья, которым мы могли бы наслаждаться, сложив руки, и все-таки на этом непрерывном пути свободного саморазвития может быть найдено достойное человека удовлетворение. Его не находят, его завоевывают. "Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой" (Гете). Цель человеческого бытия не в каком-то единичном моменте счастья, но во всем жизненном пути, как в счастье, так и в муках. И не надо никакого волшебства, чтобы освободить человека от забот, от призраков и от страданий. Постоянно неудовлетворенный он находит и счастье, и страдание в своем движении вперед. Каждая решенная задача содержит в себе новые задачи, которые опять им надобно решать, и как правило, новые задачи труднее предыдущих – их разрешение и есть цель человеческого бытия, цель бесконечная, но кто знает, может быть именно в этой бесконечности ее величие, ее грандиозность, ее неисчерпаемость.

В этой гигантской всеобщей цели педагогика и воспитание занимают совершенно выдающееся место. Ведь если каждое последующее поколение не будет становиться лучше и лучше, то тогда человечество не будет развиваться или его движение будет сильно прерываться, хотя мы и верим, что оно никогда не прекратится.

Мы можем согласиться с Кантом, что крики о неудержимо усиливающейся ис-

порченности человеческого рода объясняются как раз его совершенствованием. Человечество видит гораздо дальше и судит о том, чем оно должно быть гораздо более строго, чем раньше именно потому, что оно поднялось на более высокую ступень моральности. Более или менее долгие задержки этого нравственного развития человечества еще не доказывают, что общий поступательный ход не приносит успеха. Подлинное воспитание есть самовоспитание, необходима свобода поиска, эксперимента, свобода проб и ошибок, свобода мыслей и обмена мыслями. Основа всякого воспитания есть самостоятельность мышления человека, без этого он никогда не выйдет из состояния несовершеннолетия и всегда будет руководствоваться не собственным суждением, а находиться под властью предрассудков и мнения других людей.

Мыслить не легко, это стоит усилия, и для мышления необходимо время. Нет ничего легче, как иметь опекунов, которые думают за нас и устраивают наши дела. Стремление к покою тоже есть несовершеннолетие. Любовь к покою это лень. Нелюбовь к усилию и труду есть страх и трусость. Воспитание как самовоспитание требует от растущего человека напряжения сил. Воспитание как выход человека из состояния несовершеннолетия имеет своим лозунгом старинный древнеримский: "Имей мужество пользоваться собственным разумом". Воспитание должно ответить на вопрос о природе и происхождении зла во всемирной истории и в отдельном человеке. Но как бы педагогика ни отвечала себе на этот вопрос, она не может забывать, что на свете есть добродетель, для которой нельзя найти степень искушения, способную ее опрокинуть, уничтожить. Пусть ее мало, но ею держится мир. Иначе, если бы все были грешниками и не было никого, кто не совершал бы зла, то мир бы давно и безнадежно рухнул и погиб. В этом отношении очень показательны честные раздумья одного из представителей современной педагогики нового воспитания, английского теоретика и практика Александра Нила: "Я ищу, я бреду ощупью, я пытаюсь и не могу понять, почему человечество творит так много зла. Не могу верить, что зло прирожденно, что существует первородный грех. Я так часто видел, как озлобленные дети превращаются в хороших людей, получив свободу и одобрение взрослых. Но почему тогда от природы благое человечество делает свое общежитие больным, несправедливым и жестоким? Я знаю по опыту, что дети, воспитанные в условиях свободы и самоуправления, никогда не будут ненавидеть другие народы и расы, никогда не будут бить своих детей, не будут свои половые импульсы рассматривать как свою вину, никогда не будут пугать своих детей сказками о наказующем Боге. Я спешу добавить, что другие учителя могли бы заявить решительно то же самое".

То что наше общество больно, никто не может отрицать. Что общество не желает покончить со своими болезнями, так же неоспоримо. Оно борется со всякой гуманной попыткой улучшить его.

В определенном смысле задача педагогов состоит в том, чтобы преодолевать массовую психологию овечьего стада, где все одинаково блеет, отталкивая "черную овцу" - любого, выражающего протест, оспаривающего что-либо общепринятое...

Одно поколение тянет за собой другое со всеми его педагогическими безумиями. Трущобы, плохое образование и экономическая эксплуатация превращают человека в зверя. Эти условия заставляют искать выход из нашего государства процветания, из нашего "никогда прежде еще не было так хорошо" при условии, что в протестантских школах продолжают бить детей, лицемерно соединяя советы этого старого кретина Соломона с советами этого старого дурака Христа. Диагноз ясен: разрушай любовь, и ты пожнешь ненависть. Но почему мы разрушаем любовь, не знаем...

Учительница рассказывала в классе о Нероне, как он убил свою мать, и как он играл на арфе в то время, когда Рим погибал в пожаре. "Ну, а теперь, дети, после того, что я рассказала вам, как вы думаете, был ли Нерон хорошим или

плохим человеком? Ты, Билли". – "Ради Бога, мисс, лично мне он не сделал ничего плохого!" Миром правит философия Билли... Может быть, все-таки перво-родный грех существует, в конце концов: грех в погоне за выгодой. Если мой опыт учителя имеет хоть какое-то значение, то им должен быть только один завет: "Не возжажди выгоды!"

* * *

Конечно, чем умней человек, тем лучше он понимает трагизм смерти и драматизм человеческой судьбы в этом мире. Смерть предопределяет трагическую ноту человеческого сознания и самосознания, как будто бы цену за осознанность мира. Будучи каким-нибудь животным, он (человек), если предположить эту фантастическую ситуацию, не думал бы о конечности и гибельности своего существования. Но именно за то, что он человек, а не животное, ему и приходится расплачиваться этим трагизмом.

Вот почему воспитание мировоззрений и отношений растущего человека к миру предполагает обязательно включение в себя этих вопросов – о жизни и смерти, предполагает их глубокое и честное обсуждение с ребенком. Разумеется, в разном возрасте эти обсуждения будут принимать разную форму и отличаться степенью глубины, и требовать разной степени мужества от человека. Но общая тенденция в развитии этой линии воспитания, такой важной, такой необходимой – это увеличение степени мужества. Только мужество может спасти человека и от отчаяния, и от глупости, и от зла, если это мужество направлено, или лучше сказать, если это мужество замешано на доброй воле, на доброй направленности, нацеленности всей человеческой души.

Тайны воспитания духа

Все, чему научается человек, все чему он воспитывается, желательно пронизать красотой. Но правильно понятой красотой. Ведь Ф.М. Достоевский совершенно прав, говоря, что красота – вещь страшная и ужасная. В чем человек увидит красоту, то и будет делать.

Жизнь человека правильно понять как произведение искусства, а именно искусство жить, и это главное и высшее, чему можно научить каждого нового, вступающего в жизнь человека. Это особое отношение к своей и чужой жизни как к самодеятельному, а подчас и высокому искусству следует пронизать правильно понятой красотой. Сюда относится понимание идеала, стилей, образов жизни, в частности, и собственно искусства: архитектуры, скульптуры, живописи, музыки, поэзии, прозы и т.д. И уж только в самом конце, когда утвердится вкус, и непосредственное восприятие красоты, тесно связанное с иерархией ценностей и идеалов человека, только тогда можно приступать к теоретическому изучению эстетики, природы красоты, природы безобразного, комического, трагического и т.д.

* * *

Не менее важна проблематика, условно выражаясь, противоположного полюса преступного мира, а именно, облика, психологии и воспитания судьи. Образ судьи в душе каждого человека есть проблема человеческой совести. Судья реальный, живой, юридический, по идее, есть воплощенная совесть. Здесь возникает мучительно сложный вопрос о праве и возможности суда. Это опять педагогика взрослых – андрагогика. Воспитание в себе взгляда со стороны судьи, т.е. совесть внутри судьи как реального лица, сложное, тонкое, высокое становление психики. Здесь главное взгляд на себя как на представителя человеческого, общечеловеческого, как на представителя общества, здесь кантовская идея достоинства человечества в моем лице.

Тайны самовоспитания

Возьмемте проблему призвания, неповторимо индивидуальный склад, как актуальных, так и потенциальных способностей личности во многом определяют ее мотивацию. Можно согласиться с Маслоу, что первичные, простейшие потребности, физиологические в пище, в воде составляют лишь первый из пяти слоев в иерархии потребностей человека. Следующий слой образует потребность безопасности: свобода от боли и страха, уверенность в прочности существования. Как только удовлетворены два этих слоя потребностей, человек испытывает более высокие стремления. В первую очередь в эмоционально окрашенных связях с другими людьми: потребность в друзьях, жене, детях, определенном месте в той или общественной группе – это третий слой в иерархии потребностей. Далее следует потребность в устойчивой, обоснованной высокой самооценке, в самоуважении и уважении других – это четвертый слой. И наконец верхний пласт в пирамиде потребностей составляет потребность в самореализации, в том, чтобы стать тем, чем человек способен стать.

* * *

Трусость. Тонкое это дело воспитывать смелость. Почему люди часто мирятся с безобразиями, проходят мимо, отмалчиваются, считают, что их дело сторона? В случаях, когда это связано с необходимостью защиты, речь идет о вкоренившейся трусости. Но и противоположная крайность – безрассудство – тоже нежелательно. Хорошие методики самовоспитания мужества, преодоления себя при самозащите описаны Владимиром Леви, в частности, в книжке "Искусство быть другим". Хорошо бы процитировать, и согласиться, и отнестись к его советам.

Тонкое это дело. Всегда вредны крайности. Разумная осторожность, расчетливость, хладнокровие и борцовский задор, их оптимальное сочетание наполняются реальным воспитательным смыслом, прежде всего, когда речь идет о самозащите и самопомощи. Ну, разумеется, в благом деле.

На том же уровне стоит и защита слабого, униженного, обиженного, незаслуженно страдающего. Разумеется, сказанное справедливо и во множественном числе.

Поскольку мужество есть в огромной степени самопреодоление, а вовсе не отсутствие страхов (отсутствие страха вещь сама по себе опасная и мало желательная, ибо страх как и боль помогают человеку правильно ориентироваться в трудной ситуации), постольку воспитание мужества – мужества в самом широком смысле: прежде всего, мужества сознания – мыслится как воспитание трудностями и через трудности.

Правильно понимаемое мужество это всегда и ответственность. Поэтому воспитание ответственности и мужества – вещи близкие и взаимосвязанные, идущие рядом.

И здесь же, в том же ряду лежит уважение к людям.

Тонкое это дело. Уважение к себе и уважение к другим... Конечно, мужество питается достоинством. Но как тонка эта грань. И как она реальна – железная, но тончайшая стена между самомнением и чувством своего достоинства.

Человек не знает границ своих возможностей. И человечество в целом не знает их. Способность быть сильней обстоятельств часто оборачивается и горем и высокой победой. Все зависит от наших целей. И, конечно же, от средств, которые выбираются для их достижения. Ибо каждое средство в той или иной мере несколько видоизменяет, а то и полностью искажает цель.

Человек не отступает перед трудностями и вопреки всему борется за достижение поставленной цели. Хорошо это или плохо? Хорошо, если хороша цель. Хорошо, если хороши средства. И ужасно в противоположном случае.

Сказанное справедливо и для мужественной помощи окружающим. Желание помогать людям, не просто желание, а потребность, стремление передавать

окружающим все, что умеешь и знаешь и достигаешь сам – все это прекрасно и для педагога, и для артиста, и для медика, и любого иного человека, но лишь тогда, когда мы умеем помогать. Как не вспомнить еще детской, еще школьной, еще первоначальной, но такой вечной, такой справедливой, такой глубокой сентенции В.А. Овсеевой – писательницы для малышей: "Надо так давать, чтобы можно было взять". Мужество, оказывается должно быть очень тактичным. Подлинная сила должна быть великодушной.

И вера в себя спасительная, необходимая, будучи преувеличена или искажена становится самоуверенностью, противоположностью, разрушает и убивает жизнь. Это прекрасно, когда человека не охватывает паника, у него не опускаются руки, он не отказывается от борьбы... Недаром многими религиями отчаяние считается грехом. Но вера в победу должна быть жестко отграничена от фанатизма, настойчивость и добрая воля – от слепого, тупого упрямства. Они очень близки друг к другу – мужество и терпение. Воспитатель должен об этом помнить, думая о достижении профессионализма, о тайне призвания. (Сюда "О призвании" из моих заметок в дневниках, из Гегеля из соответствующей папки.)

Это тонкое дело, воспитание мужества. Мужественен ли наемник, конкистодор, вообще агрессор и вояка? Опустошен он мужеством. Мужествен от отчаяния. Мужествен от бессмысленности.

Желательное конструктивное мужество – это смелость от богатства души, от великой души, от великодушия. У Писемского в "Тысяче душ" герой спасает людей на пожаре. Он бесспорно мужествен, но что руководило им? Отвращение, брезгливость к себе, презрение к собственному предательству... Мы не можем воспитывать поступок ради поступка, качество ради качества, черту ради черты. Все решают цели и средства, на реализацию которых обращено мужество и терпение. Герои, подвижники готовые к самопожертвованию за идею, в чем состоит ваша идея? Вот ведь в чем суть дела. Какие идеалы храните и продолжаете? Ради кого и ради чего и за чей счет – кто знает, – вы держитесь за свое любимое дело, за свою высокую благородную мысль? Если они по истине человеколюбивы, по правде, по совести и думы, и мечтания, и дела, то в этом случае действительно надобно уметь побеждать.

Мужество предполагает некоторое простодушие, способность презирать и преодолевать хитрости антагонистов. Но вместе с тем обидно растрчивать мужество там, где достаточно обойтись дипломатической борьбой, где важно расплетать хитрости. Увы, бесхитростное мужество часто гибнет. Наше воспитание не может обрекать героя на гибель. Сложность всей этой проблемы в том, что мужество, подвиг, подвижничество, героизм – чисты, а зло неразборчиво, жестоко и грязно. Чтобы победить зло, надобна особая высота духа. И воспитание призвано вооружить героев и мучеников науки, новаторов и подвижников, всех, кто не может не взять на свои плечи тяжести ответственности человеческого движения к человечности, всем необходимым для победы.

Главное, чтобы будущие, а стало быть и сегодняшние наши герои не возжаждали наград, благодарности, не сегодня, не в будущем, не от современников и не от потомков. (Сюда Фихте о внутренней награде героя.) Здесь все вливается в воспитание для смысла жизни, для умонастроения, подобное тому, что в знаменитых лермонтовских строках... Судьба... "из тех которых жизнь одно мгновение невыносимого мученья, недостижимых утех".

* * *

В природе вообще, и в человеческом обществе в частности, не существует способа принуждать кого бы то ни было к чему бы то ни было, не вызывая при этом некоторого страха. Поэтому человек, воспитывающий других и становясь на путь принуждения, становится на дорогу, ведущую к бесконечно дурной бес-

конечности, к четкому и ясному тупику. Почему? Да потому, что любое принуждение вызывает страх, страх приводит к необходимости дополнительного принуждения, поскольку он не дает возможности развиваться, новое еще большее принуждение вызывает еще больший страх и так дальше, до тех пор, пока страх не делает абсолютно невозможным какое бы то ни было развитие. Необходимо оставлять простор для свободы деятельности растущего человека. Только этот простор вызывает к жизни представления о его свободе.

* * *

К воспитанию воли.

Сверхзадача этого воспитания, т.е. его подспудная цель, главная и конечная – это становление человечески воли, благотворно, к лучшему преобразующей окружающий мир. Пропasti тоже своеволие воли, утопизм и волюнтаризм. Решение проблемы – преобразующая воля благотворна тогда, когда действует по законам мира, в соответствии с этими законами, посему, прежде чем действовать, она должна эти законы познать и постоянно познавать их в ходе действий. Это основной закон воли и основной закон нравственности с младенчества и до гробовой доски. Каждый должен проявлять как раз столько предусмотрительности, чтобы не нарушить права других, сколько он проявляет предусмотрительности, для того, чтобы не были нарушены его права. Право на наказание теснейшим образом сопряжено с правом на исправление и на искупление. Понятие о свободе своей воли может возникнуть только в ходе действий во внешнем мире.

* * *

Растущий человек приобретает опыт только, если ему предоставлена свобода экспериментировать с вещами и явлениями мира. Почему так? Потому, что сталкиваясь с миром в ходе экспериментирования, ну, конечно, неопасного для здоровья и жизни, еще не знающего мира ребенка, обеспечивается ему прямое познание природы и законов мира. Чем больше он будет свободен в разумных границах, тем скорее он сам ограничит свою свободу по мере понимания, осознания, неприложности объективных, не зависящих от воли и капризов взрослых людей, законов действительности.

Считается, что главное воспитание – это послушание ребенка. Но послушание вещь коварная, противоречивая. Лучше всего, когда ребенок делает то, что другие хотят, если другие в свою очередь делают что-нибудь для него приятное. На самом деле, одна из величайших трудностей в деле воспитания как раз заключена в том, чтобы совместить добровольное подчинение ребенком необходимости с его способностью пользоваться свободой. Конечно, без внутреннего самоограничения нет нравственности. Ограничение свободы неизбежно, но оно не разрушает человека, когда оно осознано и добровольно. Способность растущего человека ограничивать свою свободу должна стать его привычкой и сопутствовать ему всю жизнь. Но вместе с тем столь же важно так руководить воспитуемыми, чтоб они научились пользоваться свободой. Без этого нет правильного воспитания, и как результат нет способности свободно выбирать правильную линию поведения. Здесь очень важно, чтобы ребенок не был изнежен, чтобы в нем формировалась воля. На эту тему есть интересные суждения американского психолога Джона Уотсона, который еще в 20-х гг. нашего века говорил, что ребенок должен научиться преодолевать затруднения самостоятельно вне зоркого ока своей матери, и ни один ребенок не должен слышать специальных поощрений, замечаний или одобрений, когда он сделает то, что должно быть им сделано.

Свобода действительно единственное средство избежать капризности, если

только как можно раньше предоставлять ребенку самому делать все для себя. Многие дети способны самостоятельно есть уже в полтора года, пользоваться горшком в год, ухаживать за зубами в два года, в два с половиной, а иногда и раньше. Они могут полностью одеваться в четыре года и т.д., и чем раньше это ухитряется делать ребенок без чрезмерных и главное без мучительных усилий, тем лучше. С раннего возраста ребенок должен столкнуться с ограничивающими его потребности и желания разумными, добрыми, но твердыми противодействиями, проистекающими из природы и условий человеческого общежития. Благодаря этому он сможет постепенно научиться переносить лишения, самому содержать себя и главное быть независимым, т.е. свободным. В том-то и дело, что свобода, личная свобода человека в огромной степени связана с ограничением своей свободы, т.е. хорошая правильная свобода целиком зависит от несвободы дурного, от несвободы лени, изнеженности, безделья и т.д. Только тот человек может быть действительно личностью, индивидуальностью, кто владеет своими чувствами, техникой труда, режимом – волевой человек; в том-то и дело, что человек становится рабом и теряет свою свободу, когда он не умеет ее, свою свободу ограничивать. Ограничение здесь – это только те случаи, когда ребенок может повредить себе, например, если он хватается за острый нож. Другое ограничение это, когда ребенок чего-то пытается добиться криком и прочими видами настырности. Главное в этом воспитании свободы – дать ребенку возможность убедиться, что он способен достигать своих целей, только позволяй и другим достигать своих. Например, можно не оказывать желательных для ребенка услуг, если он не выполняет своих обязанностей. Наоборот, пусть постепенно увидит ребенок, что он может стать свободным, не зависящим от посторонних услуг и опеки. Но он может стать свободным, если станет самостоятельным, если будет управлять собою, т.е. развивать в себе эту способность к самоограничению. Дети сравнительно поздно приходят к мысли, что им впоследствии самим придется заботиться о себе, например, о своем пропитании. Им кажется, что они всегда будут жить под крылышком родителей и что их всегда будут кормить и поить, не требуя от них за это никаких забот и усилий. Вот почему не маловажно давать возможность ребенку и подзаработать свое пропитание, ничего в этом страшного нет. Наоборот, полезно, если это ему посильно и интересно. Это очень способствует становлению чувства собственного достоинства, даже и в маленьком человеке.

С этой точки зрения общественное воспитание важно разумно сочетать с семейным, индивидуальным воспитанием. Благодаря общественному воспитанию дети привыкают рассчитывать свои силы и ограничивать себя, принимая во внимание права других. Ведь если дома ребенок никогда не встречает противодействия своим желаниям, он вырастает просто диким и страшным.

Очень важно, чтобы ребенок мог отличиться, только при одном условии, благодаря собственным заслугам. С этой точки зрения надо поощрять не природные способности, не красоту ребенка, не его платье, одежду и пр., не то, что дается ему "за даром", а исключительно только то, чего он достигает с помощью определенных усилий и что действительно хорошо по отношению к его собственному возрасту и возможностям.

Настоящая прочная нравственность человека строится лишь на фундаменте, который он вырабатывает сам. Поэтому воспитание предоставляет возможность человеку самоопределяться в этом мире. Только в этом случае воспитание не насильственно, и его сущностью становится помощь в саморазвитии, в саморазвертывании важнейших сил, способностей, задатков человека.

* * *

Сколько детей начало воровать потому, что близкие взрослые ждали от них воровства, подозревали их, прятали от них!.. Как часто человек находит в своей душе то именно, чего от него напряженно ждут. Педагогический оптимизм,

благодатный, благотворный, благородный! Спасительный во множестве случаев! Конечно, я и прежде знал об опасностях педагогической "презумпции виновности" и знал о педагогической силе веры, надежды и любви – ведь я немолодой учитель.

Но никогда я не предполагал, что оптимистическая гипотеза способна столь могущественно скоро и с такой разительной властью преобразовать и взрослых. Что – "взрослых"? Пожилых, многоопытных, казалось бы, закосневших в рутине, тысячекратно привыкших к самим себе, учителей. И наоборот – какой убойный заряд содержит для тех же учителей начальственный консерватизм, шаблон, ожидание "преступлений" и требование рабски следовать единым образцам.

Учитель – человек. Человек дает часто именно то, чего от него ждут. Учитель невольно идет по пути наименьшего сопротивления...

Пока не отменены гербартианские по своей логике и сути показатели учебно-воспитательного процесса и критерии оценки его результатов, не видать школе демократического обновления, не бывать в ней перестройки. Имеющие юридическую силу, они сейчас едва ли не главный по степени действенности фактор пробуксовки школьной реформы.

Что же заменит безнадежно устаревшие и вредные, опасные и враждебные нашей сегодняшней школе критерии и показатели ее эффективности? Пока нет новых всесторонне обоснованных и проверенных, да и когда они появятся, все равно единственная альтернатива удушающе реакционному гербартианству – оптимистическая гипотеза, т.е. доверие к учителю, воодушевленному высокими целями социалистического воспитания и обучения по Ленину, Луначарскому, Крупской, Шацкому, Выготскому, Сухомлинскому... По нашим ведущим новаторам, по их педагогике сотрудничества. По тому лучшему, что делает учитель вопреки начальственным ожиданиям и чем, может статья, и держится еще наше общество, приведенное в годы застоя к предкризисному состоянию. Дайте свободу учителю! Не бойтесь свободы! Она не анархия, а необходимое условие для вдохновения. Насытите школу верой, надеждой и любовью не только к детям, но и к их старшим сотрудникам.

Я видел, какие чудеса творит оптимистическая гипотеза с моими коллегами ("другая картина", о которой в начале статьи).

Более двухсот учителей, завучей, директоров школ, работников наработочных органов собрались в ноябре прошлого года, чтобы познакомиться с некоторыми новинками психологии и педагогики. Издерганные, усталые, нетерпимые друг к другу, грубоватые до бестактности и суровости, эти люди за 2–3 дня превратились в некую почти фантастическую противоположность себе самим. И что особенного? Просто вместо того, чтобы диктовать им тезисы или читать лекции, им предложили вместе с учеными искать ответы на большие вопросы школы, выказав уверенность в их способностях к этому поиску и в ценности их опыта и мыслей.

Обыкновенное чудо! Как расцвели, как преобразились люди! Какую душевную красоту явили, какой тончайший проявили психологизм. Многие стали показывать фрагменты своих уроков. Сколько было находок! Учителя перестали слушать только самих себя и требовать готовой информации от ученых. Все заражали друг друга энергией исканий... Никто не хотел уходить. Едва расстались, неутоленные, оживленные, обновленные, полные надежд...

Значит есть в каждом из нас, значит живет в тайниках и складах души прекрасное. Дайте свободу ему, не мешайте скучным бормотанием, не стойте за спиной, над ухом не дышите, не душите, не душите!..

Оптимизм – здоровье школы, бодрость мысли и чувства. Оптимистическая гипотеза – повивальная бабка и учительского творчества.

Распределение своего бюджета времени, его планирование и учет, конечно же, одна из главных сторон наступления сознания на бессознательную автоматическую жизнь, важнейшее проявление свободы, собственно, человеческого начала в человеке. Мы все живем в реальном времени и в определенном смысле являемся его рабами. Но и внутри этого, условно выражаясь, рабства есть свой диапазон свободы, который проявляется исключительно только в том случае, когда мы овладеваем временем и подчиняем его своей воле. Вот почему постоянная тренировка в смысле повышения качества организации своего труда, изучение основных методов планирования и контроля за выполнением плана становится одной из существенных частей содержания общего образования, без которой не может быть ни полного использования учебного, школьного времени, растущего человека, ни действительной подготовки его к будущей жизни. Вся эта проблематика связана с вопросом о воспитании важнейшего для человека чувства ценности своего бытия, с одной стороны, и воспитания реалистичности, с другой. Ведь ценить время можно только тогда, когда действительно глубоко, не на животном уровне, не импульсивно, а сознательно, и, я бы сказал научно, человек любит жизнь. Сама страстность этой любви как раз и находит высшее свое проявление и выражение в этом подлинно серьезном, ответственном отношении к недолгому и вместе с тем очень глубокому временному колодецу своего существования. Реалистичность же в отношении к жизни, отнюдь не мешающая романтическому компоненту этого отношения, здесь тоже проявляется наиболее ярким образом. Во-первых, в реалистичности планирования; во-вторых, в контроле за выполнением плана, в рациональности этого планирования, в необходимости автохронометража. Все это требует рефлексии, самосознания, тщательного отслеживания человеком того, что и как он делает. Режимность существования является единственным проявлением его нестандартности, нетюремности, некоторости, единственным проявлением подлинной свободы. Реалистичность проявляется в планировании жизни в целом, что неразрывно связано с пониманием смысла, ценности и цели своей жизни, а также с пониманием сравнительной ценности различных ее проявлений. Нет иного способа противопоставить механичности своего бытия собственную волю и сознание, сообразованные с глубинными желаниями и целями человеческой жизни.

Иногда кажется, что такие гении человечества, как Моцарт или Пушкин достигли колоссальной работоспособности и продуктивности за сравнительно короткое время своей жизни без ее скрупулезного и педантичного планирования. Но когда мы сталкиваемся с подобными фактами, нам нельзя упускать как минимум двух чрезвычайно важных обстоятельств: во-первых, вся жизнь таких людей как Моцарт и Пушкин была непрерывной и очень напряженной систематической работой в том смысле, что это была работа каждодневная. При этом, все, что казалось бы не представляло собой непосредственной работы в их жизни, служило исключительно только отдыху и набирательству сил, а также представляло собой подспудную, фактически не на секунду не прекращающуюся напряженную работу души (привести тому неопровержимые примеры из биографии Моцарта и Пушкина); во-вторых, у этих людей, как и у похожих на них, но меньшего масштаба, учет и распределение своих сил осуществлялись с помощью гениальной интуиции, невероятной, сверхобычной наблюдательности и точности в распределении сил. При этом смена занятий, наиболее оптимальным образом чередующаяся в их жизни служила целям фактически непрерывной работы, о которой шла речь раньше и была проявлением всепоглощающей целеустремленности, которую питало редкое жизнелюбие, подлинная жизнерадостность, высокое мужество.

Все это вместе, все это в своем единстве и взаимозависимости и заменяло этим высочайшим гениям человечества, то что менее талантливые люди вынуждены вырабатывать в себе сознательно и более технологично. Здесь важно

не обучить при обучении детей власти над временем, теории и практики соотношения, отпускаемых на тот или иной вид деятельности временных отрезков с работоспособностью, со сложностью, со значимостью того или иного вида работы, а также с особенностями трех главных отрезков активного времени: утро, день и вечер. Здесь надо воспользоваться замечательными наблюдениями советского ученого Александра Александровича Любищева (1890-1972).

Материал, на котором можно и нужно тренировать школьников по приближению к идеалу своего восшествия на престол царствования над временем – это планирование чтения, конкретизация плана чтения, наблюдение за особенностями своего чтения, корректировка этого плана, отслеживание его хода и результатов, фиксирование его плодов.

Очень важно не говорить, а дать возможность школьникам понять, что искусство жить заключается, прежде всего, в том, чтобы делать то, что надо и хотеть делать то, что надо. И последнее, самое главное, научиться хотеть это делать. Здесь не нужно противопоставлять склонности долгу, волевые усилия искренним и сильным желаниям. Напротив, надобно стремиться к органическому совпадению страстей, направленности в учении с высшими ценностями, высшей красотой человеческих проявлений.

Важно научить детей брать крупные блоки своей деятельности, видеть важнейшие отрезки общего бюджета своего времени с тем, чтобы потом каждый из этих компонентов системы разукрупнять, разделять на все более и более частные, доходя наконец до единиц деятельности. Так, например, крупными блоками бюджета времени школьника являются: учебное время, подготовка к учению, передвижения, время на удовлетворение физиологических потребностей, сон, питание, уход за собой, время на удовлетворение бытовых нужд (уход за одеждой, обувью, жильем, покупки, в старших классах быть может и для дополнительного заработка), творчество, общественная работа, помощь и уход за близкими и родными, физическая культура, культурно-эстетическая деятельность, общение, получение информации, отдых и развлечения и т.д. Каждый из этих блоков поддается разукрупнению. Например, общественная работа может состоять из постоянных поручений, выполнения разовых поручений, массово-политических мероприятий и т.д.; а время на физическую культуру может подразделяться на зарядку, участие в секциях, туризм, прогулка и т.д. Отдых может состоять из танцев, приема гостей, хождения в гости и т.д. Таким образом все содержание жизни человека становится под его контроль и становится им управляемым.

Страшно важно показать детям на их личном опыте гигантские преимущества власти над своим временем и над собой по сравнению со стихийностью и авралами в человеческой жизнедеятельности.

Совершенно необходимо дать им реальные образцы рационального планирования и оптимального использования времени, в частности, и во время уроков и на любом заседании – кружка, комитета комсомола, чего бы то ни было. Важно еще и то, что проблема власти над временем – это не только проблема детства, это – действительная педагогика для всех, это необходимо каждому и на протяжении всей жизни.

* * *

Любой взрослый, в частности и учитель, может вести за собою учащихся еще дополнительно к сказанному и при условии, что он испытывает удовольствие от общения с ними. Это означает, что учитель не имеет права на раздражение и раздражительность. Дети очень часто и, как правило, бессознательно испытывают взрослого на степень прочности его отношения хорошего к ним, испытывают терпение, так сказать. Очень важно выдержать подобный экзамен и каждый день выдерживать экзамены, потому что всегда есть основания для раздражительности, впрочем раздражительному человеку. Когда мы говорим, что

основа педагогического искусства это терпение, мы говорим банальность, но в каждом конкретном случае от этого трюизма зависит успех дела. Однако, я бы предпочел говорить не о терпении – в нем есть нечто и неприятное, а именно некая жертвенность, которой на самом деле не должно быть у настоящего хорошего учителя. Я бы предпочел говорить о понимании учителем трудностей детей, проявляющихся, в частности, и в их (детей) экспериментах над терпением учителя. Да, я говорил бы именно о понимании детских затруднений и в учении и в общении, и о том, как учитель помогает им преодолевать свои трудности.

Ну, например, как он помогает вывести изгоя, нелюбимого в классе ученика, из его отверженного состояния; как он помогает двоечнику, закоренелому в прошлом, "подтянуть зады", ликвидировать пробелы в своей подготовке и постепенно, соревнуясь о самим собой, продвигаться все дальше и дальше, чувствовать свой рост и гордиться им и т.д.

* * *

На протяжении тысячелетий считалось, что человеческая жизнь земная – только подготовка к жизни загробной, будущей. В воспитании это отношение к существованию земному человеческому своеобразно преломилось в вечном ожидании, в ожидании чего-то лучшего чем сегодня, в ставке на будущее. Сегодня приносилось в жертву завтрашнему. Ребенку говорили: "Тебе это не интересно и не нужно сейчас, но пригодится в будущем; ты ведь готовишься жить". В народном сознании такое отношение к детству, к сиюминутной жизнедеятельности человека разного возраста нашло отражение в поговорках типа: "Терпи, казак, атаманом будешь". Нацелить воспитание, образование на подготовку к жизни и только, означает потерять жизнь в попытках ее начать. Главное же, что человек привыкает постоянно готовится жить и может так никогда и не начать жить.

Между тем, чтобы хорошо научиться плавать, надо плавать, чтобы справиться с жизнью в будущем, нужно научиться справляться с жизнью сегодня, сейчас, здесь и теперь. Самая лучшая подготовка к жизни – это умение решать сегодняшние жизненные задачи, наполнять свое существование полноценным, полноценным сегодняшним содержанием. И каждое мгновение земной человеческой жизни самоценно.

Это не значит – воспитание легкомыслия. Это не значит, что ребенку возбраняется думать о будущем. Любая крайность в воспитании опасна. Это значит только, чтобы осознанное отношение растущего человека к его и общему будущему основывалось на понимании: завтра вырастает из сегодня, понедельник начинается в субботу. И тогда вместо наивных и бесплодных попыток "начать жизнь сначала", "открыть новую страницу" и т.п., наш образующийся человек станет ответственно взвешивать сегодняшние поступки и ограничивать себя, и тренировать, и готовить к завтра, живя правильно уже сегодня, решая и сиюминутные, и дальние задачи, не откладывая своей жизни на "там и потом".

Парадоксальное несоответствие между индивидуалистическими, эгоистическими и общественными интересами всегда занимало умовоспитателей. Можно ли исправить это парадоксальное несоответствие с помощью умственно-эстетического воспитания личности? Можно ли сделать достоянием растущего человека такую культуру, которая гармонизирует его личностно-индивидуальные потребности со справедливостью и разумностью? Или это проблема справедливого устройства всей общественной жизни, а не только воспитания?

Думается, что и в этом случае справедливо не "или-или", а и то, и другое. И воспитание к лучшему более справедливому устройству общества, и более разумное устройство жизни, делающее возможным такое воспитание. Одно зависит от другого, одно обгоняет другое, одно должно порождать другое. Ничто не отменяет друг друга.

"Кто бы и чтобы ни делал вокруг меня дурного, я должен оставаться хорошим", – этот нравственный императив Марка Аврелия, при всей его внутренней противоречивости, не может утратить своего объективного значения для образования личности. Это требование приобретает смысл – одновременно и личностный и общественный – в случае, когда мы наполняем его культурным содержанием. Когда мы понимаем вместе с нашим воспитанником, что личное счастье – это результат уничтожения различия между высоким и низким в природе человека, когда быть полезным себе, семье и обществу не противоречит согласию между достоинством и счастьем человека. Когда смыслом и ценностью всей жизни нашей и наших воспитуемых, когда, благодаря великой тайне культуры, обретшей ее и носящий ее в себе человек приобретает полноту, широту, осмысленность и даже культурное бессмертие.

Мы снова возвращаемся к проблеме смысла человеческой жизни, к проблеме смерти и бессмертия, к проблеме достоинства и счастья, как важнейшей педагогической проблеме. Мы опять усматриваем сущность воспитания в организации такой встречи растущего человека с лучшим в человеческой культуре, которая позволяет ему (человеку) научиться всегда достигать нравственного существования, способности действовать, действовать целесообразно, разумно, гуманно и достойно.

Здесь есть некая тайна. Становление неразрушительных, а плодотворных отношений между отдельным человеком с ему подобными, начиная с семьи и на всех ступнях, на всех уровнях человеческих групп и сообществ, кончая человечеством в целом, населением планеты – находится в очень тесном взаимоотношении со становлением отношения человека к самому себе. Нет ничего опаснее для человека и человечества утраты ими порознь и вместе представлений о своей самооценности.

Известно, что людей разделяет, а человеческую жизнь раздирает эгоизм самого разного уровня от индивидуального до классового и национального. Жажда личной выгоды за счет другого или других, пожалуй, самое страшное порождение человеческой истории, самое жестокое и, к сожалению, пока не изжитая характеристическая особенность этой истории по сей день. Способно ли воспитание в ходе образования каждой человеческой личности и судьбы противодействовать этой устрашающей инерции истории? Опыт тысячелетий говорит, что и да, и нет. Может в отдельных случаях и бессилён пока что в целом. Но, если присутствует даже тень истины в нашем понимании тех немалочисленных случаев, когда воспитание и самовоспитание приводят к расцвету всего благороднейшего великодушного, доброжелательного и обязательно действенного, чем только может быть славен человек, то воспитатель не может прекращать своих усилий, не может, как сказал поэт, убирать ладони со лба, не может останавливаться в этом своем противодействии тягчайшему историческому наследию, руководствуясь одновременно принципами "не навреди" и "приноси пользу". И, если он честно и до конца руководствуется во всех своих действиях этими максимумами, он передает их воспитанникам, пусть всего в нескольких случаях из ста, но это именно на несколько случаев больше, чем было бы в противном случае.

Велика ответственность воспитателя. Он может руководить самостоятельной выработкой человеком понимания собственной ценности, в ее отношениях с другими людьми невероятно осторожно и только окольными путями. Наедине с собой решает, если решает человек интимные вопросы своего места в окружающем его бесчисленном множестве подобных ему, но и отличных от него человеческих существ. Он сам устанавливает суд над собой. Он сам доходит до понимания своей значимости, ценности и в конечном счете смысла своего существования. Да, сам, но не без помощи, не без опоры; не беззащитно перед громадностью, противоречивостью, таинственностью этих мучительных проблем. А что значит помочь молодым людям одолеть мучащие их сомнения? Уж конеч-

но, не лезть в душу. Уж конечно, не навязывать готовых ответов. Нет, конечно, не так.

Искать вместе с воспитанниками, искать мудрости в жизни и книгах, в современности и истории, в поступках и помыслах, в целях и средствах, в замыслах и делах...

Презрение, равнодушие, ненависть к людям теснейшим образом сопряжены с самообесцениванием, обезличенностью. И наоборот – сотрудничество, кооперация, взаимопомощь, интеграция очень тесно спаяны с правильно понятой и правильно осуществляемой самореализацией. Внутренний мир личности... Система ценностей... От них в огромной степени зависит будет ли человек равнодушен, апатичен и покорен, станет ли он наркоманом, самоубийцей. Чтобы человек не ощутил себя лишним в человеческом сообществе, кроме социальных факторов, важны и действия воспитателя.

Воспитание против духовной опустошенности. Воспитание к жизни наполненной богато личностным и общественно ценностным содержанием, воспитание, постоянно имеющее в виду опасности душевных катастроф, напряженную сложность духовной жизни...

Какие именно черты личности признает растущий человек достойными, ценными, от этого во многом зависит логика человеческой судьбы, логика поступка, логика духовной жизни. Как может воспитатель вмешиваться в становление этих ценностей? Тут дело не в формах. Истина уважаема детьми, воспитатель не повредит делу даже и страстным назиданием, а нелюбимый и неценный не поможет ему даже и собственным примером. Но при прочих равных условиях конечно же важнее всего совместные действия, совместные переживания, совместный поиск.

Здесь важны споры, игры и походы, совместный труд и попытки совместного художества, творчества. Здесь очень важно стирание грани между естественными и гуманитарными науками. Все науки гуманитарны и постольку естественны. Все значимо лишь постольку, поскольку гуманно и способствует гуманности.

Это не легкая задача педагогики, но необходимая – очеловечить математику и физику значит представить ее, естественную науку, как продукт сложной запутанной истории человеческих исканий, страстей и борений, ошибок и достижений, их переживаний и преодолений. Представить как красоту, мощь, величие человека и одновременно как поле вечных сомнений, вечной встречи человека с самим собой, со своей ограниченностью, со своей способностью ошибаться, со своим святым правом на ошибку, с вечной борьбой самого себя за истину. Представить как нравственный подвиг человечества ради человека. Один за всех, все за одного. Но и один за всех. Но и все за одного.

Не курсы нравственности нужны нам, не морализирование и снятие образцов. Надобно пропитать все образование, все обучение наукам нравственностью, неизменными по своей природе, не отчуждаемыми от человеческого общежития предельными и конечными ценностями вечного становления культуры.

Только творя культуру человек творит себя. Всякое творчество, в чем бы оно ни проявлялось, есть всегда самотворчество. Иначе оно ничто или разрушение. Но нельзя убивать человеческую душу, сталкивая ее с культурой как с чем-то ставшим, как с чем-то готовым, как с чем-то логизированным. Культура, воплощенная в учебнике законченных истин, – это не просто вспомогательное справочное средство, не безобидное пособие для решения кроссвордов. Этот труд культуры разлагающий и ядовитый. Напротив, культура, как становление, есть мужество сознания, величие преодоления, мученичество и подвиг, исполненный высшей красотой, обладающий полнотой смысла и пронизывающий взрослеющее, растущее, мужающее сердце магнитными притягательными полями. Только живая культура воспитывает живых – нескончаемая экспозиция взлетов и падений, светлых восторгов и просветленных окаяньев, вечный черновик со следами крови в поисках окончательного беловика, прекрасный лик челове-

ского, проступающий сквозь мутные волны заблуждений, невежества. Культурный уровень растущего человека определяется не суммой образованности или специальной компетентностью, а степенью приближения в его к тому совершенству, которое одному человеку непосильно и недоступно и которое воплощает в себе только все человечество и при том всю историю его существования. Человек не должен воплощать в себе культуру, а должен порождать исконную цель своей жизни своей жизнью в культуре. Только так он обнаружит в себе симптомы неограниченной раскочки человеческих возможностей. Только так он освободится от инерции лени и сонливости. Человек есть творение и творец культуры. Не количеством приобретенных знаний, а текущей целостностью этих знаний характеризуется культура человека. Жизнь стала замирать и гаснуть, когда от людей под страхом смерти требовалось стихийно бессознательная включенность в традиционный поток жизни, бездумная покорность. Потребовались моря крови, чтобы добиться от людей бессознательно доверчивого существования. И земля стала умирать, стали умирать обычные моря и воздух. И мир ужаснулся, увидев себя на краю пропасти. Сейчас для немногих только не самоочевидно, что альтернативой самосознания, альтернативой осмысленной жизненной ориентации является самоуничтожение человечества. Стать личностью, то есть человеком, который осознает и реализует не только свои потребности, свои способности и свою ответственность за себя и за то, что вокруг, значит не овладеть культурой, не впитать культуру, а стать ее активным мыслящим субъектом.

* * *

Неосознаваемое ребенком – это его внешне проявляемые внутренние желания, импульсы, а также фантазии. Впрочем, не только ребенка, человека любого возраста. (Мне найти яркие примеры у Эрика Эриксона и других тонких и надежных, методов изучения, не осознаваемого и сознательного в поведении человека и в его психике. Главное же, показать, как это можно использовать в воспитании, педагогические следствия этого знания. Положим, как обучать контролю за сфинктерами, как использовать дидактические игры для умственного развития, как способствовать эмоциональному росту, как применять принцип активности ребенка и любого учащегося в обучении.)

К вопросу о бессознательном.

В жизни человека бывают моменты, когда сознательное восприятие предмета выявления окружающей среды не только не способствует целенаправленному, целесообразному поведению, но может и сорвать его и даже послужить причиной гибели человека. Есть случаи, когда человек намеренно или почти намеренно отключает сознание и дает волю интуиции, бессознательному, живущему вне сознания, положим, установке в терминах Узнадзе. Так, например, поступают музыканты и поэты и писатели (см. мою папку по психологии творчества).

* * *

Мы воспитываем, в частности, волю. Но есть добрая и злая воля. Есть воля к власти, воля к победе, к красоте и т.д. Есть воля фанатическая и воля гибкая, разумная. Есть, наконец, и страшная воля.

Опять мы приходим к мысли и ощущению, что само по себе воспитываемое качество пусто абстрактно, бессмысленно или, что одно и то же, беременно взаимоисключающими, диаметрально противоположными, ортогональными содержаниями.

Возьмемте к примеру волю Рихарда Вагнера, как продолжение мировой воли Шопенгауэра, как параллель воли к власти Ницше, как предвосхищение гитле-

ровской "воли к порядку".

Будем ли мы воспитывать к этой воле?

У Вагнера музыкальные драмы изображают не чувства, а саму волю. Как мгновение, прошло царство богов, боги погибли, у Земли больше нет властелина, и мир ждет нового героя, воплощенную волю. Чему же учиться в этом мире, в котором нет ничего кроме воли, который волей спасется и который умирает в ожидании этой могучей воли? "Мы должны учиться умирать, умирать совсем. Вотан поднялся до трагических, вершин отречения и желания смерти... Желать неизбежного – в этом высшая мудрость". Это могучее воспевание мировой необходимости слепой воли, создавшей себе в разуме послушное орудие. Это издевательство над разумом как только над средством безжалостной и слепой воли. Даже любовь – не средство отрицания воли, а единственный путь к небытию, как единственной разумной цели человека.

Истинная царство любви – ночь, смерть, царство бессознательности.

XX век с его морями крови ясно показал, к чему ведет воспитание для "высшей задачи человечества" – способности сознательно страдать и сознательно погибать.

Как воспитывался сам Вагнер, как воспитывался Гитлер, как воспитывались другие "герои" этого столетия, "герои" сверхчеловеческой воли"? О! Это надо очень изучать. Я знаю только, что тринадцати лет Рихард Вагнер был уже автором драмы с сорока двумя действующими лицами, которые все погибали, не дожив до конца пятого акта.

Теперь мы знаем, что это путь к гибели. А ведь основной чертой вагнеров была и остается могучая всепобеждающая воля, принимающая внешне привлекательные черты громадного труда, невероятной для одной человеческой жизни. Но эта воля заставляет забыть презираемый и унижаемый человеческий разум, третируемый как жалкий, одинокий и бессильный ум. Всякое принижение разума есть мистическое, бесчеловечное воспевание воли, есть ожидание "спасения" и "возрождения", которое несет человечеству "чистый" герой, как чистое воплощение чистой воли.

* * *

Величайшая тайна очеловечения человека и тайна доступного конкретному и смертному человеку бессмертия и есть культура. Все лучшее в человеческих порывах и свершениях, все лучшее в характере и общении человека дается ему культурой. И напротив, все самое печальное и нежелательное в человеке есть проявление антикультуры. Через самореализацию себя в культуре, посредством воплощения своих сущностных человеческих сил в культурных творениях человек приобщается к культурному бессмертию, и только так!

Но и здесь, и при овладении человеком культурными богатствами многих веков и эпох таятся свои опасности. Самая большая из них – потребительство, которое ведет к особой форме душевной опустошенности. В культуре повседневной деятельности человека, его материально-духовного бытия, в его действительном включении в различные отношения с людьми, в конкретную культурную среду проявляется характер, глубина, объем и ценность присваиваемой им культуры.

* * *

Воспитание невозможно без собственного стремления детей к воспитанию, осознанному или неосознанному. Когда есть собственное стремление ребенка к своему развитию, ребенок как бы заключает негласный договор с воспитателем о своем воспитании. Ребенок тем самым признает авторитет учителя и воспитателя. Здесь очень важно понять природу авторитета как чувства, как ощущения в воспитуемом, что для него важно, полезно и необходимо то, что дает ему воспитатель, то, что несет сконцентрированное в воспитателе знание,

культура в целом. Вот почему это чувство так нужно бережно охранять при воспитании. Вот почему нельзя все воспитание свести только к игре, которая лишает саморазвития его серьезности и низводит воспитателя до уровня детского восприятия, не создавая зазора между сегодняшним и желаемым ребенком уровнем развития (этот зазор научно называется зоной ближайшего развития, о нем подробнее в своем месте).

В отрочестве и главное в юности растущий человек созревает до того, чтобы видеть свой идеал не в авторитете, не в одной какой-то личности взрослого, когда он возвышается до понимания всеобщего, не зависящего ни от какой отдельной личности. Это еще один из показателей образованности – понимание, что корни идеалов уходят в действительность, что идеалы уже получили в мире свое развитие и возможность своего осуществления.

* * *

Весьма опасна в развитии человека сильная внушаемость, зависимость от других, приверженность к какой-нибудь идее или человеку выбранному в качестве лидера. Конечно, это совершенно нормально, когда девочки тихо влюбляются в учительницу, а мальчики часто боготворят более старшего подростка, но здесь важно сохранение мудро доброжелательно критического отношения к любым людям, замешенное прежде всего на доброкритическом отношении к себе.

* * *

Почему никогда, ни в одном случае не полезно, не допустимо воспитателю злиться, гневаться, ни разъяряться, ни кипятиться? (Сюда обязательно из Гоголя вставить о вреде гневливости).

Одна из главных тайн воспитателя – это незаметное воспитание. Ребенок впитывает не столько слова, обращенные к нему, сколько действительное поведение своего воспитателя. Если родитель, учитель, любой другой взрослый, претендующий на то, чтобы влиять на растущих людей, не знает этого, он вечно удивляется, почему дети относятся к нему не так, как казалось бы он этого заслуживает, если судить по его словам и намерениям.

Знаете, к чему более всего присматривается ребенок, даже не осознавая того? Он смотрит, что одобряет взрослый в поведении и в высказываниях окружающих людей, а что порицает. Кого воспитатель поощряет, кого одобряет, в каких ситуациях и за что, чрезвычайно важно.

Вся философия жизни взрослого довольно легко раскрывается в его незаметных, неосознанных, подчас даже не очень ярко выраженных отношениях к миру. Например, философия познания, теория мышления, которой придерживается взрослый воспитатель, ярко проявляется в его заданиях и опять-таки – в оценках, которые он раздает за них. Память он поощряет или самостоятельность и оригинальность мышления. Всех стрижет под одну гребенку или раздает индивидуальные задания и учитывает особенности каждого человека.

Самая коварная незаметность в воспитании – это раздражение взрослого. Самый факт раздражения делает воспитание невозможным или очень вредным. Но дети фиксируют и, притом очень точно, содержание наших раздражений, т.е. что именно их вызывает и делают отсюда, как правило, почти безошибочные выводы.

Воспитатель не имеет права обижаться на детей, иначе он очень вредит им. Не меньше, чем грубость в обращении с детьми, опасны обиды. Мы не можем научить детей понимать себя и других с помощью обиды, хотя бы потому, что все понять, конечно значит не обидеться. И потому еще, что обида всегда мешает правильно противодействовать неправильному действию ребенка. Пусть никто не уйдет обиженным.

Никто пусть не уйдет обиженным, если только учитель, родитель, любой воспитатель действительно не хочет наносить вред, развращать души своих подопечных, помогать укоренению или внедрению в них разных нравственных заболеваний. Особенно опасно мстить детям, но до такой степени педагогического падения, по счастью, доходят редко.

Так что же, собственным примером учить хорошему? Нет, ни в коем случае. Учить превосходному, лучшему, чем ты сам и постоянно примером показывать стремление к этому лучшему.

И еще одна опасность, тоже неосознанная. Стремиться воспитателю побуждать детей быть такими, как он сам. Нет, непохожесть людей вещь, не только неизбежная, но и желательная. Конечно же, воспитатель призван намеренно осознанно стремиться к тому, чтобы его воспитанник был другим. Необходимо, чтобы воспитание дало возможность для выбора человеком себя, своей неповторимой индивидуальности и создавать условия для этого. При прочих равных условиях лучше другого воспитания то, которое предоставляет больше возможностей для человека становиться другим. (Ссылка на книгу Владимира Леви "Искусство быть другим" и "Искусство быть собой".)

* * *

Воспитание воли начинается с воспитания уважения как ни странно. Здесь есть параллель – воспитание ума, памяти и внимания начинается с воспитания интересов.

Научите маленького человека уважать нравы и обычаи, обыкновенную вежливость, и вы начнете формировать в нем волю и укреплять ее. Волевому воспитанию очень мешает поощрение некоторой мании привлекать внимание к себе, свойственной избалованным детям. Опасна и рабская зависимость ребенка от условных форм, некоторый детский педантизм и настойчивость на раз и навсегда принятых формах поведения. Противоядием может служить глубокое серьезно историческое понимание растущим человеком сущности вежливости, норм и обычаев.

Вообще, знание жизни, ее изменяющихся форм едва ли не главное содержание не только волевого воспитания, но и всего образования человека. Глубоко закономерно, что, пытаясь воспитать своего сына, лорд Честерфилд в своих классических письмах стремился прежде всего научить его знанию света, жизни, умению управлять собой.

* * *

20 октября мы с Оленькой смотрели постановку Льва Дурова "Оркестр" по драме Жана Ануя (он родился в 1910 г.). Очевидно, это одна из, так называемых, причудливых пьес Ануя 60–70 гг. проникнутых, как это характеризуется в энциклопедическом словаре, идеями экзистенциализма. Основные темы: неуживчивость всех со всеми, агрессивность тех, кто не знает основных трагедий и мучений других; жестокость слабого человека, стремление к власти, к первенству, самоутверждению; вольная небольшая жестокость перерастает в невольную роковую; все формы страданий от любви и ее отсутствия; зависимость и беззащитность человека от сил, которых он не чувствует и не видит, и не понимает, но против которых он абсолютно бессилён; ничтожество, вырождение, деградация мужчины; хрупкость и страдательная сторона женщин; все как у Канта: "Неуживчивость людей и невозможность людей обойтись друг без друга и есть движущая сила истории".

Ануй не безнадежен, это не глобальный пессимист; он призывает быть бережнее, терпимее друг к другу, менее эгоистичными. Если все поймут, что у другого тоже неизбежно есть свое горе, свое отчаяние и свои трудности, то, как, кажется, считает автор, люди не будут так безжалостны друг к другу. Он надеется на совесть, все несчастны. Любая жизнь, коль скоро она длится, уже самим фак-

том своего продолжения есть преодоление, усилие, подвиг. Экзистенция – не сплошное страдание, не непрерывная боль, беззащитность, слабость и т.д., а смена слабости и силы, смена, в которой побеждает сила, ибо иначе невозможно продолжение существования. Жизнь человека как правило – преодоление и подвиг, именно это не подчеркивают экзистенциалисты и тем самым только усугубляют положение человека, лишая его сопротивления, сопротивляемости и силы. Сопротивление, как историческая реальность, как борьба с фашизмом, и сопротивление как единственный способ продолжать жизнь – темы, звучащие в пьесе не в полную силу.

Очень неприятна эстетизация смерти. Для всех экзистенциалистов вопрос, что лучше жизнь или смерть остается в лучшем случае открытым, а чаще всего ответом на него служит – смерть. Это не правда. Нужно напротив всячески подчеркивать, что жизнь не просто труднее смерти, не просто страшнее смерти, но и достойнее, мужественнее, прекраснее смерти, и, если в какой-то момент кажется, что нет сил для сопротивления смерти, как легкому и недостойному выходу из трудностей, то человек должен знать, что за периодом слабости неизбежно появится период силы, и от него требуется только одно – не впасть в грех отчаяния.

Самые трудные вопросы не затронутые в пьесе – это вопросы о том, до какой степени может простираться терпимость к другим, до какой степени она, эта терпимость и терпение не превращаются в слабость и потворство; при каких условиях взаимопомощь – фактор прогресса, а не фактор консервации худого, зла; в какой мере, в каких формах допустимо с точки зрения интересов личности, человеческого общежития в целом борьба за свое эгоистическое счастье, которое понимается автором, как борьба за удовлетворение страстей; насколько беспомощен и насколько не беспомощен человек? В чем и когда; что дает ему вера в свои силы и вера в Бога, как резервы дополнительных сил; в какой степени и почему сильная любовь ведет к трагедии, почему любовь сопряжена со смертью; почему гармония в искусстве, единство оркестра, его унисон легче достижимы, чем гармония в жизни, почему искусство не облегчает подчас правды и каким может и должно стать искусство, чтобы гармонизировать действительность. Диссонанс оркестра жизни вызван тем ли, что нет главного дирижера или тем, что каждый оркестрант фальшивит; где корни насилия, психологии жестокости? Вопросов много, больше чем ответов.

* * *

Важнейшая проблема современной педагогики – помощь в рациональной организации образа жизни. Важность этой проблемы объясняется, в частности, и необходимостью поддержания психического здоровья человека. Специалисты отмечают, что возможности приспособления, активное приспособление человека к требованиям среды, хотя и велики, но не безграничны, и для каждого индивидуального случая необходимо найти его особое соотношение этих возможностей с этими требованиями. Ускорение темпов жизни, нарастающее разнообразие форм деятельности, интенсификация контактов между людьми, повышенные требования к умственным возможностям человека на производстве, увеличения объема усваиваемой и перерабатываемой информации, нарушение естественного равновесия между жизнью человека и окружающей его природной средой вследствие загрязнения этой среды и многие другие особенности современной жизни нередко предъявляют к психике...

* * *

Рождение третье: юность. Комментарии к одному дневнику.

Управлять собой. Хозяйствовать в своей судьбе. Вот сильнейшие желания юного человека. "Как трудно, как тягостно быть рабом жизни. Как хочется распоря-

жаться собой" (из дневника шестнадцатилетнего школьника).

Отсюда – жажда миропонимания. Ее нередко питает фантастика, утопии, анти-утопии и подобная им горячечно страстная литература, тема которой – Грядущее, Прошедшее и Законы жизни. В других случаях питательной средой для бацилл романтики служат стихи и песни самого разного, но всегда героического содержания.

Запись в дневнике того же юноши, повзрослевшего на год. "Надо серьезно подумать, как жить дальше. Необходимо либретто познания. Вопрос – какого именно. Первое: знание жизни. Постоянно общаться с людьми, узнавать условия их жизни, быт, новое, лучшее и худшее. Второе: знание современности в целом. Третье: искусство, история, науки, языки..." Здесь видно стремление молодой души к плану жизни и труда, к реальности, к пониманию людей, устройства мира.

"Невообразимое многообразие мира" гнетет юного человека. Ему нужна ясность – просветленная модель, упорядоченное понимание жизни, в которой надобно найти место, на которую ему надобно влиять. Смысл ее найти.

Смысл человеческого существования вообще, своего, стало быть, тоже, смутная тоска -тревога по осмысленности жизни почти обязательна для каждого вступающего в жизнь. Вот, например, песня "афганцев" о доли, о том, что будет на Родине: "А когда вернусь с Афгана, жизнь прекрасную начну, позабуду все страданья, смысл жизни я пойму..."

Юный человек судит мир. Неизбежно, неотвратимо судит. От характера его приговора зависят, во-первых, судьба данного человека (почти целиком), во-вторых, судьба мира – хотя бы отчасти.

Глава 6

Итак, продолжению исследования зрелого возраста.

Мы с вами остановились на проблеме зрелого взрослого человека, как воспитателя и воспитуемого, и вот в этом последнем, некоторые наши новаторства. Если педагогика традиционная привыкла рассматривать человека в качестве воспитуемого, но только до юношеского возраста, то мы делаем сейчас акцент на свойства человека, как воспитуемого, расширяя как бы временные рамки традиционно-педагогического рассмотрения.

Правда, надо признать, что так называемая педагогика взрослых или андрогогика уже взялась за взрослого человека, но она взялась за него, преимущественно как за учащегося, как человека, повышающего квалификацию, обучающегося в заочном учебном заведении, и т.д. Наш подход, все-таки не только шире, но и качественно иной. Мы смотрим просто на человека, вот как сейчас, на существо, способное испытывать влияние и воздействие еще и нравственное и мировоззренческое, воздействие, в частности, и в случае массовых психозов, этих эпидемий каких-то достаточно неприятных, поэтому я предлагаю сегодня остановиться только на этой затронутой нами проблеме, а именно попробую еще раз сформулировать ее: "Социально-психологические предпосылки изменений взрослого человека, под влиянием таких мощных факторов, как психическое заражение, как влияние средств массовой информации, как ораторское влияние и подобные им".

Такой подход свяжет наше сегодняшнее рассмотрение с вопросом о гитлеризме, который мы затрагивали в прошлый раз.

Когда Адольф Гитлер диктовал в тюрьме "Майн кампф" Геббельсу, он, в частности, ссылаясь на французского социолога и психолога Гюстава Лебона, ссылаясь в той части и в том контексте, который касался влияния на массы, влияния вполне сложившихся взрослых людей. Это заставляет нас тщательно присмотреться к трудам, книгам, идеям, этого самого Лебона. У него психология толпы, русский перевод его – "Психология масс". У него кроме "Психологии толпы" есть еще "Психология воспитания", есть еще у него "Психология социализма".

* * *

Деспотизм любви разрушил не одну жизнь. Очень интересно, что он может приобретать форму обоюдную. А именно, когда не только взрослые господствуют, властвуют и оправдывают свою власть идеологически, поскольку чувствуют потребность. Но и ребенок отличается тем же самым. Типичный случай такого рода подробно рассмотрен Торнтоном Уайлдером в его шедевре "Мост короля Людовика Святого", где взаимный деспотизм любви матери и дочери изучен удивительно глубоко и вместе с тем тактично, в высшей степени гуманно, безжалостного обличительства, без оскорбительно бесполезного сарказма.

Другие типичные формы проявления этого волевластия в воспитательных отношениях, это просто-напросто злоупотребления силы. Причем в подавляющем большинстве случаев даже первые демонстрации господства – грубого превосходства физической, экономической и всякой иной силы взрослого над ребенком, приносят последнему очень большой вред. И с точки зрения его личностного развития и с социальной точки зрения. Поскольку взрослый неизбежно в этой ситуации демонстрирует господство. Поскольку маленький человек, новый жилец земли, сталкивается с доказательством того, что в мире господствует грубая абсолютная сила. А по закону апперцепции все последующие восприятия такого человека определяются содержанием предшествующего. Даже, когда человек изживает эти разрушительные представления об устройстве мира как единственно властвующим и всепобеждающем законе. Даже в этих случаях первоначальное восприятие входит в структуру последующих.

Сейчас, когда, наконец, стали честно говорить о детских самоубийствах и когда создана специальная служба для детей и подростков, социология стала приобретать практический характер, мы знаем о множестве случаев, деспотического поведения взрослых, загоняющих ребенка в тупик. И ребенок предпочитает расстаться с ненавистной и невозможной для него жизнью, вероятно потому, что не смог найти выход. Особенно восприимчивый, тонко чувствующий, весь состоящий из нервных окончаний ребенок.

Поэтому хочет учитель или нет, хочет родитель или нет, но сегодняшняя система, так называемых педагогических отношений все равно во всех 100% случаях предполагает элемент власти и властвования. Власти над судьбой, настоящим и будущим, а иногда и жизнью детей. И этот неоспоримый факт заставляет очень внимательно присмотреться к самой природе воспитательных взаимодействий, чего от нас, собственно, и требует, и справедливо совершенно требует Александр Петрович. И чем мы несомненно займемся самым внимательным образом на следующих наших встречах.

Сейчас наша единственная задача, чтобы застолбить участок. Нам нужно обозначить проблему, как проблему многосложную, практически важную и в некоторых отношениях и достаточно страшную.

Н.П. Дмитракова

Когда вы говорили, что бабушки и дедушки во внуках любят себя, я бы подчеркнула такой штрих, что они любят "для себя". Вот, допустим, я могу привести пример своей бабушки, она была однолюбка и, когда овдовела, больше не вышла замуж и всю свою любовь она перенесла на меня. Это была ее невосполненная потребность, она любила не только меня, она любила для себя, ей нужно было на кого-то перенести свою любовь. Это даже эгоистическая любовь.

Б.М. Бим-Бад

Но это довольно сложный вопрос, Наталья Павловна. Вы, вообще, великая мастерица ставить сложные, но очень интересные вопросы. Я бы никогда не осмелился бросить обвинение в эгоизме, как камень, в вашу бабушку, хотя бы потому, ну кто из нас без греха, а к тому же и потому, что она вас и любила, хотя и чересчур.

Я может был бы более склонен говорить о психологии и проблемах трудности

деспотизма любви, по той простой причине, что всякой любви свойственен деспотизм как один из неотъемлемых моментов любви. Другое дело в какой форме и как этот деспотизм проявляется. Но будучи человеком человеколюбивым и способным даже врагов своих любить, я думаю, что мы прежде всего будем испытывать благодарность и считать это величайшей нормой, если можно так выразиться, в человеческих отношениях – за любовь к нам. Если мы заподозрим эту любовь в эгоизме, в каких-то других смертных грехах. Если заподозрить психологический ход вашей мысли, то можно заподозрить, что бабушка вами пыталась компенсировать отсутствие мужа, что становится совсем странным. Если продолжить логически такой ход мысли, то тогда в конце концов будем вменять любовь в вину. Мы будем спрашивать: а что вам инкриминируют и будем отвечать: любила ведь я, любила потому, что не было мужа. И в этом будет что-то глубоко бесчеловечное. И страшно несправедливое. И поскольку я уверен, что вы не имели это в виду ни при каких обстоятельствах, то говорю я это исключительно только для того, чтобы читатель наш и слушатель не мог бы сделать такого вывода.

Ну хорошо, я люблю для себя. Но разве это в какой-то мере не естественно, если любовь доставляет мне радость, тепло? Помните как у Окуджавы замечательно сказано: "Мне надо на кого-нибудь молиться? Подумайте, простому муравью, вдруг захотелось в ноженьки валиться, поверить в очарованность свою". Я, как простейший из муравьев, хочу любить, это отвечает моим потребностям. Я рад, но это же ни в коем случае не вина.

Я бы очень хотел, чтобы те из нас, кто проповедуют любовь как основу основ, как фундамент очеловечивания, может быть это онтология, а может быть это антология, как не обзовите, а все больно.

Как у Блока, помните: "Не подходите к ней с вопросом... все больно".

Я очень хотел бы, чтобы наше стремление к науке не мешало бы нам быть по-настоящему гуманными, т.е. по-настоящему благодарными. В частности, благодарными за такой роскошный эгоизм, как за роскошь любить.

Ваш пример замечателен, тем, что он богат проблематикой. К этому, в частности, нам и придется присматриваться чрезвычайно. К соединению любви с кучей других вещей. Я бы сказал по-другому, с обертонами любви, ведь никогда звук не чист, иначе мы его не услышим. Вокруг звука куча других диссонирующих с ним звуков, и только благодаря этому дается звук. И любовь – струна, колеблющаяся чрезвычайно сложно. Но позвольте все-таки к любви в ее грязном или наукоочищенном виде подойти чуть позже. Я предлагаю начинать поэтапно.

С места (Семен Вениаминович)

Я хотел бы напомнить, что в прошлый раз вы дали очень сильный довод – это безрассудство любви.

Б.М. Бим-Бад

Вы имеете в виду, когда любовь слепа? Замечательно. Какое счастье попасть в любвеобильную аудиторию, куда не пойдешь, только к любви и придешь, и ни о чем, кроме, как о ней и говорить не можем.

А.П. Мишле

Вот отпечаток своего опыта, о котором сейчас пример давался, А. Ключевского, если возвращаться от любви к более общему, варианту и способам выражения своего опыта, или своих чувств, эти способы больше или меньше обладают способностью передачи этого опыта и критичностью по отношению к себе и к своему опыту, когда все многообразие человеческого опыта и любовь могут приносить и вред тем, на кого они ложатся.

Б.М. Бим-Бад

Может быть, друзья мои, я боюсь, что мы вторгаемся в область гармонии. Как только в человеческой душе есть диссонанс, например, флюс, флюс ума, или флюс любви, или флюс воли выпячивается, то горе неизбежно. Положим, если

любит глупый человек, то может от безумной любви заспать ребенка.

* * *

...защита этой самоценной жизни человека, тем более продвинут данный коллектив к совершенству, тем меньшая степень дикости сохранилась в нем и, разумеется, наоборот. Зависимость здесь обратно пропорциональная.

В проявлении этого понимания нравственной стоимости, т.е. ценности жизни человека, входит особенно забота, реальная, практическая, принятая в обычаях, в психологической атмосфере коллектива, в климате его нравов, в его сознании, пронизывающая образ его жизни взаимопомощь по поддержанию, сохранению и укреплению жизни друг друга.

Только такая психологическая атмосфера коллектива является действительно профилактикой зарождения или развития отклоняющегося, преступного поведения. Детский коллектив должен испытывать сильнейшее отвращение, к какому бы то ни было террору, господства сильного над слабым, вообще отвращение к праву силы и непрерывное стремление к силе права.

Дети должны четко и ясно знать, что сообщество любое, и их в частности, терпящее кулачное право, осуществляющее его, позволяющее его, есть коллектив зачумленный, тяжело больной, удаляющийся от совершенства в бесконечность. Самоценность человеческой жизни – категорический императив детского коллектива, и альтернативой ему выступает только самоуничтожение человеческого в составляющих этот коллектив людях.

С этим умонастроением детской группы целиком согласуется долг здорового образа жизни, составляющий значительную часть нравственного климата коллективного существования, коллективной жизнедеятельности. Сюда же относится и тщательное слежение за тем, чтобы ни один член коллектива не становился средством для достижения чьих бы то ни было, а также и общих целей. Коллектив должен существовать для личности, и только поэтому, и только благодаря этому каждый растущий, пусть даже и маленький человек, вносит свой вклад в общее целое и коллективное. Это, в частности, означает тщательное отслеживание средств, которые применяет коллектив для достижения своих общих целей. Эти средства, методы, в частности, противодействие потенциальным или действительным насильникам внутри коллектива должны быть сами по себе одновременно и неукоснительно твердыми и глубоко человеческими.

Конечно же, мерзость мира стойка, как въевшееся пятно. Не попираешь ей означает смиряться с ней. Но дети должны знать, что все дело заключено именно в том, как бороться с мерзостью. Поэтому, само противодействие мерзости, вокруг и внутри коллектива, если она обнаруживается в нем, это противодействие обязано нести в себе предельную высшую общечеловеческую ценность, благоговение перед жизнью. Это значит, что борьба со злом должна быть лишена дикости и жестокости и не требовать жертв от борцов со злом, если понимать под жертвой существенный риск серьезных и неоправданных страданий. Спасение коллектива в его самоуправлении, в системе его культурного, хозяйственного, общественного, гуманного общежития. Только свободно, сознательно и самостоятельно выработанные правила самоуправления и общественной жизни коллектива, причем правила подлежащие постоянному совершенствованию, правила гибкие и, главное, глубоко справедливые по отношению к каждому члену коллектива могут спасти его от коллективного насилия и зла. В определенном смысле слова коллективу показано и здоровая, впрочем, не преувеличенная – это тоже опасно – доля бдительности, бдительности по отношению к бездушию, продажности, лягавости, эгоизма, глухо и слепомомоты, мертвости душевных проявлений.

Любому воспитателю, осмеливающемуся создавать детский коллектив и руководить им, следует помнить, что в его руках находится или пальма мира или

нож братоубийства.

Искалеченные души существенно страшнее, чем искалеченные тела. И в детском коллективе страшна опасность палачества, равно как и склонности к самообману.

* * *

С одной стороны, воспитатель не имеет права не вызывать у своих подопечных отвращения к эгоизму, хитрости, притворству, коварству, обману, насилию, лицемерию и прочей грязи и гадости мира, которых еще, увы, предостаточно в жизни. Но одновременно воспитатель не может не бояться вызвать чванливое чувство превосходства человека над всем миром, этакую аристократическую недоступность и этакое высокомерие по отношению к другим людям, в то время как несовершенство мира не могло не наложить некоторой печати весьма отрицательной и на самого великого праведника.

Эту реальную трудность такие мыслители как Лев Толстой, Ганди и близкие им по умонастроению предлагали разрешать с помощью особого непротivления злу – с помощью, условно выражаясь, гражданского неповиновения, т.е. такого поведения, когда человек уклоняется от зла и от общения с дурными людьми, но при этом не позволяет себе не видеть в этих людях и добрых задатков, и каких-то хороших качеств, не позволяет себе презрительное возвышение себя над миром.

Парадокс нравственного воспитания состоит еще и в том, что разные добродетели могут вступать в противоречие друг с другом или взаимно друг друга ограничивать. С этой трудностью столкнулся еще Аристотель, считавший, что ни одну из добродетелей нельзя игнорировать ради другой. (Дать примеры.)

Но и здесь правильное воспитание сторожит, образно выражаясь, ангел гармонии. Опасно развитие воли в большей степени, чем ума. Примеры тому мы в избытке находим в истории.

* * *

Чтобы появилась любовь растущего человека к чему бы то ни было, надобно, чтоб он увидел в этом красоту. Нам очень желательно любовь развивающегося человека к поиску истины и к самой истине, к точности ясности, вырабатываемых им понятий, к их практическому применению, любовь к честным мыслительным усилиям. Стало быть, необходимо показать красоту ясности, точности и истинности и безобразия противоположного.

Точно так же и нравственное становление человека предполагает в нем отсутствие зависти, а это значит, присутствие любви к достоинству других, глубокое уважение к этим достоинствам, радость за существование этих достоинств.

Нравственность – это вообще не что иное как любовь к людям, не ревнивая – радостная. Нравственность это такое умонастроение, которое усматривает в достоинствах, в совершенствах и владениях других людей свое собственное богатство, свои собственные плюсы. А возможность такого умонастроения в свою очередь предполагает ясное сознание того, что я один, человек как таковой, располагаю силой, лишь постольку, поскольку силой располагает все человечество.

Надобно сделать так, чтобы растущие люди смотрели на других людей с радостью, оттого, что они живут, а если они, окружающие его люди, и поступают дурно, то надобно, как выражался Расул Гамзатов не винить коня, винить дорожку, если конь спотыкается.

* * *

Стихи, читаемые дзен-буддистами во время ежедневной службы, а также в часы досуга:

– Я ныне полностью и открыто исповедуюсь

Во всех злых кармах, когда-либо свершенных со времен древности,

Связанных с жадностью, гневом и безумием, которым нет начала,
Рожденных моим телом, устами и мыслью.

– Как бы ни были бесчисленны создания, я клянусь спасти их;
Как бы ни были неисчерпаемы страсти, я клянусь погасить их;
Как бы ни были неизмеримы Драхмы, я клянусь овладеть ими;
Как бы ни была несравнима истина Будды, я клянусь достигнуть ее.

* * *

Человек долга, подлинно нравственный человек, должен иметь как минимум три вещи – понимание природы добра и зла, намерение добра и третье, осуществление его в своей деятельности. Растущий человек возвышается, развивается в духовном плане, конечно, благодаря труду и, прежде всего благодаря труду установления законов для самого себя, т.е. труду самоуправления, труду противодействия дурным внешним обстоятельствам и условиям. И труд нравственного самовоспитания, пожалуй, самый большой из всех мыслимых и действительно существующих видов труда, поскольку он особенно тесно сопряжен с умом и волей. Гегель говорил: "Все равны не только перед Богом, но и перед вежливостью". Растущему человеку придется научиться уважать и соблюдать общественные нравы и обычаи. И если этого не произойдет, то мы не получим элементарной, сверхнеобходимейшей воспитанности – обыкновенной, каждодневной культуры поведения.

Развитие этой "социальной культуры" наиболее прочно, если молодежь подготовленной встречается с эгоизмом, различными видами обмана, насилия, коварства, притворства, ханжества, – ко встречи, из которой она должна выйти непобежденной.

Служение человечеству, всеобщему человеческому сообществу возможно только на фоне и в рамках особенного и высшего из всех мыслимых типов умонастроения, а именно – того умонастроения, которое прекрасно выразил великий английский поэт Джон Дан в знаменитом высказывании, которое много позже Хемингуэй взял эпиграфом к роману "По ком звонит колокол". Человек не остров, а частичка огромного единого материка. Он становится собой, и существование его, самое физическое выживание его, не говоря уже о духовном содержании его жизни, есть результат целого, и целое есть как бы органическое и неорганическое тело этого человека. Гибель любого другого человека есть потеря и моя, есть мое обеднение, а рождение каждого нового человека есть усиление меня самого, потенциальное, разумеется.

Это умонастроение, так полно свойственное Альберту Швейцеру, – благоговение перед жизнью – отражается еще и в вековой этике врача. Этике, предписывающей бороться за человеческую жизнь до последних возможностей вне какой бы то ни было зависимости от того, кому именно эта жизнь принадлежит. Жизнь человека, как священная, высшая, предельная и последняя, и первая ценность – такое отношение к миру, к человеческому сообществу единственно возможное, благодаря которому оно может продолжать существовать и развиваться.

А это требует от человека руководствоваться категорическим императивом во всех своих поступках, требует от него терпимости и высокого мужества.

* * *

Ведь то, что воспринимает растущий человек из произведений искусства, узнает о поведении людей, о проявлениях качеств личности, из художественных произведений, театра, кино и так далее, – все это производит на него довольно глубокое впечатление, это врезается в его сознание, становится частью его существа только в том случае, когда это близко ему и лично значимо, а это обстоятельство зависит от характера и особенностей его жизнедеятельности. Главным я считаю личный опыт ребенка, особенности его отношений – дружбы

и вражды, товарищества и антипатии, конфликтов, ссор, обид, разочарований и прямо противоположного – любви, что может приводить к возникновению известных обобщений. Задача педагогики – как раз помочь человеку делать правильные обобщения, избегать логических, эмоциональных, содержательных ошибок при подобного рода обобщениях. Надо научиться сопоставлять личный опыт с опытом общечеловеческим, зафиксированным и в информации, поступающей от близких, от окружающих и из искусства и науки.

Конечно, здесь, важен круг чтения. Важно формирование круга чтения, важно формирование круга любимых героев и помощь в выработке отношений к произведениям искусства и любимым героям. Но еще важнее выработка отношений к человеческим качествам друга (подруги) в реальном опыте общения с ним (с нею).

Что наиболее существенно в жизни? Какие отношения с людьми наиболее значимы и ценны? Как надо поступать в таких-то обстоятельствах жизни? Как строить свою жизнь? Вот круг вопросов, который вырастает из названной проблематики. Здесь нельзя упустить и отношения к героизму, отношения к различным категориям деятелей общественных, отношения к профессиям. Один из путей формирования желательных установок – создание конфликтных ситуаций. Например, описание положительного, ценного, что проявляет человек в той или иной ситуации, и отрицательных моментов, которые сочетаются или которые сопутствуют тому или иному образу поведения. Возникает противоречие, возникает вопрос, что же является более существенным: способ положительно оцениваемого поведения или отрицательные моменты, которые в этих случаях возникают.

При этом психологически оправдано не ставить в открытой форме вопрос, принимает ли данный человек или отвергает такой-то способ поведения. Это вызывает известные затруднения в силу ряда причин. А ставить вопрос, согласен или не согласен находится растущий человек в описываемой ситуации. Вот примеры подобных логических стержней, выбранных Якобсоном. Человек сумел сделать хорошую карьеру, но шел к ней, не стесняясь в средствах. Другая: человек очень искренен и правдив, но этим причиняет себе серьезный вред в отношениях с людьми. Человек очень увлечен своей деятельностью, но в этой связи он не считается с другими людьми. Или человек занят скромной и незаметной работой, но люди его уважают и любят и т.п.

Печально, когда у выпускника школы нет любимого героя, нет любимого произведения, нет отдельных людей, произведших глубокое впечатление, – гениальных людей. Воспитание призвано стремиться дать молодым людям все это. Наиболее ценимые молодежью в 15–16 лет качества, как показывают исследования, – это мужество, риск в жизни, сила, ум, умение любить, большая цель в жизни, искренность, решительность, прямота.

В сфере общения, прежде всего в дружбе, среди ценных качеств отмечаются несколько другие, а именно: твердость характера, настойчивость и упорство, выдержка и решительность. Отсутствуют такие качества, как, например, умение любить, но зато выдвигаются качества, не отмечавшиеся у литературных героев, например, скромность, ласковость, женская гордость и внешние данные. А у людей, которые произвели впечатление, такими ценными качествами считаются талант, гениальность, наличие большой души.

В наибольшей степени ценятся по всем трем "каналам" – цель в жизни, ум и образ мысли, сила и настойчивость, простота, искренность, честность, правдивость, веселость, доброта, гуманность. При этом, цель в жизни ценится тогда, когда она достаточно широка.

У нас отдельная часть школьников совершенно неоправданно считает, что цель оправдывает средства. Вот почему на эту проблематику необходимо обратить особое внимание. Произведения Александра Дюма могут способствовать, увы, воспитанию этого отношения. И образ человека, который высоко ста-

вится, положим, Наполеона, тоже может способствовать этому неправильному обобщению.

Для педагогики очень важно, что практически мы не найдем человека, который не связывал бы ценные качества личности и свои идеальные представления о ней с содержательным, основанным на внимательном отношении к людям общении с возможностью осуществлять в жизни что-либо ценное. Всеми остро ощущается потребность в уважении к ним окружающих. Эта потребность в уважении окружающих меньше всего выражена у тех представителей молодежи, которые не имеют ни любимого писателя, ни любимых литературных произведений, ни любимых героев.

* * *

* * *

Много заботился о душевном здоровье детей, об уравновешенности, о профилактике душевных заболеваний И. Кант. В одной из самых ранних своих работ «Опыт о болезнях головы», он специально обращал внимание на то, что душевные заболевания коренятся не только в теле человека, но условия распространения душевных недугов создает гражданское устройство общества. Ясно, что и устройство жизни детей в учебно-воспитательных учреждениях как устройство микрообщества, в котором они живут и учатся жить в условиях общежития, тоже чрезвычайно, сверхобычно важно и несет первоочередную ответственность за создание специальных условий, предупреждающих душевные недуги.

Советский специалист в педагогике раннего детства Е.А. Аркин (1873–1948) по поводу жизнерадостного настроения и его роли в гигиене психической жизни справедливо писал: «Чувство жизнерадостности и бодрости является одной из самых важных предпосылок воспитания здорового человека. На протяжении всего детства, начиная с колыбели, нужно стремиться к тому, чтобы поддерживать в ребенке радостное настроение, воспитывать умение находить радость и позволять ребенку со всей детской непосредственностью отдаваться ей». (Ребенок в дошкольные годы. М., 1968. С. 381.)

* * *

О развитии познавательной потребности. Исследования советских психологов В.С. Юркевича, П.Р. Кадырова, Н.С. Лейтеса, А.К. Марковой и др. показывает, что развитие познавательной потребности с годами все меньше зависит от внешнего привлечения интереса, от внешней интересности, от внешней любознательности, заинтересовывания информацией, например, с помощью обильной наглядности, музыкального и художественного оформления нового знания и тому подобного, и все больше зависит от мышления, от осознаваемой системы ценностей. Развивать познавательные потребности, значит развивать систему ценностей, среди которых большое место занимает вера в свои силы и оценка личности, как постоянно совершенствующегося процесса, так сказать. Умственная лень непосредственно связана с жаждой впечатлений, ярких эмоций, развитию любознательности мешает непереваренность внешних впечатлений, переход внешних впечатлений в более сложную умственную работу требует дополнительных усилий, связывающих эту работу прежде всего с важными личностными установками. Тут необходимо развитие теоретического мышления, позволяющее подняться над непосредственной информацией, преодолеть непосредственную впечатлительность.

* * *

Перед изучением любого курса, любой темы, пред любым занятием очень ценно объяснить конечную цель учебы, конечную цель предполагаемых усилий. Важно сформулировать цель и наметить предположительные пути ее достиже-

ния, а в конце того или иного изучения посмотреть, что же достигнуто, чего нет, как объяснить недостачу, как оценить полученное, как компенсировать несделанное.

* * *

Продумать вопрос о том, чтобы внести элементы занимательной географической и этнографической медицины. Вообще, давать быть может не только гигиену и некие основы популярной медицины. Очень важно знать растущему человеку о существующем спектре болезней, не только с тем, чтобы учиться предупреждать их в себе и окружающих, не только с тем, чтобы уметь оказать окружающим помощь, но и с тем, чтобы не допустить самомнения в медицине, знать ее сложность, предупредить от самолечения, главное, научиться относиться к болезни мужественно, мудро, деятельно и сострадательно. Эти знания должны отучить также от постоянных поисков в себе разных болезней у мнительных людей – профилактика мнительности. Я думаю, ввести элементы медицинского познания, как содержание общего, т.е. необходимого каждому человеку образования. Ознакомление детей со структурой науки вообще, показав связь теоретической и практической медицины с массой наук: биологией, химией и т.д.

* * *

В XX веке тонкие, остроумные и доказательные эксперименты психологов-гештальтистов показали необходимость объяснять детям конечную цель учебы, конечные цели всех усилий. Но эти цели ни в коем случае не должны превышать возможностей ребенка, стало быть, не должны слишком забегать вперед. Кроме того эти цели схватываются ребенком интуитивно не менее, чем логически. Надо добиться, так называемой, ага-реакции ребенка (А!.. Понял.) Взять описание некоторых гештальтисских экспериментов у Кёлера и Левина. Сложный вопрос о выработке навыков, о тренаже, о зубрежке. Я полагаю, что все эти элементы самообучения важны, полезны, необходимы в соответствующих случаях, но при условии, чтобы учащийся сам захотел этой выработки навыков у себя, сам пришел бы к идее ее необходимости, и сам прослеживал бы ход этой выработки. Примером может служить моя Катенька, которая упорно стремится к выработке навыков по иностранному языку и усиленно подвергает себя тренажу после того, как четко и ясно осознала абсолютную необходимость всего этого для достижения желанной ею цели.

Поэтому гештальтисты не правы, предлагая полностью уничтожить тренаж, зубрежку, выработку навыков. Все это полезно в тех случаях, когда речь идет о достижении мастерства, притом осознанном достижении мастерства и когда достижение этого мастерства абсолютно добровольно.

Но гештальтисты правы, когда выступают за комплексное обучение на его ранних ступенях. Это объясняется целостным характером восприятия. Как еще в XIX веке Владимир Федорович Одоевский совершенно правильно замечал, что ребенку не нужна лошадь по частям, ему нужна целая лошадь. Но важно и необходимо дополняющее движение – от элемента к целому. Да, лошадь необходима целиком, как нечто уже готовое, существующее, но одновременно для развития умственных сил растущего человека важно и понимание исторического происхождения лошади, т.е. развитие ее из зародыша, ее становление, ее рост, накопление ее качеств.

Вот в чем совершенно правы гештальтисты: что восприятие активно, что восприятие есть результат сложно организованного умственного действия, что учение тоже активно. Они правы, говоря, что совершенно необходимо отказаться от идеи обучения, как формирования из воска, или от вихивеористского отношения к учению как к процессу проб и ошибок. Все это подтверждает и психологически обосновывает правильность педагогической стратегии и тактики Пе-

сталоци. Все, что знает психология XX века, обнаруживает огромную формирующую роль свободной игры сил ребенка.

* * *

Материал по истории и современному состоянию медицины дает многие прекрасные образцы научного подвига, например, самопожертвующие опыты на себе ученых и заветное служение больному до последнего своего вздоха и т.д. Важно еще также предотвратить легковерие и стремление к панацее, падкость на сенсации. Важно воспитать достаточную разумную осторожность и осмотрительность. Но тоже не приходящую в противоположные крайности: к нигилизму и отрицанию всего, что накопило искусство врачевания. Конечно, главная цель – здоровый образ жизни, отношение к здоровью и долгожительству, как к ценностям. Все это тесно связано с воспитанием любви к жизни и правильного отношения к смерти.

Это и выработка отношений к еде: мы живем не для того, чтобы есть, но едим для того, чтобы жить.

Разумеется необходимо ознакомление детей с неотложными состояниями. Долгожительству надо учить с детства. Да, это все входит в понятие «учить для жизни», учить необходимому для жизни, а вот релаксации необходимо учить, совершенно, наверное, безвредно и во многих случаях даже совершенно бесспорно полезно. Очень тщательно, очень осторожно, но все-таки отобрать некоторый материал и по психогигиене, по психическому здоровью. Стало быть, отчасти и по психическим болезням.

Необходимо и самое обычное просвещение: относительно несчастных случаев, относительно разного рода опасностей и неотложных состояний, точнее, об их причинах. Вот например, болезнью неподготовки людей к трудностям реальной жизни страдают все наши школьные учебники – ни в физике, ни в химии нет о правилах безопасности, хотя там и излагаются основы электричества, материалы по электролитам, минеральным удобрениям, кислотам. В учебнике анатомии, физиологии и гигиены не даются советы о том, как предупредить нежелательные шумовые и световые воздействия, зоология умалчивает о том, что необходима соответствующая осторожность при обращении с животными и птицам, об опасности, которую представляют некоторые виды насекомых. Разумеется, общим, правилом при неотложных состояниях и их причинах остается правило не оберегать от жизни, а учить сопротивляться ей. В частности, если родители, опасаясь несчастного случая, прячут от детей, положим, инструменты, то они поступают неправильно. Надо не отнимать, а учить, объяснять, показывать, как вести себя в той или иной ситуации.

* * *

Что измеряет тест на интеллектуальную способность? Он, конечно же, обнаруживает степень отклонения или соответствия индивидуальных навыков решения определенных, достаточно простых умственных задач по сравнению с усредненным для данного времени и данной страны, данной местности, культуры, уровня. В терминах нашей теории, нашего понимания природы человека и его развития это означает, что тест на умственный коэффициент измеряет отношение данного человека к господствующему усредненному уровню культуры в данном обществе, на определенном этапе его развития. С этой точки зрения становятся понятными измерения умственной одаренности широких масс населения, которые проводились в начале XX века. Например, исследования Вальтера Липмана 1922 года в Америке показали, что средний умственный возраст американских солдат – четырнадцать лет. Это означает, что в начале 20-х годов основное население Америки в возрасте четырнадцати лет присвоило общечеловеческую и национальную культуру в таком объеме и качестве, которые были соизмеримы и равнялись присвоению культуры определенной части

американского общества, а именно, двадцатилетних солдат.

* * *

Для шестилеток. Уроки баловства, уроки смеха, уроки тишины, уроки вопросов, уроки загадок, сказок, стихов, поделок, а, главное – научения мастерству, ремеслам.

* * *

То, что великий Лейбниц считал необходимым условием для введения наук, искусств и развития ремесел в обширной России в XVIII в., то самое остается необходимейшим условием и для существования и развития школьного дела. Лейбниц перечислял: для этого нужны библиотека, естественнонаучный музей, музей искусств, включая кунсткамеру, зоологический и ботанический сад, обсерваторий и лаборатории. Библиотеку Лейбниц советовал сделать не слишком громоздкой, но хорошо подобранной и на многих языках. Он считал, хотя собирать книги следует по всем предметам, предпочтение должно отдать реальным наукам, в число которых, в частности, включал и историю. Важно собирать гравюры и рисунки, в которых изображаются всевозможные явления природы, ремесла, эпизоды из жизни великих людей, а также наглядно представлены разного рода отвлеченные идеи. Между прочим, весьма любопытный факт, здесь Лейбниц, который как известно очень высоко чтит Коменского и даже посвятил ему знаменитые стихи на латинском языке, явно находится под влиянием его педагогических идей.

Особо останавливается Лейбниц на музее естествознания и искусств. Он считает, что там должно быть все необходимое для учебной и научной работы. Вот очень важно это соединение – учебной и исследовательской работы, а именно: приборы, кабинеты, комнаты для образцов ремесленного производства, галерея древностей, картин и скульптур, питомники для животных, огороды для возделывания полезных растений, столярные, слесарные, оружейные и другие мастерские полезные не только для повседневных нужд, но и для развития самой науки. Далее очень важно: в них должно быть представлено то, чего не возможно полностью описать в книгах, либо изобразить на рисунках. Учебные лаборатории Лейбниц предлагал связать с аптеками, а также, что страшно важно для политехнического образования, с металлолитейными и стеклянными заводами, с артиллерийским ведомством, с монетным и пробирными дворами. Чрезвычайно важно, что учебу Лейбниц тесно связывал с изучением реальных производств, а также военного дела.

Огромное значение придает он обсерватории, связывая с ней еще и агрономию и горнорудное дело, считая, что мореходство без обсерватории невозможно. Таким образом, положим, московский планетарий вполне можно рассматривать как школу самых разных наук, включая мореходную науку.

И еще прямо полностью совпадает с моим представлением об организации учителей в школе. Цитирую из Лейбница: «Необходимо следить за тем, чтобы наставники в разных науках действовали согласно друг с другом, чтобы различные учения не противостояли одно другому, но способствовали взаимному изъяснению».

* * *

Талант, что трава, пробивается всюду, где есть хоть малейшая к тому возможность, и так же, как трава, легко глохнет при сколько-нибудь неблагоприятных условиях, т.е. одновременно – сила таланта неистребима, как сила самой жизни, и одновременно, как всякая жизнь, он очень хрупок, и его легко выкорчевать и растоптать.

Встреча с Аркадием лишней раз показала, в какой огромной степени трудоспособность есть генеральная и всеобщее необходимая предпосылка каково бы то ни было таланта, т.е. работоспособность – главная человеческая способ-

ность и как фактор, и как составная часть таланта, при условии, что трудоспособность в свою очередь является функцией от сочетания, химического сродства, мужества, силы и той или иной, хорошей или не очень хорошей нравственности. Из последнего, кстати, следует, что талант может быть и разрушительным и враждебным человеческому общежитию. Все зависит от сочетания всеобщих необходимых сущностных, имманентных таланту свойств с той или иной по содержанию нравственностью (или безнравственностью).

Аркадий заставляет задуматься над преемственностью ребенка и человека: в какой степени ребенок – «отец человека». Как сформировавшиеся в детстве качества проявляются и в какой степени предопределяют собою особенности взрослой жизни. Нет ни малейшего сомнения в том, что они проявляются, но фаталистически ли, всеопределяюще ли, или же нет, иначе говоря, – это вопрос об изменчивости человека, о степени изменчивости человека с ходом времени, вопрос, который требует специального внимания, освещения, разработки. Сюда же входит проблематика жалости к себе и самокритичности, а также мучительный вопрос о разрыве между идеалом и возможностью его реализовать (см. «Неточку Незванову», ч. 1). Случай Аркадия заставляет вспомнить о природе вкуса, чувства меры, гармонии. Здесь, как и в мышлении, все на тонкой грани: слева и справа – пропасти. Здесь также проклятое неуловимое «чуть-чуть», которое дается только достаточно редко формирующейся интуицией. Ясно также, что интуиция эта дается не от Бога, а от особенностей присвоенной культуры. В ней корни вкуса как такового. Вспомнив, что Гёте ежегодно перечитывал великих французских авторов, чтобы поддерживать, оживлять в себе чувство хорошего вкуса.

* * *

Здесь, как в капле воды, отражены все мучительные вопросы педагогики: насколько сильно, всесильно ли воспитание в действительном изменении мира, т.е. уже воспитавшихся, действующих людей? Каково место механизма взаимодействия становящегося ребенка, растущего человека, у которого растут вместе с физическим объемом сердца и совесть, и сострадание, и честность, и великодушие, – с людьми, у которых сердце давно обросло шерстью.

Спору нет – нелегко воспитание нормальное, правильное, хорошее в невоспитанном, в нехорошем мире. Но еще сложнее перевоспитание, которое и предстает-то перед нами как сверхзадача педагогики, перевоспитание мира, или как говорил Маркс, «воспитание воспитателя» общества, ибо главный воспитатель – не отдельный педагог, а общество в целом, и «воспитатель должен быть сам воспитан». Ни одна задача педагогики не разрешима глубоко, полно, действительно до тех пор, пока не будет сопряжена с другой – переделкой мира. Создается вопрос об исправительной педагогике человечества, и среди этой педагогики – по-новому осмысляемой в наше время социальной педагогики, одно из центральных мест занимают вопросы законов. Насколько воспитывает законодательство? Как оно воспитывает? И последний по счету, но первый по значению: как возможно воспитание во всю уже живущих людей законом?

Слов нет. Преследование по закону, наказание, как и общественное мнение, совершенно необходимы. Но параллельно – поиски новых нормальных форм, спрямляющих искривленную душу преступника, форм жизни которые давали бы выход его уже закоренелым потребностям во власти и в самоутверждении. Да, да, идти навстречу потребностям преступным, бесчеловечным и бессердечным для того, чтобы очеловечить, выпрямить страшные души.

* * *

Охота, убийство животных, как и убийство приговоренных к смерти, пока что необходимость. Конечно, слово грустное, неподходящее, трагическое, быть может. Но уж во всяком случае и сейчас и ни при каких обстоятельствах отправле-

ние этих жестокостей не должно приносить наслаждения: «стрелять, стрелять» из карабина с вертолета, кромсать перепуганных и беззащитных перед современным варварством животных. Кто получает радость от убийства, тот потенциально преступник. Конечно, охота, уже одна только охота – ложное самоутверждение, -нечестное.

* * *

Где мое «Я»? – спрашивают физиологи, психологи, логики, математики, кибернетики, медики, биохимики. – В мозге, в теле, в душе? Где и в чем особенности моих способностей и страстей? В строении головы и желез внутренней секреций? В механизмах химических реакций, происходящих в крови? Но они, эти реакции существенно однотипны у всех людей, а содержание их существенно различно. Смех у каждого человека – это кровь, идущая из правой полости сердца через артериальную вену, заполняющая легкие и заставляющая воздух легких несколько раз сжиматься; этот воздух стремительно выходит через горло, где производит нечленораздельный сильный звук; при этом затрагиваются все мускулы диафрагмы, груди, горла и лица, писал Рэне Декарт. Но разве это физиологическое описание смеха объясняет причину и сущность смешного? Разным людям разное смешно. Когда у Джорджа («Трое в одной лодке» Джерома К. Джерома) упала с лодки рубашка в воду, Гарри до колик смеялся, но, узнав, что это его собственная рубашка, не нашел в ситуации совершенно ничего веселого. Содержание смеха – загадка, а его механизм нам так мало расскажет. Идея смешного приходит в душу или с рождения находится в ней? Загадка – в содержании, а не в функционировании, не в форме этого содержания.

Наше «я» – это результат индивидуального опыта, осознание бесконечного разнообразия чувственно данных единичных вещей? Но тогда откуда же берутся в нем вневещные категории – всеобщие, необходимые – из опыта индивидуального невыводимые? Ведь в самом деле, откуда во мне непредставимое понятие треугольника вообще? Для того, чтобы знать, мало видеть, для того, чтобы видеть и понимать то, что видишь, уже что-то надобно знать. Личный опыт ограничен, а человек все понимает, что видит, стало быть, у меня действительно имеются в распоряжении внеопытные знания об отношениях и связях вещей в мире, об их сущности. Откуда оно?

Мы никогда не ответим на эти вопросы, ни на один из этих вопросов, если будем рассматривать человека вне человеческого общества и вне человеческой истории. В процессе деятельного присвоения каждым духовного богатства, культуры, общечеловеческого опыта, накопленного всей предшествующей нам историей в процессе реализации присвоенной части этой культуры в ходе собственной деятельности, преодолевающей сопротивление среды, я приобретаю свое «я».

Я живу в мире человечеством созданных вещей, созданных людьми для людей, созданных всеми предшествующими поколениями. Совокупность вещей – «тело человеческой цивилизации» – есть результат деятельности многих поколений, опредмеченная история человечества. Это – опредмеченные мысли, желания, потребности, цели, теории, логика, расчет, разъезжающий в виде автомобилей, застывший в виде ложки или стола...

Сознание – процесс результата усвоения и освоения предметного мира, созданного человечеством за весь период его истории. История сделала меня человеком. Сознание – это процесс, а история человечества – процесс разворачивания всех возможностей человеческого духа. Индивидуальное сознание человека – это его индивидуальная история, осваивающая историю всеобщую, повторяющая все основные этапы развития человечества.

Руководящий моим опытом всеобщей формы мышления, в которых протекает мое мышление, усваиваются мною, когда я распредмечиваю застывшую в ве-

цах мысль, т.е. когда я делаю ее своей, когда я научаюсь рационально пользоваться этой вещью, когда я разгадываю ее замысел и смысл. В ходе моего обучения и воспитания, в ходе моего очеловечивания присваиваю себе формы, в которых протекает моя жизнь. Мое личное сознание есть результат продукта многомиллионнолетней истории, есть функция от усвоения человеком для человека созданных предметов, вещей, цивилизаций, культуры, орудий труда, знаний, умений, видов деятельности, в которых отражена вся история борьбы и единения с природой всего человечества.

Я – продукт истории. Если это так, то каково же должно быть правильное мое отношение с историей? Вероятно, если я осознал ее роль, то я активно и сознательно поставлю ее на службу моим интересам, буду более продуктивно и щедро черпать из нее богатства и опыт, стану сознательно извлекать из нее уроки.

Глубокая правда заключена в словах произнесенных давно: «Судьбой нашей в гораздо большей степени руководят умершие поколения, чем живущие. Столетия за столетиями они вырабатывали идеи и чувства и следовательно побудительные причины нашего поведения. Умершие поколения передают нам не только физическую организацию, они внушают нам также свои мысли. Мы несем тяжесть их ошибок, мы получаем награду за их совершенства».

Да, речь должна идти о наших интимных отношениях с историей, а не только об отношении к истории. Именно во взаимоотношениях с историей лежит истоки и тайна нашего совершенствования, так же, как в надличностном, общем, историческом значении слов и других форм исторической культуры лежат причина и тайна одухотворения нашего очеловечивания. Ведь мало стать человеком, задача в том, чтобы им оставаться. Это пожизненный процесс. История и в нем играет ключевую роль.

То, что мы называем прошлым, настоящим и будущим, – все крайне условные обозначения. В действительном потоке жизни нет грани, где можно было бы сказать: вот здесь умерло старое, здесь народилось новое время, и отсюда начинается новая жизнь. Еле заметная искра нового появляется тогда, когда старое еще в полном расцвете, на вершине своей исторической мощи. Сегодняшнее соткано из прошлого и будущего. Что будет, что было – неразрывно пуповиной, дыханием сопряжено с тем, что есть. Какое безумие полагать, что мы от того умнее древних, что позже живем и якобы больше знаем!

В частности, и история педагогических идей представляет собою собственно педагогику. Безумие оторвать прошлое от сегодняшнего. Единственный путь к усвоению педагогики – действенное знание, получаемое в ходе осознанного, творческого, диалогического усвоения накопленного тысячелетиями опыта. И конечно же, попытки применять этот опыт на практике.

Тут мы получаем и важные и, так сказать, побочные продукты усвоения истории педагогики. Это гарантии против невежественного, немотивированного, тупого, чванливого, легкомысленного новаторства и вместе против идиотического консерватизма. Еще один побочный продукт – гарантия против умильного наива, убежденности, а точнее предрассудка, что все новое хорошо от того, что старое старо, а также, что старое хорошо от того, что новое плохо.

Но ведь прошлое не повторяется; что было, то уж не вернется. Старые решения утрачивают свою силу в новых условиях. История не повторяется. Чему же может она научить?

А вот что. В любом событии – сегодняшнем, прошедшем, грядущем – слиты, химически сроднены неповторимое единичное; далее – особенное, типическое для многих сходных событий. И наконец, общее – общечеловеческое, вечное, сущностное. Найти это общее, проникнуть в его корни, проследить его вселенские связи, ввести коэффициент, поправку на особенное, историческое, временное, расовое, национальное, социально-групповое; применить к тому, вечно изменяемому, что и есть неповторимость или уникальность, единичность, – и

значит извлечь урок истории. И история научит, разъяснит, утвердит, усомнит, спасет от ошибок, самодовольства и ограниченности.

Взгляните на старинные картины, на полотна мастеров, которые остановили несколько мгновений из жизни людей, одетых иначе, чем мы, но надеющихся, сожалеющих и любящих так же, Ах, как одинаковы люди всех времен и народов, как сходны их страсти, коварства, жестокости, зависти, злобы, радости, величия, мучения, просветленности и благородства. И разве изменилось что-нибудь на кладбище Рейсдаля? Чета Арнольфини не так ли по-прежнему ждет ребенка с благоговением и миром?

Не будем преуменьшать разницы между людьми, но не будем преуменьшать и их сходства.

Изучив прошлое, мы найдем в нем и специфическое, особенное, временное; и неповторимое, навеки застывшее в своей неповторимости, и общее, общечеловеческое, не умирающее, исчезающее, а только видоизменяющееся. Люди всегда хотели счастья, хотя и видели счастье в разном, дети всегда хотели поскорее вырасти, а зануды-воспитатели всегда вызывали ненависть нотациями, деспотизмом. Есть нечто, что всегда было и всегда будет. Это нечто и обязан вычленивать каждый изучающий педагогику, усугубить положение дел, чтобы интенсифицировать работу истории, чтобы выжать из нее как можно больше, приближая тем самым завтра к сегодня.

Невежественное пренебрежение к прошлому... Непонимание диалектического родства и единства настоящего, прошлого и будущего, непонимание того, что нет ни прошлого, ни будущего, а было, есть и будет только настоящее, что нет настоящего, что оно всегда мгновенно разлагается на прошлое и будущее.

* * *

Воспитателю важно помнить свое собственное детство. К сожалению, как правило, его подробности забываются взрослыми. В науке это называется амнезией. Первый год, первые два года своей жизни, как правило, забываются абсолютно, совершенно. Да и последующее детство остается в памяти людей отрывками, как бы высвечивающимися отдельными эпизодами: из темного моря забвения. Между тем, для воспитания, которое невозможно без понимания трудностей, особенностей внутренней жизни детей, очень важно как раз и подробное представление о собственном детстве. Но в тех случаях, когда его по тем или иным причинам нет, или в тех случаях, когда эти воспоминания искажены, идеализированы (в силу особенности памяти взрослого человека), совершенно необходимо приобретение знаний, так сказать, со стороны, а со стороны. Но и в этом случае важно сопоставлять их о собственным опытом. Об этом хорошо писала Крупская. «...Кто помнит свое раннее детство, – писала она в 1928 году, – тот, наверное вспомнит, как какой-нибудь мелкий факт, который может быть окружающими взрослыми даже не был замечен, являлся решающим для дальнейшего развития ребенка».

Действительно, дошкольный возраст, какой бы конкретный период времени он ни занимал у ребенка (а мы договорились уже помнить об относительности возраста, судить о нем не по формальным, а по содержательным признакам), так вот, дошкольный возраст, который у одного ребенка может закончиться задолго до его поступления в школу, а у другого захватить и школьный период, очень своеобразен прежде всего своей чувствительностью к образным воздействиям. У маленького ребенка любой эпохи и любого народа очень сильно эмоциональное впечатление. Свообразны и его проявления. «Свообразие это выражается в том, что дети этого возраста способны запоминать сравнительно легко даже трудный для них и непонятный материал; они запоминают массы фраз, целые страницы стихов, сложные обороты, не заботясь о том, что эти слова значат», – писала Крупская.

Здесь один из психологических источников вербализма, когда за словами, употребляемыми ребенком не стоит ни грамма никакого конкретного содержания, когда он не понимает смысл этих слов, а иногда и вовсе их не знает. Здесь возникает еще одна очень важная и сложная проблема, которую также ставила в своих работах Крупская: как отделить в воображении ребенка вымысел и действительность, при условии, что вначале своего развития ребенок не знает, может ли девочка, нарисованная на картинке, убежать или нет, не знает, бывают ли коровы голубыми, а собаки зелеными, не знает, умеет ли кошка действительно говорить человеческим голосом или нет? В возрасте, когда мир для ребенка – еще что-то совершенно неведомое, который он только стремится познать, очень важно это постепенное отдифференцирование воображаемого от действительного. В семьях, где сказочные образы в воспитании занимают непомерно слишком большое место, где не идет сопоставление сказочной жизни с действительной, с реальной, дошкольный возраст может очень затянуться. Бывает, что и в семь, и в восемь лет дети спрашивают: какие бывают ведьмы? Вполне уверенные, что ведьмы – это вполне реальная вещь, нечто реальное. Но и здесь ни в коем случае нельзя прибегать ни к одной из крайностей. Ведь если оставлять ребенка исключительно только сухим «реалистом», то у него не остается почвы для формирования поэтического мышления. Здесь очень важна золотая середина, как впрочем и во всех случаях воспитания.

* * *

Человек приходит из рук природы в мир человечеством созданных вещей, порядков, обычаев, законов, в мир очеловеченной природы. Этот мир – результат деятельности многих поколений, результат их противоречий, взаимного противостояния и попыток продвинуться к более удобному и приемлемому устройству жизни. Новорожденный человек оказывается среди истории человечества, воплощенной в предметах. Его окружают потребности, цели, мысли, расчеты, логика людей, живших до него и живущих сейчас вместе с ним. И этот окружающий его мир неизбежно соотносится с законами объективного устройства вселенной, – иначе он бы погиб, этот мир. В «логике» дома, в книге и в обычаях, во всей очеловеченной действительности как бы «опредмечена» история человечества. История всего человечества «разъезжает» в легковой машине и «господствует» в социальных институтах и учреждениях.

Понять человека, понять сущность его очеловечения, его развития, его превращения в члена общества и личность решительно нельзя, если рассматривать его вне человеческой истории. Это означает, что развитие человека, ход его очеловечения и результаты этого процесса – все это деятельное усвоение каждым новым человеком того материального и духовного богатства, которое приобретается, которое отражается друг в друге, которое невозможно отделить друг от друга. Усвоение культуры, накопленной предшествующей появлению каждого данного человека историей всего человечества, есть процесс реализации, присвоенной этим человеком части всеобщей культуры в ходе собственной деятельности. Эта деятельность всегда по природе вещей есть большее или меньшее преодоление некоторых трудностей: например, преодоление сопротивления объектов познания, преодоление собственной инерции, инертности и т.д. Человек есть процесс и результат его индивидуальной истории как части и продукта истории всеобщей. Человека делает человеком общечеловеческая история. Человек – продукт всемирной истории человечества.

Чем больше и глубже, основательнее и точнее присвоил человек часть культуры мира, которую он застал, появившись на свет, тем он совершенней, и наоборот. Впрочем, очень многое зависит от того, какую же именно по содержанию часть культуры он присвоил, и совершенство его может быть очень различным с точки зрения оценки значимости этого совершенства, и очень даже относительным. Однако во всех случаях неперемное условие этого присвоения

культуры мира – постоянное, на всю жизнь напряжение сил, труд, действие по осознанию и применению на практике способностей действовать.

В этих интимных отношениях человека с историей лежат истоки и тайны воспитания и возможности совершенствования какого человека.

Мало стать человеком благодаря второму своему рождению, рождению в культуре, задача в том, чтобы им оставаться. История и здесь играет ключевую роль, ибо сегодняшний день соткан из прошлого и будущего. Человек может быть и оставаться человеком только в качестве звена, связующего прошлое с будущим.

Вот почему для воспитания вся история человечества предстает как воплощенная в действительности культура, дающая возможность для приращения или разрушения, для сохранения или ухудшения этой культуры. Эта созидательная, эта творческая сила истории проявляется всегда и в общечеловеческом, свойственном всем людям (потому только, что они – люди и живут в человеческом общежитии); и в особенном свойственном только данному месту и времени, и, наконец, в неповторимо индивидуальном, единичном, что отличает одну каплю воды от другой, один лист от другого, что делает неповторимым любое творение природы.

Воспитать творческую личность, способную улучшать, приращивать, увеличивать культурные ценности, – значит дать ей возможность отыскать в истории общечеловеческое, проникнуть в сущность, в корни этого всеобщего, проследить, так сказать, вселенские связи явлений, взаимопереход, их превращение. Но при этом надо непременно научить вводить и поправку, так сказать «коэффициент» на особенное, временное, групповое, национальное и применять все это к тому вечно изменяющемуся, что являет собой неповторимую уникальность конкретного, данного, единичного. И тогда история будет учить сама, и сам человек научится извлекать уроки истории. И тогда она разъяснит, даст материал для новых конструктивных начинаний, утвердит, усомнит, спасет от ошибок, самодовольства и ограниченности.

* * *

Почему? Две мамы. Природа-мать. История-мать. Когда у двух мамок дитя без глаза (когда поломан механизм телесный, когда низок уровень цивилизованности, когда нет возможностей для работы второй мамы, дающей второе рождение). Человеку надо рождаться постоянно. Мало стать человеком, нахитриться еще им оставаться.

Механизмы очеловечивания: вещи, язык, манеры, – все в деле, все в деятельности. Безумная скорость. Замедленная киносъемка: слепоглухонемые. Механизмы очеловечивания: природа: диалектика природы, неочеловеченная природа, очеловеченная природа. Механизмы очеловечивания: общение: непосредственное, опосредованное: искусство, наука, книги, средства массовой информации.

Внутренние причины развития: активность. Надстраивание психики над врожденными механизмами, снятие их диалектическое, с удержанием в преобразованном виде.

Механизмы развития: состояние здоровья. Апперцепции. Надстраивание опыта. Воображение как будущее, ставшее прожитым. Прожитое будущее.

«Мелочи». Прочность одноразовых впечатлений. Опасность незаметностей: отбор лексики, интонации: что и как говорят, что при этом делают. Мимика.

Механизмы: подражание. Мощное усиление подражания: любовь. Любовь как радость, как сорадование общения, которое дает ощущение роста, совершенствования, возрастания силы. Любовь как восхищение. Любовь как страшное оружие. Любовь к злодеям.

Механизмы очеловечивания: красота. В чем увидит красоту, то и будет делать. Достоевский.

* * *

Пути и способы: материальное благосостояние как средство или предпосылка духовного, как подчиненное, хотя и необходимое, как служба главному – духовному.

Пути и способы: научить любить жизнь, любить людей. Гуманность как благоговение перед жизнью. «В каждом мерцанье огня, в каждой игре облаков» – уж коль скоро ты очеловечился. Но степень очеловеченья равна бесконечности. Любовь как соответствие верхним этажам в иерархии ценностей данного человека. Любовь как воплощение в жизни идеала. Но это по преимуществу взрослая любовь, в детская любовь – восхищение и чувство роста.

Подробнее о любви как вещи «страшной и ужасной» – в предисловии к нашему опыту популярного руководства «Как дурно воспитывать».

Пути и способы становиться нам лучше, оставаясь собой. Любить добро и ненавидеть зло. Увеличить добро, приуменьшать количество зла.

Недоработка матушки-природы? Есть обходные каналы! Компенсаторика.

* * *

В процессе усвоения языка ребенком воспитание играет чрезвычайно существенную роль, если под воспитанием понимать поправки и руководящее вмешательство более опытных взрослых людей в процесс усвоения языка. Вся история школьного обучения родному языку подтверждает эту мысль. Стихийной социализации при усвоении языка явно недостаточно. И еще вопрос, насколько необходимо более решительное вмешательство в изучение языка на самых первых, дошкольных, этапах развития ребенка.

* * *

Что же такое человек как планетарное явление, как разумное существо, единственное из известных нам по живых существ, способных к созданию, накоплению и передаче культуры? И что такое дух, одухотворенность? Идеальное.

* * *

Трудный воспитатель. Сверхопекающий. Деспотичный. Капризный. Истеричный. Холодный, равнодушный. Отчужденный. Бездушный, легкомысленный. Развратный. Слабохарактерный. Нетерпеливый. Мстительный. Самоутверждающийся за счет детей. Нечуткий, бестактный. Попустительствующий, подкупающий любовь детей, требующий эту любовь, зарабатывающий эту любовь. Неинтересный, неяркий учитель.

Трудный воспитатель и тот, который говорит: будь таким, как я хочу. Будь таким, каков я. Люби то-то, не делай того-то. Он стремится воспроизвести себя в детях. Он насильственно раскрывает бутон, пытаясь до времени изобразить из него цветок. Трудный воспитатель это тот, который воспитывает по книгам, т.е. не творчески, догматический воспитатель, однако же с железной волей, негибкий.

Увы, этот список можно было бы продолжить.

* * *

При прочих равных условиях тот учитель эффективен, который больше радуется, чем другой, когда он с детьми. Когда учитель искренно думает о каждом, как о важной персоне, важном лице, действительно уважительно относится к любому и каждому человеку. Когда он готов с радостью прийти на помощь всегда. Когда он открыто признает свои ошибки, когда он доверяет детям, когда он честен и правдив.

Конечно, как показывают многочисленнейшие наблюдения и специальные ис-

следования, учителю важно иметь хорошее чувство юмора и быть терпеливым. Важно, чтобы у него был широкий кругозор, чтобы он умел быть зеркалом у ученика, только очень объективным и беззлобным, чтобы он учил задавать вопросы и поощрял вопросы и поощрял вопросы к себе, чтобы он хорошо знал каждого ребенка. С хорошим учителем легко разговаривать, он не саркастичен, и он гордится успехами своих учеников. Конечно, он тактичен и чуток, он ясно, понятно объясняет трудные вещи. Он ведет учеников к успеху, имеет глубокие, устойчивые интересы в духовном мире.

Дети должны видеть на деле готовность учителя сражаться за интересы обоих подопечных. Желательно, чтобы учитель был тверд в своих важнейших принципах.

Совершенно неприемлема со стороны любого воспитателя болтливость, обидчивость и гнев. Совершенно неприемлемы и недопустимы предубеждения против кого-то из детей. Очень нежелательно показывать свои чувства, особенно часто. Совершенно неприемлемы постоянные изменения своих мнений, какое-то флюгерство. Учитель постоянно думающий о себе, о своем благополучии и только потом об интересах детей тоже никогда не может быть эффективным.

* * *

Дисциплина, как нас учит Макаренко и многие другие великие педагоги – это результат, а не средство воспитания. Дисциплинированность это качество нравственное. Дисциплинированность дается сознанием того, что дисциплина, самодисциплина защищает и освобождает.

Вот почему дисциплина должна проистекать из самой жизни растущего человека, а не внушаться ему. Она должна проистекать из ее организации, из ее содержания, из ее целей и средств, которые выбираются для достижения этих целей.

И здесь нужна красота внутренней самодисциплины, любование, нежность к бодрости, четкости, точности, энергии, увлекательности и сознательности. Сущность дисциплины это уступки друг другу, учет интересов других, внимание и уважение к окружающему человека человеческому миру.

* * *

Что же самое главное? Самое главное – решить, что же самое главное для настоящего и будущего человека. А это самое-самое есть понимание себя и других: понимание, почему человек поступает некрасиво и красиво. Содержанием школы делается вот что – способность понять главное в поведении людей и способность управлять собой и уживаться с другими.

* * *

Поколения. Психологический разрыв и преемственность между поколениями.

Потенциал, потребности и ожидания старого и нового поколений.

Всей полнотой опыта обладает только человечество в целом, да и то только взятое во всей толще его исторической глубины. Передать накопленный человечеством опыт от одного поколения следующему за ним в принципе невозможно. Всегда имеет место частичная передача опыта. Передавать опыт от поколения к поколению дорого и трудно, воспринимать его тоже дорого и трудно. Каждая историческая эпоха берет у предыдущих (NB: а не у предыдущей!) только то, что ей надобно. И не все традиции бесконечны, часть их сходит на нет или преобразуется в иные. Каждая эпоха располагает ограниченными возможностями для усвоения даже надобной ей части общечеловеческого опыта: есть границы материальных ресурсов, людских, есть войны, стихийные бедствия, моры, есть неблагоприятная для образования расстановка общественных сил и т.д. Все это препятствуют осуществлению даже и объективных потребностей, когда они есть.

* * *

Психологические корни неприятия и отторжения свободы. Жажда рабства. Если приходит человек и говорит: "Вот, я знаю все, я мудрец, я гений, потому и знаю лучше вас, что вам нужно, в чем ваше счастье, какие вы суть на самом деле, что делать, кто виноват, куда идти, и вы должны мне свято верить, не сомневаясь ни в едином моем слове", – то этот человек или честно заблуждается, или же нарочно вводит нас в заблуждение. В обоих случаях он смертельно опасен.

Беда нередко наступает оттого, что ему верят. Ибо в человеке живет тоска по лидерству, ибо людям лень думать самим, они привыкли не доверять себе, боятся ответственности за самоличные решения жизненных вопросов.

Откуда она, эта жажда подчинения? Не от привычки ли к опеке, к теплу и блаженству, к идущему от первых дней жизни вмешательству любящих, сильных, опытных, умных, "важных взрослых" а поток стихийного вмешательства невозможна самая жизнь малыша, он ждет, он требует его криком при отправлении всех своих неизбывных потребностей. Не здесь ли корень застоявшегося инфантильного начальстволюбия, любви к вмешательству в собственную жизнь?

* * *

Этический интеллект.

Стремление к истине есть добродетель, "и не просто одна из добродетелей, но высшая добродетель духа. Найти свое высшее благо подобно Спинозе в чистой истине, как таковой, может лишь характер поистине возвышенной нравственности" (Л. Фейербах).

Идея этического интеллекта имеет сверхобычное значение для агогики, поскольку она предостерегает от развития умственных способностей в отрыве от нравственности, от превращения умственных сил в самоцель. Ум не разыщет истину, обязательно ошибется, если он не бескорыстен и не мужествен. Интеллектуальная смелость требуется от человека не в меньшей степени, чем бесстрашие от бойца. Ненависть к любой форме самообмана, отвращение к душевной слабости никак не меньше нужны, чем способность рассуждать.

* * *

Рассмотрим содержание культуры, чтобы установить ее разновидности и понять характер ее усвоения.

Станем называть культурой такие исторически накопленные человечеством умения, искусства, способы деятельности, вещи и предметы, созданные человеком для человека, которые обладают двумя свойствами. Первое – все они достаточно зрелые, утонченные, рафинированные, сложные, приближающие к совершенству, довольно трудно осуществимые, нуждающиеся в хорошей информации и мастерстве или искусности. Второе – все они могут быть изучены, освоены, переданы от человека к человеку, от поколения к поколению, от эпохи к эпохе как некое мастерство, опыт, знание, понимание, как способность или способ деятельности. Иными словами, культура – это все то традиционно бытующее среди человечества, что воспроизводит себя с помощью обучения, образования, воспитания, присвоения.

Почему возможна культура? Во-первых, благодаря обучаемости человека. Во-вторых, потому что человечество вырабатывает присваиваемые предметы культуры, потому что "тело" культуры поддается усвоению, то есть постижению и/или воспроизведению.

Человечество накопило за свою историю далеко не только созидательную, благотворную, полезную для себя культуру. В ее толще мы обнаруживаем и грозные, страшные, и позорные пласты. Например, культура взаимного уничтожения: военные науки, пытки, казни, погромы, геноцид. Есть культура обмана (дипломатия), насильственно полученной информации (шпионаж), отнятия пло-

дов труда (эксплуатация людей), грабежа различного масштаба (война, разбой, воровство) и т.д. Те, кто хорошо усваивают дурную культуру, становятся опасными для себя и других, а дурно усваивающие хорошую культуру – достаточно бесполезными. Вот почему перед ними стоит задача хорошего усвоения хорошей культуры, в частности, культуры педагогической.

* * *

Формируется ли человек как сумма поглощенной им культуры, или же он является непрерывным процессом переработки этой культуры. Во-первых, из истинной потребности в приобретении культуры, в приобретении званий, что называется ноу-хау и из доступа к этой культуре.

* * *

Вот у меня такие вкусы. Мне так хочется.

И если я живу в здоровом обществе, и с учетом моих интересов, как представитель народа, то я не пожалею и средств на создание школы, в которой я найду именно такого учителя.

Но может так быть, что это потребует слишком много средств. Я не могу нанять всех таких учителей, как мне хочется. Я не слишком богатый человек, предположим. Но, если в общий котел, то это хорошо. Это дает возможность нанять хороший дорогостоящих учителей.

Когда мы идем от контроля общества к контролю народа, на той части подоходного налога, который идет на народное образование, то мы можем и дополнительно нанять, а можем просто контролировать вот эту народную образовательную часть подоходным налогом.

И тогда, что получается?

Тогда я знаю, что я потратил часть трудом заработанных средств, буду больше заинтересован в делах школы, как правило. За исключением тех случаев, когда я откупаюсь от забот. Но если это моего лично ребенка касается, то я буду более заинтересован в том, чтобы приходить школу, смотреть как идут дела, принимать активное участие в туристских походах, ремонте, в самых разных делах. Казалось бы, простая вещь налогообложение, а на самом деле это очень активизирует.

* * *

Я хороший отец, положим, я забочусь о своем ребенке и не жалею последних своих возможностей повысить уровень его образования. Но я ведь могу быть очень большим эгоистом. Например, для своего ребенка я хочу всяческого блага, но я знаю, что соседских мальчишка хулиган, подслеповатый, хромой, злой, противный уродец. Я не хочу, чтобы мой ребенок учился с ним, и мой сосед другой, третий тоже может этого не хотеть. И тогда для ребенка горбатенького, подслеповатенького и вообще неблагополучного в любом отношении в нашей общине может не оказаться места. Человеческие потребности антивалентны, они взаимоисключающие, они одновременно и хорошими могут быть и дурными. Вот здесь и нужно вмешательство государства. Здесь общественная система дополняется государственной не только для более равномерного финансирования школьного дела, но еще и для того, чтобы противодействовать печальному, дурному, плохому в человеческих страстях, намерениях и движениях душевных. В частности, противодействовать местничеству, сепаратизму и разным другим формам эгоизма, всякого рода дискриминаций. Скажем, мне не нравятся цыгане. Я не знаю, что мне не понравится завтра.

* * *

Кроме того, человечество не могло не чувствовать, что это один из стержней преступности, как таковой. Человечество всегда искало ответа на вопрос что

же потом и как и почему. И накопило огромные фолианты. Причем, что ведь возмущает наших обычных философов доморощенных? Смущает то, что так прекрасно сформулирована у братьев Стругацких в работе "Понедельник начинается в субботу". Там один сотрудник отдела счастья говорит: "Это невыносимо! Вот читаю, читаю, что такое счастье. Один говорит одно, другой говорит другое. Все не согласны друг с другом. Ничего не разберешь!" Точно так же и по любому другому философскому вопросу. Все не согласны друг с другом. И стало быть педагогический аспект этой проблемы не может не включать в себя вопроса о мужестве сознания и вообще о мужестве. Проблематику смерти мы никак не можем отделить от проблематики мужества, мужества принять боль раздумий. Ведь любое размышление – это боль и труд. Мужество сопоставлять и сталкивать лбами совершенно разные точки зрения. Мужество не впадать в истерику при достаточно сложных ситуациях, когда мысль скатывается в пропасть, а мышление – это всегда эквилибристика на острие ножа. И слева – пропасть и справа – пропасть. И тот, кто ходил в страну мышления, знает как это страшно.

* * *

Кайсын Кулиев / Наум Гребнев

Кто понял жизнь и смерть? Кто до конца постиг,
О чем беседует скала с чинарой строгой,
И камень с листьями, и с берегом – родник,
И мгла и снегопад – с безмолвною дорогой?

Что умирающий в последний видит миг?
Напрасно спрашивать: молчит земля сырая.
Кто понял жизнь и смерть? Кто до конца постиг,
Что видит человек, что слышит умирая?

Наверно, слышит мать ребенка смех и плач
И помнит дровосек, как звонко пела птица.
Дрожание струны хранит в себе скрипач,
И крик убитого глушит в себе убийца.

Но будет ли ко мне добра моя судьба,
Увижу ли, когда наступит час кончины,
В сиянии луны – высокие вершины,
В сиянии зари – высокие хлеба?

1968

© Борис Михайлович Бим-Бад, 1989-2009